СОДЕРЖАНИЕ

Том 43, № 1, 2022

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

Б. Ф. Ломов о проблемах социальной психологии
В. П. Позняков, А. Л. Журавлев 5

Основные достижения лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях
Н. Е. Харламенкова, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина 17

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Формирование отношения к амбивалентному другому: какая информация принимается в расчет?
М. В. Балева, Г. В. Ковалева 32

Современные методы выявления скрываемой информации
А. В. Учаев 42

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Взаимосвязь использования цифровых устройств и развития регуляторных функций у дошкольников
Н. Е. Веракса, Д. А. Бухаленкова, А. Н. Веракса, Е. А. Чичинина 51

КРОССКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Особенности восприятия праздников у молодежи из различных макрорегионов России
В. Ю. Литвинов 60

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

Интерфейс мозг–компьютер: основные подходы. Часть I. Интерфейсы на основе регистрации электрической активности мозга
А. А. Медынцев 72

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Истоки когнитивно-поведенческой психологии в работе В. М. Бехтерева “Сознание и его границы”
Л. М. Попов, П. Н. Устин 83

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS
А. М. Мишкевич, С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугин, К. Дж. Сото, О. П. Джон 95

Верификация структуры опросника “Причины для жизни” на клинической выборке
Е. В. Пашнин, М. С. Зинчук, А. Г. Герсамия, Н. И. Войнова, А. А. Яковлев, А. С. Аведисова, А. Б. Гехт 109

ДИСКУССИЯ

Биосоциальная проблема в контексте новой глобальной реальности: фокус на трансформационном потенциале индивида

П. С. Сорокин 122

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Психологическое наследие В. Ф. Рубахина (к 100-летию со дня рождения)

А. Л. Журавлев, А. А. Кострыгин 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Социальная психология личности и группы в трансформирующейся России (по материалам Всероссийской научно-практической конференции)

С. В. Сарычев, Г. Н. Ларина, К. М. Гайдар 137

* * *

Забродин Юрий Михайлович 143

CONTENTS

Vol. 43, No. 1, 2022

TO 50-TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS
TO 90-TH ANNIVERSARY OF B.F. LOMOV

About B. F. Lomov's Views on the Problems in Social Psychology
V. P. Poznyakov, A. L. Zhuravlev 5

Achievements of the Laboratory of Psychology of Development of Subject in Normal and Post-Traumatic States: To the 50-th Anniversary of the Institute of Psychology RAS
N. E. Kharlamenkova, E. A. Sergienko, N. V. Tarabrina 17

SOCIAL PSYCHOLOGY

Forming an Attitude to an Ambivalent Other: What Information is Considered Relevant?
M. V. Baleva, G. V. Kovaleva 32

Actual Methods for Detecting Concealed Information
A. V. Uchaev 42

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Relationship Between the Use of Digital Devices and Executive Functions Development in Preschool Children
N. E. Veraksa, D. A. Bukhalenkova, A. N. Veraksa, E. A. Chichinina 51

CROSS-CULTURAL AND REGIONAL PSYCHOLOGY

Perception of Holidays in Young People Living in Different Macro-Regions of Russia, and Value and Sense Relationship to Them
V. U. Litvinov 60

PSYCHOLOGY AND THE INTERNET

Brain-Computer Interface: Basic Approaches. Part I. BCI Based on Registration of Brain Electrical Activity
A. A. Medyntsev 72

HISTORY OF PSYCHOLOGY

The Origins of Cognitive-Behavioral Psychology in the Work of V. M. Bekhterev "Consciousness and Its Boundaries"
L. M. Popov, P. N. Ustin 83

METHODS AND PROCEDURES

The Short and Extra-Short Forms of the Russian Version of the Big Five Inventory-2: BFI-2-S AND BFI-2-XS
A. M. Mishkevich, S. A. Shchebetenko, A. Yu. Kalugin, C. J. Soto, O. P. John 95

Verification of Reasons for Living Inventory in Russian Clinical Sample
E. V. Pashnin, M. S. Zinchuk, A. G. Gersamia, N. I. Voinova, A. A. Yakovlev, A. S. Avedisova, A. B. Guekht 109

DISCUSSION

The Biosocial Problem in the Context of New Global Reality: The Focus on Transformative Potential of Individual
P. S. Sorokin 122

MEMORABLE DATES

The Psychological Heritage of V. F. Rubakhin (To the 100-th Anniversary of His Birth)
A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin 127

SCIENTIFIC LIFE

All-Russian Scientific and Practical Conference “Social Psychology pf Personality and Group in Transforming Russia”
S. V. Sarychev, G. N. Larina, K. M. Gaidar 137

* * *

Zabrodin Yuri Mikhailovich 143

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 5-16

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9.092

Б. Ф. ЛОМОВ О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ[1]

© 2022 г. В. П. Позняков*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.*
E-mail: pozn_v@mail.ru
***Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Институт психологии РАН.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 30.08.2021

Аннотация. Рассматривается ряд направлений, в которых Б.Ф. Ломовым велась разработка проблем социальной психологии и смежных с ней научных дисциплин, в частности психологии управления. Отмечается его большой личный вклад в создание первого научного подразделения социальной психологии в системе академической науки, а также в становление и развитие московской академической школы социальной психологии и разработку проблем методологии, теории и прикладных исследований. Анализируются взгляды Ломова по следующим вопросам. Проблема общения в психологической науке: влияние общения на познавательные процессы; общение и деятельность как основные виды человеческой активности; структура и функции общения; дискуссия в журнале "Вопросы философии" между Б.Ф. Ломовым и А.А. Леонтьевым; общение и познание; общение и совместная деятельность. Совместная деятельность как проблема социальной психологии: общие представления о совместной деятельности; деятельность как социальный феномен; сравнительный анализ индивидуальной и совместной деятельности; структура и функции совместной деятельности; социально-психологические процессы, специфические для совместной деятельности, такие как подражание, внушение, эмоциональное заражение, сотрудничество (взаимное содействие) и соперничество (соревнование); межличностные отношения как структурный элемент совместной деятельности и фактор ее организации и продуктивности. Социально-психологические проблемы управления: становление и развитие психологии управления в конце 1960-х — начале 1970-х годов; включение психологических вопросов в планы разработки научных основ управления; создание первого научно-учебного подразделения, разрабатывавшего социально-психологические аспекты управления, в Институте управления народным хозяйством; разработка Ломовым психологии управления как нового научного направления.

Ключевые слова: Б.Ф. Ломов, история психологии, социальная психология, общение, совместная деятельность, психология управления.

DOI: 10.31857/S020595920018765-7

В 2022 г. отмечаются две памятные для российских психологов даты: 50-летний юбилей Института психологии и 95-летие со дня рождения его организатора и первого директора — Бориса Федоровича Ломова. Б.Ф. Ломов вошел в историю психологии не только как выдающийся организатор психологической науки, но и как крупнейший специалист в области теоретических и методологических проблем психологии. Характерной особенностью Ломова была ярко выраженная ориентация на использование достижений теоретических и эмпирических исследований психологии в различных отраслях общественной практики. Эта ориентация отчетливо выразилась в методологическом принципе единства теории, эксперимента (эмпирического исследования) и практики, сформулированном Ломовым [8 и др.]. В многочисленных публикациях, посвященных анализу научного наследия Ломова, широко представлен его вклад в развитие целого ряда отраслей психологии (см.: [2 и др.]). Однако работ, специально посвященных анализу представлений Ломова в области социальной психологии, до сих пор явно недостаточно. Между тем на всем протяжении творческого пути, особенно в последние годы, Ломов активно интересовался проблемами восстановления и развития этой

[1] Публикация подготовлена по Госзаданию № 0138-2022-0001.

отрасли психологической науки. Об этом свидетельствуют публикации Ломова, представленные в “Психологическом журнале” в начале и середине 1980-х годов (см.: [6; 7 и др.]).

Ломов активно способствовал созданию в декабре 1973 г. сектора социальной психологии в структуре Института психологии АН СССР (позднее преобразованного в лабораторию) — первого научного подразделения в области социальной психологии в системе Академии наук. Сектор по совместительству возглавила Екатерина Васильевна Шорохова, занимавшая в те годы пост заместителя директора института по научной работе. В секторе с момента его основания и до последних лет жизни и творчества работал выдающийся советский психолог Константин Константинович Платонов. Фактически сотрудники лаборатории социальной психологии не только разрабатывали теоретико-методологические проблемы советской социальной психологии, но и занимались проведением теоретико-эмпирических исследований по целому ряду ее актуальных направлений, в том числе инициированных Б.Ф. Ломовым. Коллектив лаборатории выполнял функции организации и координации фундаментальных и прикладных исследований в области социальной психологии в различных регионах и научных центрах Советского Союза, его сотрудники участвовали в организации крупных научно-практических семинаров и конференций. В первые годы работы лаборатории в ней получили научную подготовку и сформировались как ученые такие известные специалисты в области социальной психологии, как Вера Александровна Кольцова, Анатолий Лактионович Журавлев, Елена Владимировна Фаготова (Журавлева), Вячеслав Александрович Соснин и др. Позднее в работу лаборатории включилось и новое, третье по счету поколение социальных психологов, многие из которых были учениками своих старших коллег. Таким образом, с исторической точки зрения можно смело утверждать о формировании в 1970–1980-е годы научной академической школы социальной психологии, одним из инициаторов и основателей которой был и Борис Федорович Ломов.

В архиве Института психологии РАН хранится целый ряд неопубликованных материалов Ломова, специально посвященных проблемам социальной психологии. Глубокий и всеобъемлющий анализ представлений Ломова в области социальной психологии — во многом задача будущих исследователей. В рамках данной статьи авторы ставили перед собой более скромную задачу — проанализировать взгляды Ломова в области социальной психологии, сложившиеся в начальный период его работы на посту директора Института психологии АН СССР, т.е. в 1970-е годы, и в предшествовавший период его работы в Москве (после 1967 г.). Рассматриваемые проблемы можно содержательно объединить в три группы. Это, во-первых, теоретико-эмпирические исследования психологии общения. Во-вторых, разработка Ломовым психологических проблем совместной деятельности. И, наконец, вклад Ломова в становление и развитие психологии управления. Несмотря на то что все три указанных направления исследований не ограничивались исключительно социально-психологическими вопросами, именно им уделяется главное внимание.

ОБЩЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Одно из первых обращений Б.Ф. Ломова к вопросам психологии общения прозвучало в его докладе на IV Всесоюзном съезде Общества психологов СССР в Тбилиси в июне 1971 г., текст которого был затем опубликован в журнале “Вопросы психологии” [19]. В этом выступлении автором была заявлена принципиальная позиция о соотношении феноменов и категорий деятельности и общения: “Реальный образ жизни человека, определяющий его психологический склад, не исчерпывается предметно-практической деятельностью. Она составляет лишь одну сторону образа жизни, поведения в широком смысле. Другой стороной образа жизни, поведения человека является общение как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми” [19, с. 18]. В этом выступлении Ломов в качестве основных функций общения обозначил обмен идеями, интересами, формирование установок личности, усвоение общественного опыта. То есть речь шла именно о социально-психологических аспектах психологии общения. Вместе с тем, отмечая явный недостаток психологических исследований по данной проблеме, Ломов сформулировал одно из направлений ее будущих исследований, которые впоследствии были реализованы в Институте психологии АН СССР: “Есть некоторые (в том числе экспериментальные) основания полагать, что условия общения оказывают существенное влияние на динамику перцептивных, интеллектуальных и мнемических процессов. Это относится также к психическим состояниям и еще в большей мере к коллективной деятельности людей, поскольку общение составляет как бы внутренний механизм жизни коллектива (или социальной группы)” [Там же].

В публикациях, посвященных творческому наследию Б.Ф. Ломова, достаточно много внимания уделялось его теоретическим взглядам и эмпирическим разработкам проблемы общения. Отмечалась новаторская идея Ломова о том, что общение представляет собой “особый класс отношений, а именно субъектно-субъектных, где обе стороны взаимодействия отличаются активной позицией. Основой субъектно-субъектных отношений является взаимная обусловленность, взаимосвязанность и взаимообратимость целей, мотивов и средств воздействия” [2, с. 12]. При этом авторы подчеркивали реализацию Ломовым общепсихологического подхода к изучению общения. Исследования, выполненные в 1970-е годы сотрудниками Института психологии АН СССР по единой программе, разработанной Б.Ф. Ломовым, “позволили охватить практически всю совокупность психических явлений: восприятие и оценку слуховых сигналов при решении задач шкалирования; опознание сложных визуальных объектов; запоминание и воспроизведение материала; формирование понятий; решение мыслительных, в том числе творческих, задач; процессы целеполагания и др.” [Там же, с. 13].

Вместе с тем необходимо отметить, что первые авторские публикации Ломова, где излагаются его теоретические представления и результаты эмпирических (экспериментальных) исследований в области психологии общения, выполненные им еще в ленинградский период его научной работы, были опубликованы в коллективном труде, посвященном методологическим проблемам *социальной* психологии [10; 14]. В этих статьях общение рассматривалось Ломовым в контексте проблем не только общей, но и прежде всего социальной психологии. «С развитием социальной психологии проблема общения все более становится некоторым “логическим центром” в общей системе проблематики этой науки. Она так или иначе ставится в исследованиях межличностных отношений, восприятия и понимания человека человеком (интерперсонального восприятия), структуры и динамики так называемых малых групп (групповой динамики), формирования трудовых и иных коллективов, механизмов социальной регуляции поведения людей, процессов массовой коммуникации и многих других явлений, изучаемых социальной психологией...» [10, с. 124]. Сопоставляя содержание категорий *деятельности* и *общения*, Ломов категорически возражает против рассмотрения общения как одного из видов деятельности, что характерно для взглядов представителей московской университетской школы психологии, в частности А.А. Леонтьева. Общение и деятельность рассматриваются Ломовым как принципиально различные виды и сферы активности и жизнедеятельности человека: «...понятие “общение” охватывает другую, нежели деятельность, категорию реально существующих отношений “субъект–субъект”. И хотя, несомненно, что деятельность и общение имеют много общих черт, этого еще недостаточно для их отождествления (либо сведения одной категории отношений к другой). ...Общение — это не сложение, не накладывание одна на другую параллельно развивающихся (“симметричных”) деятельностей, а именно взаимодействие субъектов, вступающих в него как партнеры» [Там же, с. 126–127]. Теоретические представления Б.Ф. Ломова о соотношении категорий деятельности и общения в психологической науке, его принципиальная позиция в отрицании монопольного положения категории “деятельность” как основной неоднократно излагались им как в публичных выступлениях, в частности, в очной дискуссии с А.А. Леонтьевым в Институте психологии АН СССР, так и в его публикациях в ведущих научных журналах (см.: [4; 5 и др.]).

Говоря о категориях деятельности и общения, Ломов обозначает их как “две стороны социального бытия человека, его образа жизни. Когда мы изучаем образ жизни конкретного индивида, мы не можем ограничиться анализом только того, что и как он делает, мы должны также исследовать и то, с кем и как он общается, т.е. сферу и способы общения, в которые он включается” [10, с. 130]. Таким образом, автор прямо заявляет о необходимости разработки социально-психологических аспектов проблемы общения при изучении психологии человека. Чрезвычайно интересными и актуальными представляются размышления Ломова о взаимном переходе и превращении категорий общения и деятельности из одной в другую как неразрывно связанных сторон социального бытия. Для примера Ломов приводит деятельность педагога, где в качестве ее средств и способов нередко используется то, что характерно для общения, которое строится по законам деятельности. В других случаях “предметно-практические действия используются в качестве средств и способов общения, а сама деятельность строится по законам общения (например, театральное представление, демонстрационное поведение)” [Там же, с. 131].

Далее Ломов отмечал, что “строгий научный аппарат исследования процессов общения как специфической стороны социального бытия человека, почти не разработан. Отчасти это, видимо, объясняется тем, что долгое время социальная психология в нашей стране почти не развивалась” [Там же, с. 128]. Критикуя попытки некоторых зарубежных

коллег сводить феномен общения исключительно к функции коммуникации как процесса обмена информацией, отмечая невозможность рассмотрения совместной деятельности людей просто как суммы параллельно развивающихся индивидуальных деятельностей, Ломов подчеркивал важнейшую роль общения в процессе формирования человеческих общностей: «Итак, общение обеспечивает формирование общности индивидов, выполняющих совместную деятельность. Свойства, которыми характеризуется "совокупный субъект деятельности", тем или иным образом трансформируют, преобразуют свойства индивидов» [Там же, с. 132]. В рамках совместной деятельности, пишет далее Ломов, «...развиваются такие специфические социально-психологические явления, как "*со*-действие", "*со*-ревнование", "*со*-чувствие", "*со*-возбуждение" и т.п.» [Там же, с. 133]. Фактически в данной статье Ломов формулирует глобальную задачу исследования механизмов и закономерностей протекания общения людей в процессе их совместной деятельности и формирования ее коллективного субъекта. Решение этой задачи было и продолжает оставаться приоритетной научной проблемой социальной психологии [1; 28 и др.]. В условиях общения, по мнению Ломова, иначе, чем в индивидуальной деятельности, протекают процессы воспроизведения хранящегося в памяти материала, повышается общая активность мышления, обогащаются приемы решения задач и проблем. Чрезвычайно конструктивным и актуальным является положение Ломова о том, что общение (при правильной его организации) отнюдь не сводится только к процессам передачи и усвоения информации, которой изначально обладают партнеры. Общение может выступать социально-психологическим механизмом формирования у его участников нового опыта, механизмом творчества.

Вторая статья [14], представленная в книге, посвященной методологическим проблемам социальной психологии, излагает результаты эмпирических (экспериментальных) исследований познавательных процессов в условиях непосредственного общения. Ломов анализирует особенности протекания процессов восприятия и воспроизведения пространственных и вербальных представлений участников эксперимента. И хотя сам автор отмечает, что полученные эмпирические данные не обладают высокой степенью научной строгости и доказательности, описание процедуры проведения эксперимента, анализа и интерпретации его результатов характеризуется высокой степенью психологической проницательности, наглядности и глубины, представляя безусловный познавательный интерес для самого искушенного современного специалиста. Увлекательно и образно описана динамика поведения испытуемых в процессе зрительного поиска заданного объекта наблюдения, воспроизведения топографического плана Дворцовой площади в Ленинграде, стихотворного текста (отрывка из романа Пушкина "Евгений Онегин"). Резюмируя полученные в исследовании результаты, Ломов делает вывод о том, что важнейшим условием, порождающим потребность в общении, является возникновение *проблемной ситуации*, для индивидуального решения которой у участников эксперимента недостаточно имеющихся знаний, умений и навыков. В качестве основных функций общения в проведенных опытах Ломов выделяет обмен участников индивидуальными результатами познавательной деятельности, взаимную регуляцию и коррекцию выполняемых действий и формирование на этой основе общности группы как "совокупного субъекта деятельности" [14, с. 163].

Новаторские идеи Б.Ф. Ломова легли в основу программы исследований протекания познавательных процессов в условиях непосредственного взаимодействия испытуемых. Сотрудниками Института психологии АН СССР были исследованы и получены новые эмпирические данные, характеризующие особенности таких процессов, как: восприятие и оценка слуховых сигналов при решении задач шкалирования (В.Н. Носуленко); формирование понятий (В.А. Кольцова); решение мыслительных, в том числе творческих, задач (Я.А. Пономарев); целеполагание (А.А. Грачев) и др. Результаты этих исследований были представлены в обобщающих статьях Б.Ф. Ломова, опубликованных в "Психологическом журнале" (см.: [12 и др.]) и в коллективных научных трудах, подготовленных под его редакцией [25; 27 и др.].

Развитие теоретических представлений Ломова о феномене и понятии общения как объекте психологических исследований показывает, что автор не ограничивался исследованием общения только в связи с анализом познавательных процессов и совместной деятельности. Рассматривая структуру и функции общения [11 и др.], Ломов среди последних, наряду с организацией совместной деятельности и познания людьми друг друга (в том числе и себя самого), в качестве самостоятельной выделил функцию формирования отношений между людьми, включив в систему социально-психологических понятий, используемых при анализе общения, наряду с познанием и деятельностью, понятие взаимоотношений как центральную категорию социальной психологии, определяющую, по мнению ряда ведущих отечественных психологов, ее предмет [24 и др.]. Одним из первых Б.Ф. Ломов

обратил внимание психологов на то, что в русском языке понятия “общение” и “общность” имеют общий корень. Именно общение, а не только совместная деятельность, не только коммуникация как обмен информацией выступает условием и механизмом формирования психологической общности людей. Подлинное общение как процесс взаимного познания, обмена переживаниями, формирования и поддержания благоприятных эмоционально близких отношений невозможно без психологической общности партнеров. Приведенные примеры показывают, что категория общения изначально рассматривалась Ломовым не только как общепсихологическая, но и как социально-психологическая.

Изучая проблемы соотношения биологического и социального в психологии [8; 13 и др.], роль психологических факторов в регуляции социального поведения [11 и др.], Ломов последовательно проводит мысль о том, что общение и совместная деятельность, межличностные отношения людей в процессе совместной жизнедеятельности выступают реальными механизмами формирования, протекания и изменения общественных отношений, которые, в свою очередь, определяют формирование и развитие личности и ее социальное поведение. Это теоретическое положение явилось отправной точкой теоретико-эмпирических исследований сотрудников Института психологии РАН, посвященных социально-психологическим проблемам отношений между людьми, в том числе не только межличностных, но и межгрупповых [3; 26; 29 и др.].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Б.Ф. ЛОМОВА О СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Категория совместной деятельности, наряду с категориями общения и отношений, является одной из ключевых в системе теоретических представлений Ломова в области социальной психологии. Она присутствует практически во всех крупных научных публикациях Ломова начиная с 1970-х годов, вплоть до последних его прижизненно изданных работ. Однако первые обращения Ломова к этой категории появились не в теоретических, а в практически ориентированных публикациях, в частности в коллективной монографии (а фактически — учебном пособии) “Правовые и социально-психологические аспекты управления”, опубликованной в издательстве “Знание” в 1972 г. и предназначенной для ознакомления хозяйственных руководителей с научными основами управления [30]. Одна из глав этого учебного пособия, написанных Б.Ф. Ломовым, называется “Совместная (групповая) деятельность людей, формирование трудовых коллективов и психологические аспекты управления ими”. Начинается глава с достаточно простого и понятного практикам (напомним, что монография предназначена для хозяйственных руководителей) тезиса о том, что производственный процесс, как и процесс управления, не является простой суммой индивидуальных деятельностей, выполняемых изолированными индивидами. Он представляет собой совместную деятельность работников, существенными характеристиками которой является их взаимосвязь и взаимодействие. Далее следует развернутая цитата из “Капитала” К. Маркса о повышении индивидуальной производительной силы в процессе кооперации работников как следствия “возбуждения жизненной энергии” и создании новой, массовой производительной силы и делается вывод о необходимости научного изучения механизмов, лежащих в основе этих эффектов. Тем самым проблема совместной трудовой деятельности и коллектива как ее субъекта изначально ставится Ломовым как прикладная, практическая проблема. И далее Ломов переходит к собственно научной, в том числе социально-психологической, проблематике исследования трудовых коллективов и совместной деятельности. “Немаловажная роль в системе наук, изучающих трудовые коллективы, принадлежит психологии, в особенности социальной, которая изучает специфические психологические явления, обусловленные совместной деятельностью людей” [30, с. 213].

В качестве таких явлений в данной работе называются межличностные отношения (“психологические по своей природе”, по словам автора): симпатии, антипатии, дружба, подражание и внушение (позднее Ломов добавит к ним эмоциональное заражение), сопереживание и содействие, взаимные требования, общее настроение, интеллектуальное, эмоциональное и волевое единство коллектива. В качестве общего термина для обозначения всей совокупности перечисленных социально-психологических явлений, возникающих в условиях совместной деятельности, Ломов использует понятие “психологический климат”. Характерно, что уже в этой публикации в качестве примеров совместной деятельности и ее коллективных субъектов Ломов рассматривает не только трудовую деятельность и рабочие группы (трудовые коллективы), но и управленческую деятельность. По сути, в этой работе впервые ставится проблема коллектива не только как объекта управления (что в те годы стало уже традицией в исследованиях в области социальной психологии управления), но и как его

субъекта. “Таким образом, — завершает главу Ломов, — решение задачи совершенствования как производства, так и управления требует тщательного учета социально-психологических факторов, поскольку оно связано не только с изменением объективных отношений между людьми, но также и изменением межличностных (психологических) отношений, способов и форм общения между ними, стиля их совместной деятельности и т.д.” [Там же, с. 215–216].

Дальнейшее развитие теоретических представлений Ломова в области совместной деятельности было тесно связано с теоретико-эмпирическими исследованиями проблемы общения, соотношения категорий общения и деятельности, а также роли общения и совместной деятельности в регуляции познавательных процессов [12]. К категории совместной деятельности Ломов неоднократно обращался в публикациях, посвященных проблеме общения. Организация совместной деятельности выступает в его работах как одна из основных функций общения [11, с. 87]. Именно общение выступает, по мнению Ломова, в качестве основного психологического механизма, обеспечивающего формирование общности индивидов, выполняющих совместную деятельность. Исключительно важную роль общение выполняет в формировании коллективного субъекта совместной деятельности, согласовании индивидуальных целей и мотивов ее участников.

Анализируя различные варианты совместной деятельности, получившие в литературе такие ее обозначения, как совместно-индивидуальная, совместно-последовательная и совместно-взаимодействующая (Л.И. Уманский), Ломов отмечает, что именно в последней из них роль социально-психологических факторов, в частности такого феномена, как психологическая совместимость, является наиболее важной. Если в более ранних исследованиях и посвященных им публикациях социально-психологические явления рассматривались Ломовым как факторы совместной деятельности, то в последующих сама совместная деятельность, наряду с общением, рассматривалась как фактор динамики психических процессов.

В теоретических представлениях Б.Ф. Ломова совместная деятельность выступает как весьма широкое понятие. “Вообще говоря, любое проявление жизни общества можно рассматривать как совместную деятельность людей. Строго говоря, любая индивидуальная деятельность является составной частью деятельности совместной” [8, с. 232]. Поэтому попытки изучать и описывать индивидуальную деятельность вне социального контекста как деятельность изолированного индивида, по мнению Ломова, заведомо обречены на серьезные трудности и неудачи. Рассматривая структуру совместной деятельности в соответствии с подходом, принятым в психологической науке при анализе индивидуальной деятельности, Ломов анализирует специфические, по сути, социально-психологические особенности соотношения индивидуальных и формирования общегрупповых целей и мотивов совместной деятельности, процессов планирования и организации, контроля и оценки ее результатов. При этом автор обращает внимание на специфику всех основных ее составляющих, которые в дальнейшем стали объектами специальных научных исследований сотрудников Института психологии АН СССР.

Сравнивая структуру и содержание индивидуальной и совместной деятельности, Ломов отмечает, что последняя гораздо богаче (термин Ломова) по своему психологическому содержанию. И это касается не только собственно особенностей основных ее составляющих, но и характерных только для нее специфических процессов и факторов. К их числу Ломов относит такие социально-психологические явления, как подражание, внушение, эмоциональное заражение, сотрудничество (взаимное содействие) и соперничество (соревнование). В качестве важного структурного элемента совместной деятельности и фактора ее организации и продуктивности Ломов называет межличностные отношения в группе (коллективе). Они не только оказывают существенное влияние на протекание всех составляющих процесса совместной деятельности, начиная от целеполагания и мотивации и заканчивая процессами взаимного контроля и оценки действий, но и сами формируются и развиваются в этой деятельности.

При этом Ломов специально подчеркивает, что такие наиболее существенные социально-психологические характеристики, как цели и мотивы совместной деятельности, зависят в первую очередь от социальных условий, в которых она реализуется, от характера объективных общественных отношений. “Общественная природа деятельности проявляется, конечно, и в том случае, когда она протекает как индивидуальная, и в том, когда она протекает как совместная. Но во втором случае это обнаруживается более явно и полно. То, как именно будут складываться совместная деятельность и взаимоотношения людей в процессе ее выполнения, в конце концов, определяется системой общественных, и прежде всего, производственных, отношений, которые сформировались в данном обществе” [8, с. 231]. Это теоретическое положение Ломова особенно актуально на современном этапе

исторического развития российского общества, в период радикальной трансформации базовых общественных, в том числе производственных, отношений.

ВКЛАД Б.Ф. ЛОМОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Психология управления как самостоятельная отрасль психологической науки зародилась в нашей стране во второй половине 1960-х годов. Однако наиболее интенсивное ее развитие приходилось на 1970-е — начало 1980-х годов, когда появились фундаментальные монографические работы ведущих отечественных специалистов в этой области (А.И. Китов, А.Г. Ковалев, Е.С. Кузьмин, В.В. Новиков, Б.Д. Парыгин, В.Ф. Рубахин, А.Л. Свенцицкий, Л.И. Уманский, А.В. Филиппов и др.), были выполнены диссертационные исследования по различным направлениям психологии управления, проведены первые научно-практические конференции, вышел ряд учебных пособий по этой дисциплине. Коллектив Института психологии АН СССР и лично Борис Федорович Ломов принимали самое активное участие в становлении и развитии этого нового для того времени и перспективного научного направления. Уже в конце 1960-х годов, т.е. до появления Института психологии АН СССР, Ломов активно участвовал в решении научно-организационных и научно-практических проблем, связанных с развитием психологии управления.

Постановлением Совета Министров СССР в Москве под руководством Государственного комитета СССР по науке и технике впервые в Советском Союзе было создано высшее учебно-научное учреждение — Институт управления народным хозяйством (1971 г.), основной задачей которого было повышение квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области научно-практических проблем организации производства, планирования и управления. Основными слушателями Института управления народным хозяйством являлись советские руководители высшего звена управления: руководящие работники общесоюзных и республиканских министерств и ведомств, государственных комитетов, крупных производственных объединений и предприятий. В 1977 г. постановлением Совета Министров СССР на базе Института управления народным хозяйством было создано новое высшее учебно-научное заведение — Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР, которая занималась вопросами подготовки и переподготовки руководящих работников и специалистов министерств и ведомств, связанных с вопросами управления народным хозяйством СССР. Первым заведующим кафедрой научных основ руководства Института управления народным хозяйством стал Б.Ф. Ломов.

Проблемы, связанные с психологией управления, Ломов начал разрабатывать задолго до возникновения отечественной психологии управления как самостоятельной отрасли психологической науки. В 1967 г. в издательстве “Знание” вышла в свет его монография “Человек в системах управления”, посвященная анализу психологических проблем деятельности человека-оператора в автоматизированных системах управления [20]. Поэтому вполне логичным представляется развитие основных идей, связанных с исследованием психической регуляции поведения человека в системах “человек–техника”, применительно к анализу деятельности человека в управлении социотехническими системами, в частности производственными организациями. Это направление в разработке проблем психологии управления, уходящее своими корнями в область инженерной психологии и психологии труда, развивалось такими психологами, как В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов и др. В рамках этого направления психологические проблемы управления рассматривались и исследовались преимущественно как проблемы приема и переработки информации, принятия решений и организации управленческого воздействия.

Однако параллельно и одновременно складывалось другое направление в разработке проблем психологии управления, основанное на социальной психологии. В его рамках больше внимания уделялось психологическим проблемам руководства трудовыми коллективами, управленческого взаимодействия, организаторской деятельности. Это направление разрабатывалось такими психологами, как Е.Е. Вендров, А.Л. Журавлев, А.И. Китов, А.Г. Ковалев, Е.С. Кузьмин, Б.Д. Парыгин, А.Л. Свенцицкий, Л.И. Уманский и др.

Для Б.Ф. Ломова как основателя и лидера системного подхода в психологии изначально был характерен целостный подход, позволявший интегрировать в рамках психологии управления как нового научного направления идеи, методы и наработки, сформированные в рамках обеих ветвей психологии управления. Не случайно поэтому в основных публикациях Ломова, посвященных проблемам психологии управления, уделялось внимание как психологическим проблемам управленческой деятельности или психологии труда руководителя, так и социально-психологическим проблемам руководства коллективом, взаимодействия и взаимоотношений

руководителя с другими участниками управленческого взаимодействия (подчиненными, коллегами, вышестоящими руководителями). Так, в уже упомянутой выше одной из первых фундаментальных монографий, посвященной правовым и социально-психологическим аспектам управления, предназначенной для хозяйственных руководителей и вышедшей в свет в издательстве “Знание” в 1972 г., Ломов выступил автором глав, посвященных как вопросам психологии труда (“Трудовая деятельность человека, ее структура и механизмы регуляции”, “Динамика работоспособности”) и инженерной психологии (“Информационное взаимодействие человека и машины в системах управления”), так и социально-психологическим проблемам (“Совместная (групповая) деятельность людей, формирование трудовых коллективов и психологические аспекты управления ими”). В Институте психологии АН СССР диссертационные исследования, посвященные проблемам психологии управления и организационной психологии, защищались аспирантами и соискателями по специальностям как “Психология труда” (А.Л. Журавлев и др.), так и “Социальная психология” (Е.В. Таранов и др.).

Б.Ф. Ломов неоднократно отмечал в своих публикациях первостепенную роль психологии управления как научного фундамента и одного из главных направлений в ориентации психологической науки на службу общественной практике [15–18 и др.]. Вместе с коллегами и соратниками Б.Ф. Ломов активно пропагандировал достижения и перспективы развития психологии управления в нашей стране (см.: [22, 23 и др.]). По инициативе и при поддержке Б.Ф. Ломова сотрудники Института психологии АН СССР активно помогали организации и участвовали в первых Всесоюзных конференциях по психологии управления, проходивших в разных городах страны — Риге (1974), Кургане (1977), Москве (1979), Калинине (1981) и др. Б.Ф. Ломов активно способствовал проведению прикладных исследований и созданию психологических служб на промышленных предприятиях в различных регионах Советского Союза.

Обобщающей научной работой, в которой были изложены основные теоретические представления Ломова в области психологии управления, стало отдельное издание “Психология и управление”, вышедшее в издательстве “Знание” в 1978 г. (в соавторстве с А.Л. Журавлевым). В этом труде отмечалось возрастание роли и значения психологических факторов в управлении производством. В качестве основного источника возникновения и развития психологии управления авторы выделили прежде всего практический: “Практика управления испытывает настоятельную потребность в данных о человеке как субъекте и объекте управления” [21, с. 5]. В соответствии с поставленной задачей в этом издании раскрываются психологические особенности трудовой деятельности человека, формирования и развития трудового коллектива как объекта управления. Анализируется деятельность руководителя, и дается ее психологическая характеристика. Рассматриваются некоторые социально-психологические методы руководства. Дается психологическая характеристика социально-психологических типов и стилей руководства и их влияния на успешность деятельности коллектива. Особое внимание уделяется анализу опыта работы практических психологов и психологических служб на промышленных предприятиях (Ленинградском научно-производственном объединении “Светлана”, Курганском приборостроительном заводе и др.).

В главной своей монографии, посвященной методологическим и теоретическим проблемам психологии, отмечая практическую эффективность применения знаний и методов, разрабатываемых в психологии управления, Ломов писал: «Поскольку управление включает как важнейший компонент руководство деятельностью людей, его совершенствование предполагает использование знаний о человеке, о закономерностях деятельности и поведения, о возможностях и способностях человека, о психологических различиях между людьми, об их взаимодействии в трудовых коллективах. Без знания этих закономерностей трудно добиться высокой эффективности управления; они необходимы руководителю современного производства не меньше, чем, например, знания в области технологии или экономики. Недоучет или недостаточное понимание психологических компонентов управления, как показывает опыт, приводит к возникновению конфликтов, высокой текучести кадров, нарушениям трудовой дисциплины. ...Напротив, разумное использование психологических факторов позволяет подчас относительно “малыми” средствами получать значительный экономический эффект» [8, с. 30]. Эти слова выдающегося ученого, прекрасного организатора психологической науки, отдавшего много сил для того, чтобы донести достижения психологической науки до общественной практики, поставив их ей на службу, и сегодня звучат чрезвычайно актуально.

Обращаясь к проблемам организационной психологии в статье, посвященной социальной обусловленности регуляции поведения личности в условиях научно-технической революции [9],

Ломов уделяет специальное внимание важной роли социальных функций в управлении производственной организацией: “Для человека в наших условиях естественно ожидать от производственной организации и трудового коллектива, членом которого он является, помощи не только в решении задач, связанных с трудом, но и в социальном обеспечении, организации отдыха, досуга, медицинском обслуживании, образовании, воспитании детей, в удовлетворении культурных потребностей. Это определяет систему отношений и структуру сознания индивида, ставящего трудовую деятельность во главу угла всех сфер его жизни” [Там же, с. 35].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги краткого анализа представлений Бориса Федоровича Ломова в области социальной психологии и некоторых смежных отраслей (психологии общения и психологии управления), следует отметить, что в своих работах ученый последовательно реализовал сформулированный им принцип единства теории, эксперимента (эмпирического исследования) и практики. В разработке теоретических проблем социальной психологии им была предложена целостная система базовых категорий, составляющих фундамент этой дисциплины. Важным теоретическим результатом разработки Б.Ф. Ломовым социально-психологических проблем явился выход за рамки традиционных для современной ему психологии категорий деятельности, познания, общения и обращение к таким более емким и фундаментальным категориям, как совместная жизнедеятельность, взаимодействие и взаимоотношения.

Б.Ф. Ломов выступил инициатором и организатором целой серии эмпирических, в том числе экспериментальных, исследований сформулированных им теоретических проблем общения, совместной деятельности и ее коллективного субъекта, организации и управления, которые начались при его непосредственном участии и продолжаются до сих пор его учениками и последователями.

В своих теоретических и эмпирических исследованиях Ломов исходил из потребностей общественной практики, призывая психологов активно участвовать в исследовании и решении не только производственно-экономических, но и социальных проблем. В постановке и решении этих задач важную роль должна была сыграть и социальная психология, возрождению, становлению и развитию которой Ломов уделял большое внимание не только в 1970-е годы, но и в последние годы жизни и творчества (вторая половина 1980-х годов), привлекая, воспитывая и организуя научно-практическую деятельность своих учеников. Поэтому Бориса Федоровича Ломова, наряду с двумя другими выдающимися учеными, работавшими вместе с ним в Институте психологии АН СССР — Константином Константиновичем Платоновым и Екатериной Васильевной Шороховой, по праву следует считать одним из основателей и руководителей московской академической школы социальной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
2. *Кольцова В.А.*, *Журавлев А.Л.* Б.Ф. Ломов — новатор и первопроходец в психологической науке (к 90-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 5–16.
3. *Кроник А.А.*, *Кроник Е.А.* Психология человеческих отношений. М.: Когито-центр, 1998.
4. *Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.
5. *Ломов Б.Ф.* Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 34–47.
6. *Ломов Б.Ф.* Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.
7. *Ломов Б.Ф.* Методологические проблемы социальной психологии // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 3. С. 21–32.
8. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
9. *Ломов Б.Ф.* Научно-техническая революция и социальная обусловленность регуляции поведения личности // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 29–40.
10. *Ломов Б.Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 124–135.
11. *Ломов Б.Ф.* Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 64–93.
12. *Ломов Б.Ф.* Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 5. С. 26–42.
13. *Ломов Б.Ф.* Проблема биологического и социального в психологии // Биологическое и социальное в развитии человека / Под ред. Б.Ф. Ломова,

Е.В. Шороховой, А.В. Брушлинского. М.: Наука, 1977. С. 34–65.

14. *Ломов Б.Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 151–164.
15. *Ломов Б.Ф.* Психологическая наука — практике // Социально-психологическая служба промышленного предприятия. Теория. Опыт. Практика / Под ред. Е.В. Таранова, Ю.М. Забродина. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1983. С. 5–27.
16. *Ломов Б.Ф.* Психологическая наука и общественная практика. М.: Знание, 1973.
17. *Ломов Б.Ф.* Психологическая служба страны // Вестник АН СССР. 1980. № 1. С. 20–30.
18. *Ломов Б.Ф.* Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. 1979. № 10. С. 35–45.
19. *Ломов Б.Ф.* Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС // Вопросы психологии. 1971. № 5. С. 3–19.
20. *Ломов Б.Ф.* Человек в системах управления. Л.: Знание, 1967.
21. *Ломов Б.Ф.*, *Журавлев А.Л.* Психология и управление. (Серия "Наука и управление". Вып. 7.) М.: Знание, 1978.
22. *Ломов Б.Ф.*, *Китов А.И.*, *Рубахин В.Ф.*, *Филиппов А.В.* Актуальные проблемы психологии управления: доклад к V всесоюзному съезду психологов СССР, 26.06–01.07.1977, Москва. М.: Изд-во АПН СССР, 1977.
23. *Ломов Б.Ф.*, *Рубахин В.Ф.* Психология и управление // Психология управления: В 2 вып. Вып. 1. М.: Знание, 1976. С. 5–26.
24. *Мясищев В.Н.* Взаимодействия и взаимоотношения людей как предмет социальной психологии // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 5. М., 1963. С. 185–188.
25. Познание и общение / Отв. ред. Б.Ф. Ломов. М.: Наука, 1988.
26. *Позняков В.П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
27. Проблема общения в психологии / Отв. ред. Б.Ф. Ломов. М.: Наука, 1981.
28. Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
29. *Сушков И.Р.* Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
30. *Шорин В.Г.*, *Ломов Б.Ф.*, *Шепель В.М.*, *Лаптев В.В.* Правовые и социально-психологические аспекты управления / Под общ. ред. В.Г. Шорина. М., 1972. Сер. Наука и управление. Книга вторая.

ABOUT B. F. LOMOV'S VIEWS ON THE PROBLEMS IN SOCIAL PSYCHOLOGY[2]

V. P. Poznyakov*, A. L. Zhuravlev**

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
**Doctor of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher.*
E-mail: pozn_v@mail.ru
***Academic of RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 30.08.2021

Abstract. The article presents some directions of B.F. Lomov's development of problems of social psychology and related scientific disciplines, in particular, management psychology. Lomov's great personal contribution to the creation of the first scientific division of social psychology in the system of academic science, to the formation and development of the Moscow academic school of social psychology and to the development of problems of theory, methodology and applied research is noted. Lomov's views on the following problems of social psychology and the areas of research bordering on it are considered. The problem of communication in psychological science. The influence of communication on cognitive processes. Communication and activity

[2] The publication was prepared according to the State Task № 0138-2022-0001.

as the main types of human activity. The structure and functions of communication. Discussion in the journal "Questions of Philosophy" between B.F. Lomov and A.A. Leontiev. Communication and cognition. Communication and joint activities. Joint activity as a problem of social psychology. General ideas about joint activities. Activity as a social phenomenon. Comparative analysis of individual and joint activities. The structure and functions of joint activities. Socio-psychological processes specific to joint activities: imitation, suggestion, emotional infection, cooperation (mutual assistance) and rivalry (competition). Interpersonal relations as a structural element of joint activity and a factor of its organization and productivity. Socio-psychological problems of management. Formation and development of management psychology in the late 1960s — early 1970s.The inclusion of psychological issues in the plans for the development of the scientific foundations of management. Creation of the first scientific and educational unit that developed socio-psychological aspects of management at the Institute of National Economy Management. Lomov's development of management psychology as a new scientific direction.

Keywords: B.F. Lomov, history of psychology, social psychology, communication, joint activity, collective subject, psychology of management

REFERENCES

1. *Zhuravlev A.L.* Psihologija sovmestnoj dejatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005. (In Russian)
2. *Kol'cova V.A.*, *Zhuravlev A.L.* B.F. Lomov — novator i pervoprohodec v psihologicheskoj nauke (k 90-letiju so dnja rozhdenija). Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 6. P. 5–16. (In Russian)
3. *Kronik A.A.*, *Kronik E.A.* Psihologija chelovecheskih otnoshenij. Moscow: Kogito-centr, 1998. (In Russian)
4. *Lomov B.F.* K probleme dejatel'nosti v psihologii. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. V. 2. № 5. P. 3–22. (In Russian)
5. *Lomov B.F.* Kategorii obshhenija i dejatel'nosti v psihologii. Voprosy filosofii. 1979. № 8. P. 34–47. (In Russian)
6. *Lomov B.F.* Lichnost' v sisteme obshhestvennyh otnoshenij. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. V. 2. № 1. P. 3–17. (In Russian)
7. *Lomov B.F.* Metodologicheskie problemy social'noj psihologii. Psikhologicheskii zhurnal. 1987. V. 8. № 3. P. 21–32. (In Russian)
8. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Eds. Ju.M. Zabrodin, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
9. *Lomov B.F.* Nauchno-tehnicheskaja revoljucija i social'naja obuslovlennost' reguljacii povedenija lichnosti. Psihologicheskie problemy social'noj reguljacii povedenija. Eds. E.V. Shorohov, M.I. Bobnev. Moscow: Nauka, 1976. P. 29–40. (In Russian)
10. *Lomov B.F.* Obshhenie kak problema obshhej psihologii. Metodologicheskie problemy social'noj psihologii. Moscow: Nauka, 1975. P. 124–135. (In Russian)
11. *Lomov B.F.* Obshhenie i social'naja reguljacija povedenija individa. Psihologicheskie problemy social'noj reguljacii povedenija. Eds. E.V. Shorohov, M.I. Bobnev. Moscow: Nauka, 1976. P. 64–93. (In Russian)
12. *Lomov B.F.* Osobennosti poznavatel'nyh processov v uslovijah obshhenija. Psikhologicheskii zhurnal. 1980. V. 1. № 5. P. 26–42. (In Russian)
13. *Lomov B.F.* Problema biologicheskogo i social'nogo v psihologii. Biologicheskoe i social'noe v razvitii cheloveka. Eds. B.F. Lomov, E.V. Shorohova, A.V. Brushlinskij. Moscow: Nauka, 1977. P. 34–65. (In Russian)
14. *Lomov B.F.* Psihicheskie processy i obshhenie. Metodologicheskie problemy social'noj psihologii. Ed. E.V. Shorohov. Moscow: Nauka, 1975. P. 151–164. (In Russian)
15. *Lomov B.F.* Psihologicheskaja nauka — praktike. Social'no-psihologicheskaja sluzhba promyshlennogo predprijatija. Teorija. Opyt. Praktika. Eds. E.V. Taranov, Ju.M. Zabrodin. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1983. P. 5–27. (In Russian)
16. *Lomov B.F.* Psihologicheskaja nauka i obshhestvennaja ppaktika. Moscow: Znanie, 1973. (In Russian)
17. *Lomov B.F.* Psihologicheskaja sluzhba strany. Vestnik AN SSSR. 1980. № 1. P. 20–30. (In Russian)
18. *Lomov B.F.* Psihologija v sisteme nauk i v obshhestvennoj praktike. Vestnik AN SSSR. 1979. № 10. P. 35–45. (In Russian)
19. *Lomov B.F.* Sostojanie i perspektivy razvitija psihologii v SSSR v svete reshenij XXIV s''ezda KPSS. Voprosy psihologii. 1971. № 5. P. 3–19. (In Russian)
20. *Lomov B.F.* Chelovek v sistemah uppavlenija. L.: Znanie, 1967. (In Russian)
21. *Lomov B.F.*, *Zhuravlev A.L.* Psihologija i upravlenie. (Serija "Nauka i upravlenie". Vyp. 7.) Moscow: Znanie, 1978. (In Russian)
22. *Lomov B.F.*, *Kitov A.I.*, *Rubahin V.F.*, *Filippov A.V.* Aktual'nye problemy psihologii upravlenija: doklad k V vsesojuznomu s''ezdu psihologov SSSR, 26.06–01.07.1977, Moskva. Moscow: Izd-vo APN SSSR, 1977. (In Russian)
23. *Lomov B.F.*, *Rubahin V.F.* Psihologija i upravlenie. Psihologija upravlenija. V 2-h vyp. Vyp. 1. Moscow: Znanie, 1976. P. 5–26. (In Russian)

24. *Mjasishhev V.N.* Vzaimodejstvija i vzaimootnoshenija ljudej kak predmet social'noj psihologii. Tezisy dokladov na II s''ezde Obshhestva psihologov. Vyp. 5. Moscow, 1963. P. 185–188. (In Russian)

25. Poznanie i obshhenie. Ed. B.F. Lomov. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)

26. *Poznjakov V.P.* Psihologicheskie otnoshenija individual'nyh i gruppovyh sub#ektov sovmestnoj jekonomicheskoj dejatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)

27. Problema obshhenija v psihologii. Ed. B.F. Lomov. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

28. Sovmestnaja dejatel'nost': Metodologija, teorija, praktika. Eds. A.L. Zhuravljov, P.N. Shihirev, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)

29. *Sushkov I.R.* Psihologicheskie otnoshenija cheloveka v social'noj sisteme. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2008. (In Russian)

30. *Shorin V.G.*, *Lomov B.F.*, *Shepel' V.M.*, *Laptev V.V.* Pravovye i social'no-psihologicheskie aspekty upravlenija. Pod obsh. red. V.G. Shorina. Moscow: Znaniye, 1972. Ser. Nauka i upravlenie. Kniga vtoraja. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 17-31

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9:93/.99

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЛАБОРАТОРИИ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА В НОРМАЛЬНЫХ И ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ[1]

© 2022 г. Н. Е. Харламенкова*, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина*****

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

**Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора.*
E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

***Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.*
E-mail: elenas13@mail.ru

****Доктор психологических наук, профессор.*
E-mail: nvtarab@gmail.com

Поступила 11.10.2021

Аннотация. Представлены результаты методологических и теоретико-эмпирических исследований, которые проводились сотрудниками лаборатории психологии субъекта и лаборатории психологии посттравматического стресса за прошедшие десятилетия. В 2016 г. обе лаборатории вошли в состав одного подразделения — лаборатории психологии субъекта в нормальных и посттравматических состояниях. Приводятся результаты исследований, показывающие закономерности развития человека в условиях нормального функционирования и при воздействии стрессоров высокой интенсивности. Обсуждаются данные различных теоретико-эмпирических исследований, в которых описаны и проанализированы факторы, способствующие и препятствующие психическому развитию человека в норме и в условиях влияния психотравмирующих жизненных событий, их психологические последствия.

Ключевые слова: системно-субъектный, субъектно-аналитической, биопсихосоциальный подходы, посттравматический стресс, психическая травматизация, террористическая и вирусная угрозы, угрожающее жизни заболевание, революция в психологии развития, модель психического, контроль поведения.

DOI: 10.31857/S020595920018766-8

Прошедшие полвека становления и развития Института психологии РАН продемонстрировали интенсивные поиски в теории, методологии, экспериментальных решениях, которые осуществляются сотрудниками всего института и лаборатории в частности. Процессы реорганизации, дифференциации и интеграции направлений исследований отразились и в истории становления лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

Данная лаборатория возникла из двух подразделений: лабораторий психологии развития субъекта и психологии посттравматического стресса. Немного из истории *лаборатории психологии развития*. Вначале была организована лаборатория зрительного восприятия под руководством Н.Ю. Вергилеса, затем она трансформировалась в лабораторию психических процессов, возглавляемую директором института Б.Ф. Ломовым. Позднее была преобразована в лабораторию когнитивных процессов, руководимую Н.Н. Корж и с 1994 г. — в лабораторию когнитивной психологии под руководством Е.А. Сергиенко. В 2007 г. основной состав, пополненный новыми сотрудниками, образовал лабораторию психологии субъекта развития. В изменении названия нашел отражение факт перемен, происходящих в научных поисках коллектива.

[1] Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2022-0005.

История *лаборатории психологии посттравматического стресса* вкратце такова: в 1993 г. на базе группы диагностики посттравматических состояний по инициативе директора института А.В. Брушлинского создается лаборатория психологии посттравматических состояний. В 1998 г. в связи с изменением структуры ИП РАН лаборатория была переименована в лабораторию психологии посттравматического стресса и психотерапии, которая 1 октября 2003 г. приказом директора Института психологии РАН получает название "лаборатория психологии посттравматического стресса". Руководила лабораторией в течение 18 лет ее основательница — доктор психологических наук, профессор Н.В. Тарабрина. С 2011 г. лабораторией заведует доктор психологических наук, профессор Н.Е. Харламенкова.

Указом директора Института психологии РАН А.Л. Журавлева от 6 февраля 2016 г. лаборатории психологии развития субъекта и лаборатория психологии посттравматического стресса были объединены в одно подразделение — *лабораторию психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях*.

За прошедшие 50 лет в Институте психологии РАН продолжает кристаллизоваться научная школа. За эти годы усилиями старшего и молодого поколений ученых осуществляется сплав научных направлений, заданных С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым, П.К. Анохиным, Б.Ф. Ломовым, А.В. Брушлинским и их последователями. В этом теоретико-методологическом котле формируется современная психологическая школа, в которой вместо моноидеи, или монопарадигмы, оформляются черты полипарадигмальности и междисциплинарности, системности и субъектности, рациональной логики и интуиции — черты науки постнеклассического этапа развития. Несмотря на то что главной задачей Института психологии РАН является решение фундаментальных научных проблем, эта база становится надежной основой в решении практических актуальных проблем современного общества [19–21]. Так, в лаборатории созданы и апробированы методы исследования эмоционального интеллекта, базисных убеждений, посттравматического стресса, оценки переживания террористической и вирусной угрозы, обоснован метод анализа единичного случая и др. [3; 27; 40].

Методологическими основаниями исследований, проводимых в лаборатории, являются системно-субъектный (Е.А. Сергиенко) и субъектно-аналитический (В.В. Знаков) подходы к пониманию человека как активного, конструирующего себя субъекта, биопсихосоциальный подход (в исследовании посттравматического стресса); последний представляет собой реализацию системного подхода в науках о психическом здоровье человека (Н.В. Тарабрина). Средствами методологического анализа рассмотрена проблема обоснования психологического знания [41].

Одной из главных координат исследования лаборатории является анализ развития субъекта в норме (с учетом комплекса составляющих модели психического как внутренней концептуализации мира человека и контроля поведения как системы внутренних ресурсов, определяющих основания выбора и регуляции деятельности и жизнедеятельности) и при нарушениях развития, вызванных различными факторами, в том числе такими, как стрессоры высокой интенсивности (война, террористическая угроза, техногенные катастрофы, угрожающее жизни заболевание и др.) [12; 26; 33]. Существенным прорывом в изучении вопросов, сформулированных в рамках такого направления исследования, как психология понимания, стало обращение к теме действительного—возможного, рассматриваемой на общенаучном (философском) и конкретно-научном (психологическом) уровнях знания; раскрыто содержание ключевых понятий, характеризующих понимание эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей: необходимое, правдоподобное, невозможное [10; 13; 14].

Мультипарадигмальность, междисциплинарность и трансдисциплинарность современной науки диктуют переход к обобщающим моделям развития и поиску ее категориального строя, отражающего взаимовлияние, взаимодействие, взаимоперенос не только внутри разных областей психологии, но и с другими науками (биологией, социологией, философией, историей, лингвистикой и т.д.).

Для психологической науки *категория субъекта* стала тем интегративным понятием, которое позволяет разрабатывать обобщающие модели развития человека на основе обогащения принципа развития.

Вклад в данный процесс научного развития внесла лаборатория психологии развития субъекта ИП РАН, осуществляющая разработку психологии субъекта, применяя принцип развития как основной. Коллективный труд "Принцип развития в современной психологии" [22] стал творческим развитием труда Л.И. Анцыферовой "Принцип развития в психологии" (1978), который продемонстрировал значительный прогресс в теоретических и методологических разработках данного принципа как основного за прошедшее время. Нашли

продолжение традиции, связанные с изучением проблемы мудрости в психологии [16].

На данном этапе хотелось бы выделить некоторые основные достижения, которые отличаются новизной и значимы для развития научной школы Института психологии РАН.

РЕВОЛЮЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Основные изменения в психологии развития, затрагивающие краеугольные проблемы психологии, связаны с исследованием раннего онтогенеза человека. Онтогенетические исследования позволяют показать, что развитие самых высоко- и сложноорганизованных уровней зависит от базовых, первичных ступеней и опирается на них.

Еще несколько десятилетий назад многие положения о познании человеком реальности казались устоявшимися и незыблемыми. Робкие попытки отойти от традиционных схем воспринимались остро и даже болезненно. Как можно было описать последовательность получения человеком знаний о мире? Человек сначала получает некоторые ощущения при взаимодействии с миром, затем эти ощущения преобразуются в восприятие объекта или события, в результате чего возникает чувственный образ, который может стать представлением и, наконец, понятием, т.е. полноценным знанием об отдельных аспектах мира. Подобная схема познавательного процесса отрывала и разобщала процессы ощущения, восприятия и мышления, более того, делала абсолютно необъяснимым процессы выбора объектов, их субъективного преобразования и описания.

Процесс восприятия — это процесс принятия интеллектуального решения, вне которого восприятия не существует. Это решение не осознается (поэтому субъекту восприятия представляется как непосредственно данное). Оно возможно лишь на основании отнесения воспринимаемого объекта к тому или иному классу предметов, к той или иной категории и категориям причинности. Некоторые из этих категорий (перцептивных гипотез) образуются на основе врожденных организующих принципов (субстанциональности и континуальности), другие формируются в процессе опыта. Вот почему восприятие неотделимо от мышления и имеет не только индивидуальный характер, но и родовой, обобщенный, универсальный. Следовательно, низшие и высшие уровни организации психического не полярны, а находятся в непрерывном взаимодействии [23; 24]. В основе этой непрерывности лежат принципы антиципации, единства восприятия, действия, репрезентации.

Первый тезис революционных изменений состоит в том, что младенец — не сенсомоторный индивид, лишенный упорядоченных ментальных структур, погруженный в хаос ощущений, как ранее полагалось. Младенец — репрезентативный индивид, наделенный способностью структурировать и упорядочивать мир.

Сильным аргументом, подтверждающим данное заключение, являются факты способности к антиципации у младенцев. Источником несенсорной концептуальной активности у младенцев является репрезентация пространственных характеристик объектов и событий. В цикле работ по изучению развития антиципации в раннем онтогенезе человека, изложенных в работах Е.А. Сергиенко [23; 24], было показано, что антиципация — не только атрибут деятельности человека, а более универсальное, имманентное свойство психической организации человека и эволюции форм психической организации. Феномены антиципации рассматриваются не только как пространственно-временные эффекты упреждающих действий, но и эффекты избирательности. Можно предположить, что избирательность — результат прототипического механизма, тогда как пространственно-временное опережение событий отражает модально-специфический механизм кодирования и ментального хранения. Показано, что континуальность является базовой характеристикой ментальной организации человека, определяющей эффекты антиципации как в микро-, так и макрогенезе. Данное положение подтверждает идею А.В. Брушлинского о недизъюнктивности психики [1].

Второй тезис революционных концептуальных изменений связан с первым. Классические теории психического развития считали, что формирование понятий происходит благодаря действиям ребенка. Современная психология развития показала, что задолго до того, как ребенок способен осуществлять манипуляции с объектами, перемещаться активно, он более когнитивно компетентен, чем представляли до сих пор. Восприятие и действие — неотъемлемые составляющие единой системы взаимодействия, управляемые общими законами. На основе собственных исследований и данных других авторов [24] в области раннего онтогенеза выдвинута гипотеза о возможности выделения двух функциональных субсистем в единой системе восприятия и действия: перцептивного контроля действия и опознания. Отличия в организации функционирования двух субсистем лежат в координатах взаимодействия с окружающим миром

(аллоцентрическая-эгоцентрическая), типе кодирования и хранения информации (амодальное кодирование — модально-специфическое), степени осознанности (большая степень характерна для системы опознания) и особенности эффектов антиципации (пространственно-временное упреждение — избирательное ожидание). Обе субсистемы развиваются с момента рождения, однако субсистема перцептивного контроля достигает более зрелого уровня организации раньше субсистемы опознания.

Еще одним из важнейших аспектов революционных изменений в психологии развития, затрагивающих и когнитивное развитие, является *проблема становления человека как субъекта*. В отечественной психологии с доминирующей в ней гиперсоциализацией вся ответственность за психическое развитие ребенка возлагается на взрослого как уполномоченного социумом, без которого невозможно никакое развитие высших психических функций. С точки зрения подобного гиперсоциализированного подхода ребенок остается объектом воздействия, а не субъектом. Наша точка зрения состоит в том, что ребенок с самого момента своего существования (с перинатального периода) наделен собственной индивидуальностью, которая складывается из уникальности профиля его структур и функций, которые, безусловно, включают универсальные, видовые, общечеловеческие составляющие, но и особенные, уникальные. Эта индивидуальная составляющая поведения ребенка (а сначала и плода) определяется не только уникальностью его генетических корней, но и уникальностью истории его развития, которая наряду с типичным вносит свои особенности в поведение, способности ребенка, становление его ментального мира.

Представление о возможности перехода в психологии развития к интегративным гипотезам о становлении человека как субъекта развития привело к формулировкам системно-субъектного подхода в психологии. Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к субъектной психологии, что требует значительных усилий и времени, поскольку это задача чрезвычайной сложности. А.В. Брушлинский неоднократно подчеркивал сложность такой задачи.

СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ

Объединение системного и субъектно-деятельностного подходов способствует расширению мерности (развитию многомерности) изучения психологии целостного человека [26]. Многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения как в системно-эволюционном (и теории динамических систем), так и субъектно-деятельностном подходе. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем, единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития, идеи неразрывности биосоциальной природы человека: “внешнее через внутреннее”, саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодеятельности), целостный, интегративный характер субъекта, системной организации его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному “деятелю” собственного бытия, собственной деятельности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе проблемами остаются анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представлений о структуре этой организации. Эти слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека.

Разработано представление об уровневых критериях субъектности, обосновано выделение уровней развития: от протоуровней до интегративной субъектности [26]. Проведен дифференцированный анализ структуры и функций субъекта и личности как двух неразрывных ипостасей психической организации. Выделены функции субъекта (когнитивная — понимание, регулятивная — контроль поведения и коммуникативная — субъект-субъектные взаимодействия) и личности (когнитивная — смыслообразование, регулятивная — переживание, коммуникативная — избирательность взаимодействия).

На основе анализа с позиций системно-субъектного подхода разные точки зрения на субъекта и возможности его проявлений объединяются в более широкие ракурсы субъектности, которые могут быть описаны как субъект развития — субъект деятельности — субъект жизни. Предложена гипотеза о процессуальном характере психологической

зрелости как согласованности субъектно-личностного функционирования [25, 26].

Положения системно-субъектного подхода были верифицированы в исследованиях сотрудников и аспирантов лаборатории (Г.А. Виленская, Н.И. Колесникова, Т.С. Микова, Н.С. Павлова).

В рамках системно-субъектного подхода разрабатывалась гипотеза о контроле поведения как регулятивной функции субъекта [29].

СУБЪЕКТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО

Разрабатывая *субъектно-аналитический подход* к пониманию психологии человека, В.В. Знаков различает соответственно субъектную и аналитическую составляющие данного подхода. Субъектная составляющая включает три компонента: 1) субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания; 2) гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта; 3) способы преобразования субъекта, полагания себя. Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода состоит из двух компонентов: 1) раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом; анализ (разделение действительности на три реальности) нужен в конечном счете для того, чтобы синтезировать части в целое, которым является Мир человека; 2) анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности.

Обоснована целостная модель теоретических оснований психологии понимания субъектом многомерного мира человека. Мир человека состоит из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Теоретические основания психологии понимания представлены как сочетание единого и разнообразного: проанализированы сходные признаки понимания фактов, событий, ситуаций в каждой реальности и их различие, психологическое своеобразие. В отношении каждой из трех реальностей описаны традиции психологических исследований, способы, основания и типы понимания. Показано, что аналитическое разделение мира человека на эмпирическую, социокультурную и экзистенциальную реальности дает возможность психологам изучать не только общее, но и особенное в их понимании [11; 12].

Современные психологические исследования ориентированы не только на анализ действительного, но и на изучение возможного. Психология понимания человеком мира исследуется как такая интерпретация действительного, которая потенциально содержит в себе прогнозирование возможного [13; 14]. Как и психология понимания, психология возможного основывается на аналитическом различении в действительности эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Показано, что для понимания трех типов реальностей ключевыми являются категории “необходимое”, “правдоподобное”, “невозможное”, в соответствии с которыми анализируются познавательные тайны, постправда, экзистенциальные тайны, а также духовность человека, конкретное проявление которой в тот или иной момент жизни предсказать невозможно.

В целом же психология возможного “нацелена на выявление и научный анализ неочевидного — скрытых источников социальной активности, субъектности, а также непреднамеренных эффектов познавательных действий, которые могут послужить формированию нового понимания объекта познания” [13, с. 274].

КОНТРОЛЬ ПОВЕДЕНИЯ

Контроль поведения — это интегративная характеристика субъектной регуляции, психологический уровень регуляции поведения, опирающийся на индивидуальные ресурсы психики человека (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, И.И. Ветрова, Н.С. Павлова). Он включает три компонента: когнитивный, эмоциональный и произвольный/волевой контроль. Обоснованы его отличия от других концепций саморегуляции, приведены эмпирические результаты, верифицирующие данное понятие: исследования контроля поведения в младенческом (Г.А. Виленская), дошкольном (Е.В. Вантеева, Г.А. Виленская) и подростковом (И.И. Ветрова) возрастах, в трудных жизненных ситуациях (на примере беременности) (Ю.В. Ковалева, Н.С. Чистякова, О.А. Соколова) и при наличии травматического опыта (Т.С. Микова), изучение молекулярно-генетических предикторов контроля поведения при подготовке к родам (Н.В. Чистякова), исследование контроля поведения у людей с различной степенью регламентации профессиональной деятельности, при завершении профессиональной деятельности (Н.С. Павлова) [4; 5; 28; 29].

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО

Рассматривая понимание как когнитивную функцию субъекта, мы аргументировали гипотезу о том, что ментальным механизмом понимания является модель психического (*Theory of Mind*) [30; 31] (Е.А. Сергиенко, Е.И. Лебедева, А.Ю. Уланова). Это способность понимать скрытые или проявленные психические состояния других людей и свои и строить предсказание и поведение на их основе (понимание эмоций, мыслей, намерений, желаний, обмана, юмора и т.п.). Данное понятие носит интегративный характер: оно возникло на пересечении различных парадигм (когнитивной, социального познания, субъектной парадигмы, психолингвистики, метакогнитивного подхода). Подход "Модель психического" позволяет перейти к анализу внутренней концептуалиции (внутреннего мира человека), анализу субъективного опыта, пониманию мира человеком в его индивидуальных и универсальных составляющих. Кроме того, данный подход демонстрирует переход к интегральным полям исследования. Модель психического как интегративное понятие также знаменует переход от матричного принципа в организации знаний человека к сетевому, системному, где понятия различных дисциплин (когнитивной психологии, социальной психологии, психолингвистики и др.) составляют компоненты сети или системы понятий, позволяющей перейти на новый уровень исследований и анализа, что соответствует современным тенденциям психологического знания. Пионерские работы в данном направлении были проведены в лаборатории психологии развития субъекта в рамках диссертационных исследований под руководством Е.А. Сергиенко (понимание обмана, А.С. Герасимова; развитие модели психического при типичном и атипичном развитии, Е.И. Лебедева; развитие понимания эмоций, О.А. Прусакова; модель психического у детей-сирот, А.В. Найденова; модель психического как ментальный механизм понимания социальных воздействий на примере телевизионной рекламы, Н.Н. Таланова; модель психического как основа понимания при коммуникации, А.Ю. Уланова; развитие модели психического во взрослом возрасте, Н.И. Колесникова; специфика модели психического у пожилых людей, А.И. Мелехин) [30; 31].

В последние годы аргументируется гипотеза, согласно которой субъективная возрастная идентичность (субъективный возраст человека) играет регулирующую роль, отражая возможности субъекта справляться с жизненными задачами. Обобщаются исследования, проведенные на людях 20–90 лет, выполненные в рамках разных исследований Е.А. Сергиенко и ее учеников, демонстрирующие лабильность субъективного возраста и его соотношения с оценками качества жизни, здоровья, контролем поведения, защитным поведением. Показано, что существуют индивидуальные варианты возрастного самовосприятия, которые выступают внутренним психологическим регулятором жизнедеятельности человека.

Самовосприятие и восприятие Другого анализируется в лаборатории в контексте проведения теоретико-эмпирического исследования особенностей процесса восприятия лиц в фило- и онтогенезе, перцепции относительно стабильных (пола, возраста, состояния здоровья) и вариативных (эмоционального состояния) характеристик лиц (Е.А. Никитина). Исследуется роль внешней привлекательности моделей при восприятии их личностных черт по фотоизображениям, а также связь экспертной оценки и самооценки привлекательности лиц, самопрезентации в социальных сетях и психологических характеристик респондентов [47].

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ В ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

Уже более четверти века проблема посттравматического стресса является одной из актуальных тем, разрабатываемых в Институте психологии РАН. Исследование психологических последствий воздействия на человека природных, техногенных, социально-политических и криминальных чрезвычайных ситуаций относится к числу остро актуальных и общественно значимых в современной психологии. Пребывание человека в таких ситуациях зачастую вызывает у людей переживания травматического (способного нанести психическую травму) и посттравматического стресса, которые могут приводить к разным формам психической дезадаптации, включая посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

С 1992 г. в Институте психологии РАН впервые в России проводилось комплексное психологическое и психофизиологическое исследование особенностей посттравматического стресса. Благодаря инициативе Н.В. Тарабриной и усилиям группы научных сотрудников (Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова, Е.А. Миско, З.Г. Химчян, Е.Г. Удачина, Е.С. Калмыкова, В.А. Агарков и др.) был выполнен целый ряд исследований, которые начинались в рамках совместного проекта с психофизиологической лабораторией Гарвардского университета

(США, руководитель — профессор Р. Питмен) и поддерживались грантами: National Institute of Health Fogarty International Center, CEU, РГНФ и РФФИ. Наличие этих грантов позволило выполнить большой объем экспериментальных исследований. Для целей исследования был переведен и адаптирован комплекс клинико-психологических методик, направленных на определение уровня признаков посттравматического стресса, разрабатывались оригинальные методики. Исследование проводилось и с помощью психофизиологических методик. Были обследованы участники боевых действий в Афганистане [9] и Чеченской Республике [39], ликвидаторы аварии на ЧАЭС, пожарные, спасатели, беженцы, студенты, соматоформные и онкологические больные. Впервые в отечественной и мировой практике проведено кросскультурное сравнение психологических и психофизиологических характеристик посттравматических состояний у участников боевых действий в Афганистане с данными, полученными в психофизиологической лаборатории Harvard Medical School при изучении ветеранов войны во Вьетнаме. Также впервые проводилось сопоставление психологических особенностей посттравматических состояний, вызванных переживанием травматического стресса разной этиологии: военного (событийного) стресса и "невидимого" стресса радиационной опасности. Выполнено психологическое исследование диссоциативности как одного из психологических механизмов совладания с травматическим стрессом и его последствиями. Проведен аналитический обзор психотерапевтических методов в целях выявления наиболее оптимальных психокоррекционных методов для работы с людьми, пережившими травматический стресс. Изучался посттравматический стресс у детей, переживших насилие. Выполнено исследование взаимосвязи типа ранней привязанности с усвоенными способами переработки субъектом травматического опыта; проводилось теоретико-эмпирическое изучение стилевых и личностных характеристик в контексте исследования психологического дистресса; исследовались индивидуальные особенности функциональной асимметрии полушарий мозга и их связь с личностными характеристиками, влияющими на развитие посттравматических состояний; изучалась роль механизмов психической защиты в формировании посттравматических стрессовых состояний; исследованы особенности базисных убеждений у лиц, переживших травматический стресс. Выполнен цикл работ по определению и анализу взаимосвязей предшествующих (на протяжении жизни) психотравм в этиологии и формировании посттравматического стресса. Одним из аспектов этих работ, которые проводились по нескольким направлениям, было включение в методическую часть каждого из них методики, направленной на выявление травматических ситуаций, имевших место на протяжении всей жизни индивида. Одним из направлений в этой тематике является изучение психологических последствий стресса у онкологических больных. Показано, что количество предшествующих жизненных стрессов у женщин с раком молочной железы и интенсивности их влияния на жизнь взаимосвязаны с интенсивностью посттравматических реакций, возникающих в ответ на диагностирование онкологического заболевания.

Особое внимание уделялось адаптации методов измерения признаков ПТС, изучению генеза психосоматических расстройств у участников событий Чернобыльской катастрофы (ликвидаторов), анализу посттравматических состояний в группах риска (в условиях экстремальных видов профессиональной деятельности) и др. [32]. Исследования показали, что картина признаков ПТС, а также симптомов ПТСР различается в зависимости "от смыслового содержания травматических событий, социально-психологического контекста, в котором эти события происходят, и индивидуальных особенностей человека" [32, с. 16].

Основываясь на достижениях отечественной клинической психологии и используя синдромально-психологический подход к исследованию ПТСР, Н.В. Тарабрина предложила рассматривать посттравматический стресс "в качестве симптомокомплекса, характеристики которого отражают, прежде всего, нарушение целостности личности в результате психотравмирующего воздействия стрессоров высокой интенсивности" [34, с. 21]. Такой подход позволил изучать психологическую картину ПТСР и исследовать людей с разным уровнем посттравматического стресса, среди которых только у людей с высоким уровнем ПТС можно диагностировать признаки ПТСР. Теоретико-эмпирическое обоснование нового научного направления в медицинской психологии — психологии посттравматического стресса — дало возможность определить место психологии ПТС в научном дискурсе отечественной психологии, сформулировать его предмет, подтвердить необходимость его изучения на основе биопсихосоциального подхода, привести доводы в пользу применения термина "посттравматический стресс", использовать интегративный подход к его изучению [33].

В качестве предмета психологии ПТС стал рассматриваться симптомокомплекс характеристик: тревожность, эмоциональная нестабильность, депрессивность, базисные убеждения

и психопатологические признаки, которые устойчиво проявляют себя у уязвимой части населения, подвергшейся воздействию стрессоров высокой интенсивности.

Развитие теоретических представлений о посттравматическом стрессе на современном этапе исследования связано с изучением феномена межпоколенческого травматизма, террористической и военной угрозы, установлением содержательных связей между посттравматическим стрессом, психологической безопасностью и психологическим благополучием, анализом психологических последствий влияния на человека таких стрессоров, как утрата близкого человека, угрожающее жизни заболевание, эмоциональное насилие, оскорбление, а также с разработкой проблемы совладания с последствиями психотравматизации (копинг-стратегии, социальная поддержка, регуляция эмоций, компенсация и др.) [35; 37–39; 44; 45].

В качестве социально значимой темы исследования необходимо выделить проблему изучения специфики психологического воздействия на человека невидимых информационных угроз (террористической и вирусной угрозы) и их последствий (Ю.В. Быховец, Н.Н. Казымова). Данные стрессоры рассматриваются с точки зрения психологии ПТС, т.е. как имеющие психотравмирующее влияние на широкие слои населения, которые воспринимают данные виды опасности не посредством органов чувств, а через различные средства коммуникации (СМИ, слухи, беседы и пр.). Выделяются как общие, так и специфические признаки информационных угроз. К общим характеристикам невидимых угроз относятся неопределенность ситуации, пролонгированный характер воздействия, влияние информационных источников на психологическое состояние населения, то, что переживание угрозы жизни относится к будущему человека. Специфическими признаками террористической угрозы являются сложность прогнозирования теракта (невозможно предсказать время, место и тип теракта). Показано, что интенсивное переживание террористической угрозы сопоставимо по своей травматичности для психики человека с воздействиями других типов стрессоров (травматических событий и стресса “невидимой” травмы) [2; 46; 48]. Анализ данных, полученных сотрудниками лаборатории в разные годы, позволил выявить временную динамику переживания угрозы терактов у населения: тенденцию к снижению интенсивности этих переживаний за последние 10–15 лет.

Специфичным для переживания вирусной угрозы (COVID-19) является многофакторность воздействия, тотальность распространения и возможность предупреждения заражения. Сотрудниками лаборатории создается новая версия разработанного ранее Опросника переживания террористической угрозы (ОПТУ). Для изучения переживания вирусной угрозы (COVID-19) сконструирован опросник переживания вирусной угрозы (ОПВУ). Начатое в 2020 г. исследование выявило роль СМИ в детерминации многочисленных психологических переживаний, которые проявляют себя по-разному среди разных групп населения при воздействии вирусной угрозы и требуют изучения преморбидности их психопатологической симптоматики.

Актуальной для современной науки и практики стала проблема интенсивности и длительности переживания острого и посттравматического стресса в семьях, имеющих детей с тяжелыми физическими и психическими заболеваниями [6; 42], психологических последствий воздействия стрессора “угрожающее жизни заболевание” (М.В. Дан, Д.А. Никитина) [15; 43]. В частности, показано, что отсутствие достаточных внешних (профессиональная социальная поддержка) и внутренних (личностная зрелость, интеграция идентичности и др.) ресурсов существенно снижает показатели психологического благополучия личности. Контроль переменной “возраст” позволил понять, что ухудшение эмоционального состояния в среднем возрасте связано с избеганием социальных контактов, снижением уровня общительности. В старшем возрасте развитию тяжелых психологических последствий способствуют низкое самоуважение и наличие проблем в регуляции эмоционального состояния [15].

Способность субъекта противостоять воздействию экстремальных факторов реализуется разными способами, в том числе благодаря различным стратегиям регуляции эмоций (М.А. Падун) [17]. В работах сотрудников лаборатории отмечается, что такие стратегии регуляции эмоций, как когнитивная переоценка, катастрофизация и руминации, наряду с представлениями о негативном прошлом, частично опосредуют связь нейротизма и выраженности негативного аффекта. Стратегия позитивной переоценки и представление о будущем частично опосредуют связь между нейротизмом и позитивным аффектом; вклад экстраверсии в показатели позитивного аффекта также частично опосредуется позитивной переоценкой [18].

Малоизученной темой является анализ трудных жизненных ситуаций, которые не включены в перечень экстремальных событий, но способны индуцировать посттравматический стресс (Е.Н. Дымова). Такой ситуацией является служба по призыву,

характеризующаяся высоким уровнем требований к военнослужащим, строгой регламентацией ролей, отсутствием возможности обращения за помощью к близким родственникам. По сравнению с гражданскими лицами в группе военнослужащих по призыву выявлен более высокий уровень ПТС, связанный с травматическими событиями прошлого, и комплекс психопатологических симптомов, а также более низкий уровень показателей психологического благополучия [7; 8]. Кроме анализа условий, способствующих актуализации признаков психической травмы, изучение психологических последствий воздействия интенсивных стрессоров значительной давности также является одним из приоритетных направлений исследования. Проведен анализ феномена коллективной травмы, вызванного событиями Великой Отечественной войны. Детально описана система стрессоров, и обоснована специфика обращения к социальной поддержке в этот период жизни общества.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОНТО- И СУБЪЕКТОГЕНЕЗЕ

Традиционным для исследований, проводимых в лаборатории, остается вопрос, касающийся изучения средовых и личностных ресурсов, способствующих поступательному психическому развитию человека на разных этапах онтогенеза при благоприятных условиях жизни, а также совладанию с последствиями психотравматизации при нарушении привычного образа и ритма жизни. Детально исследованы компенсаторные механизмы (Н.Е. Харламенкова), личностная зрелость (М.В. Дан), факторы психологической безопасности и социальная поддержка (Е.Н. Дымова), регуляция эмоций (М.А. Падун), психологическое благополучие и жизнеспособность (Н.Н. Казымова), особые стили детско-родительских отношений.

Результаты исследований показывают, что ресурсом для компенсации недостаточного уровня контроля поведения у детей с нормативным развитием речи может являться вербальный интеллект, а у детей с нарушениями речи — невербальный интеллект (Г.А. Виленская, Е.И. Лебедева).

Богатая фактология получена при исследовании регулятивных способностей личности. Показано, что стратегии регуляции эмоций опосредуют взаимосвязь между нейротизмом и признаками депрессии, а также связаны с разной степенью созависимости людей, находящихся в отношениях и проживающих на одной территории с потребителями психоактивных веществ: преувеличение вероятности плохого исхода ситуации (катастрофизация) и склонность к мыслительной фиксации на негативных событиях и собственных чувствах (руминации) усиливают выраженность состояния созависимости, тогда как стратегия позитивной перефокусировки (отвлечение), возможность пересмотреть отношение к ситуации, наоборот, препятствуют развитию созависимости (М.А. Падун, А.А. Бердичевский).

Способность личности обращаться за социальной поддержкой обладает регулятивным потенциалом. Объективное или субъективное ограничение такого ресурса препятствует развитию навыков общения, снижает уровень психологического благополучия. Процессы социальной коммуникации основываются и на способности к восприятию лиц с первых дней жизни, которая развивается гетерохронно и тесно связана с возрастными задачами (Е.А. Никитина).

Одним из важных ресурсов в совладании с последствиями заболевания, угрожающего жизни, является стремление человека к автономии. Данная потребность способствует выходу личности за пределы психотравмирующего события, которое нередко ведет к вынужденной зависимости, переживанию беспомощности и уязвимости. В качестве ресурса стремление к автономии выступает при ее умеренно выраженных значениях, что способствует проявлению субъектом избирательности к предлагаемым вариантам социальной поддержки, социальной смелости, инициативности, поддержанию человеком оптимизма и веры в собственные силы (Д.А. Никитина).

Показатели психологического благополучия и качества жизни тесно связаны с отношением субъекта ко времени (временна́я перспектива и субъективный возраст). Показано, что в период поздней взрослости наблюдаются разные варианты благополучного старения, что обеспечивается опорой на внутренние ресурсы личности и способствует реализации основных компонентов позитивного функционирования, ощущению счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью (Е.А. Сергиенко, Н.С. Павлова).

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ЛАБОРАТОРИИ

Лаборатории психологии развития и психологии посттравматического стресса в составе лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях проводили

международные и всероссийские конференции, посвященные памяти А.В. Брушлинского, Л.И. Анцыферовой; сотрудники принимали активное участие во всех конференциях Института психологии. В 2007 г. силами сотрудников лаборатории психологии развития была организована первая международная конференция молодых ученых “Психология — наука будущего”; в последующем конференции стали проводиться один раз в два года (на сегодняшний день проведено восемь конференций). По результатам работы издано 10 сборников трудов молодых ученых. Всего за последние 20 лет силами сотрудников лаборатории (прежде всего лаборатории психологии развития субъекта) было организовано 13 конференций, а за последние 5 лет сотрудниками объединенной лаборатории сделано около 150 докладов на международных и российских конференциях.

С начала XXI в. под руководством сотрудников лаборатории (В.В. Знакова, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной, Н.Е. Харламенковой, М.А. Падун, Е.С. Калмыковой) было защищено 46 кандидатских и две докторские диссертации.

Все представленные направления теоретико-эмпирических исследований отличаются новизной и задают перспективы в психологии развития субъекта и психологии посттравматического стресса. Оригинальность научных разработок состоит в понимании человека как субъекта, в определенной мере конструирующего свой мир и использующего разные стратегии для познания эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей (В.В. Знаков). Оригинальность исследований, проведенных сотрудниками лаборатории, нашла отражение в каждой НИР, и в обобщенном виде касается проблемы расширения индивидуального и коллективного опыта, осознания своих возможностей в пределах мыслимых, а часто и немыслимых планов, целей, желаний для достижения психологического благополучия и позитивного восприятия Другого, психического развития индивидуальных и коллективных жизненных потенциалов.

Комплексный анализ результатов исследований, проведенных в лаборатории, и их обобщение позволили обосновать гипотезу о вариативности выборов субъекта в различных жизненных ситуациях и идею об индивидуальном своеобразии внутренних ресурсов человека (например, контроля поведения как психологического уровня саморегуляции, типов понимания мира, стратегий и уровней реагирования на травматическое событие, профиля совладания с посттравматическим стрессом и др.), определяемых совокупностью факторов, и прежде всего возрастными особенностями человека, темпом развития, давностью произошедших в его жизни стрессовых событий и др. Актуальной темой исследования остается анализ психологических последствий психотравматизации личности, вызванной воздействием стрессоров высокой интенсивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 330–346.
2. *Быховец Ю.В.*, *Казымова Н.Н.* Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 22–30.
3. *Быховец Ю.В.*, *Тарабрина Н.В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы. Руководство. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
4. *Ветрова И.И.* Соотношение разноуровневых механизмов регуляции поведения в раннем юношеском возрасте // Психология — наука будущего: Материалы VI Международной конференции молодых ученых “Психология — наука будущего”. 19–20 ноября 2015 г., Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 99–102.
5. *Виленская Г.А.* Эмоциональная регуляция: факторы ее развития и связанные с ней виды поведения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 63–76.
6. *Дан М.В.* Психологические последствия воздействия стрессора “тяжелое заболевание ребенка” у матерей с разным уровнем личностной зрелости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2021.
7. *Дымова Е.Н.* Посттравматический стресс и представления о психологической безопасности у военнослужащих по призыву и гражданских лиц // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/posttravmaticheskiy-stress-i-predstavleniya-o-psihologicheskoy-bezopasnosti-u-voennosluzhaschih-po-prizyvu-i-grazhdanskih-lits (дата обращения 13.01.2022).
8. *Дымова Е.Н.* Уровень посттравматического стресса в трудной жизненной ситуации // Мир Науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN419.pdf (дата обращения 13.01.2022).
9. *Зеленова М.Е.*, *Лазебная Е.О.*, *Тарабрина Н.В.* Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны

в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–49

10. *Знаков В.В.* Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.
11. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
12. *Знаков В.В.* Современное развитие психологии субъекта: субъектно-аналитический подход // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 52–83.
13. *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
14. *Знаков В.В.* Понимание немыслимого // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 1. С. 3–14.
15. *Никитина Д.А.* Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2021.
16. *Никитина Е.А.* Современные исследования мудрости: состояние и перспективы // Психологический журнал. 2021. Т. 42 (2). С. 28–37.
17. *Падун М.А.* Регуляция эмоций и психологическое благополучие: индивидуальные, межличностные и социокультурные факторы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 31–43. DOI: 10.31857/S020595920004052-3
18. *Падун М.А.*, *Гагарина М.А.*, *Зелянина А.Н.* Опосредующая роль регуляции эмоций и временной перспективы во взаимосвязи между темпераментальными чертами и эмоциональными состояниями // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 36–51. DOI: 10.17759/exppsy.2020130403
19. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
20. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
21. Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
22. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
23. *Сергиенко Е.А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
24. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
25. *Сергиенко Е.А.* Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 12–32.
26. *Сергиенко Е.А.* Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
27. *Сергиенко Е.А.*, *Ветрова И.И.* Русскоязычная адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо “Эмоциональный интеллект” (MSCEIT V2.0). Методическое пособие. М.: Смысл, 2017.
28. *Сергиенко Е.А.*, *Виленская Г.А.*, *Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
29. *Сергиенко Е.А.*, *Виленская Г.А.* Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 343–378.
30. *Сергиенко Е.А.*, *Лебедева Е.И.*, *Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
31. *Сергиенко Е.А.*, *Уланова А.Ю.*, *Лебедева Е.И.* Модель психического: структура и динамика. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
32. *Тарабрина Н.В.* Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 5–19.
33. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
34. *Тарабрина Н.В.* Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 20–33.
35. *Тарабрина Н.В.*, *Ворона О.А.*, *Курчакова М.С.*, *Падун М.А.*, *Шаталова Н.Е.* Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
36. *Тарабрина Н.В.*, *Лазебная Е.О.*, *Зеленова М.Е.*, *Ласко Н.Б.*, *Орр С.Ф.*, *Питман Р.К.* Психофизиологическая реактивность у ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 30–45
37. *Тарабрина Н.В.*, *Майн Н.В.* Межпоколенческая психотравматизация усыновителей и качество приемной семьи // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Под ред. А.В. Махнача, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.:

Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 517–545.

38. *Тарабрина Н.В.*, *Харламенкова Н.Е.*, *Падун М.А.*, *Хажуев И.С.*, *Казымова Н.Н.*, *Быховец Ю.В.*, *Дан М.В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.

39. *Тарабрина Н.В.*, *Хажуев И.С.* Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 215–226.

40. *Харламенкова Н.Е.* Метод анализа единичного случая: история вопроса и перспективы разработки в психологии // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 485–509.

41. *Харламенкова Н.Е.* Объяснение и психологическое знание // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. С. 69–91.

42. *Харламенкова Н.Е.*, *Дан М.В.*, *Казымова Н.Н.*, *Шаталова Н.Е.* Динамика уровня стресса и изменение представлений о болезни у подростков с опухолями опорно-двигательного аппарата и их матерей // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/02PSMN419.pdf (дата обращения 13.01.2022).

43. *Харламенкова Н.Е.*, *Зайцев О.С.*, *Никитина Д.А.*, *Кормилицына А.Н.* Эмоционально-личностные особенности пациентов с диагнозом менингиома при выраженном посттравматическом стрессе // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 150–167.

44. *Харламенкова Н.Е.*, *Тарабрина Н.В.*, *Быховец Ю.В.*, *Ворона О.А.*, *Казымова Н.Н.*, *Дымова Е.Н.*, *Шаталова Н.Е.* Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.

45. *Шаталова Н.Е.* Восприятие болезни подростками с опухолями опорно-двигательного аппарата // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Международной научно-практической конференции. Донецк, 2020. С. 208–212.

46. *Kazymova N.N.*, *Bykhovets J.V.*, *Tarabrina N.V.* Psychological Resources of Resilience to Terrorist Threat // Emotion, Well-Being, and Resilience. Theoretical Perspectives and Practical Applications / Eds. R.K. Pradhan, U. Kumar. Apple Academic Press, 2020. P. 409–424.

47. *Nikitina E.* Is Selfie Behavior Related to Psychological Well-being? // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. V. 14 (3). P. 22–33. DOI: 10.11621/pir.2021.0202

48. *Tarabrina N.V.*, *Bykhovets Yu.V.* Experience of terrorist threat among urban populations in Russia: PTSD and resilience // The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience / Ed. Updesh Kumar. Routledge Taylor&Francis Croup, London and New York, 2017. P. 271–285.

ACHIEVEMENTS OF THE LABORATORY OF PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT OF SUBJECT IN NORMAL AND POST-TRAUMATIC STATES: TO THE 50-TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS[2]

N. E. Kharlamenkova, E. A. Sergienko, N. V. Tarabrina

Institute of Psychology, *Russian Academy of Sciences*;
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bldn. 1*, *Russia*.
**ScD* (*Psychology*), *Professor*, *Chief Research Officer*, *Laboratory of Psychology of Development of Subject under Normal and Post-traumatic States*, *Deputy Director*.
E-mail: *nataly.kharlamenkova@gmail.com*
***ScD* (*Psychology*), *Professor*, *Principal Scientific Officer Laboratory of Psychology of Development of Subject under Normal and Post-traumatic States*.
E-mail: *elenas13@mail.ru*
****ScD* (*Psychology*), *Professor*.
E-mail: *nvtarab@gmail.com*

Received 11.10.2021

[2] The study was carried out in accordance with the State Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 0138-2022-0005.

Abstract. The article presents the results of methodological and theoretical-empirical research carried out by the staff of the laboratory of developmental of subject and the laboratory of psychology of post-traumatic stress over the past decades. In 2016, both laboratories became part of one unit: the laboratory of the psychology of development of subject under normal and post-traumatic states. The results of studies are presented, showing the patterns of human development under conditions of normal functioning and under the influence of high-intensity stressors. The article discusses the data of various theoretical and empirical studies, which describe and analyze the factors that contribute to and hinder the mental development of subject in health and under conditions of the influence of traumatic life events, their psychological consequences.

Keywords: system-subjective, subjective-analytical approaches, post-traumatic stress, mental trauma, terrorist and viral threats, life-threatening disease, revolution in developmental psychology, theory of mind, behavior control.

REFERENCES

1. *Brushlinskij A.V.* Psihologiya sub"ekta i ego deyatel'nosti. Sovremennaya psihologiya. Spravochnoe rukovodstvo. Ed. V.N. Druzhinin. Moscow: Infra-M., 1999. P. 330–346. (In Russian).
2. *Byhovec Yu.V.*, *Kazymova N.N.* Sovremennye otechestvennye issledovaniya psihologicheskih faktorov perezhivaniya terroristicheskoj ugrozy. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 3. P. 22–30. (In Russian).
3. *Byhovec Yu.V.*, *Tarabrina N.V.* Psihologicheskaya ocenka perezhivaniya terroristicheskoj ugrozy. Rukovodstvo. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (In Russian).
4. *Vetrova I.I.* Sootnoshenie raznourovnevyh mekhanizmov regulyacii povedeniya v rannem yunosheskom vozraste. Psikhologiya — nauka budushchego: Materialy VI Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh "Psihologiya — nauka budushchego". 19–20 noyabrya 2015 g., Moskva. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. P. 99–102. (In Russian).
5. *Vilenskaya G.A.* Emocional'naya regulyaciya: faktory ee razvitiya i svyazannye s nej vidy povedeniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 5. P. 63–76. (In Russian).
6. *Dan M.V.* Psihologicheskie posledstviya vozdejstviya stressora "tyazheloe zabolevanie rebenka" u materej s raznym urovnem lichnostnoj zrelosti: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2021. (In Russian).
7. *Dymova E.N.* Posttravmaticheskij stress i predstavleniya o psihologicheskoj bezopasnosti u voennosluzhashchih po prizyvu i grazhdanskih lic. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2018. № 1. (In Russian).
8. *Dymova E.N.* Uroven' posttravmaticheskogo stressa v trudnoj zhiznennoj situacii. Mir Nauki. Pedagogika i psihologiya. 2019 № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/13PSMN419.pdf (In Russian).
9. *Zelenova M.E.*, *Lazebnaya E.O.*, *Tarabrina N.V.* Psihologicheskie osobennosti posttravmaticheskih stressovyh sostoyanij u uchastnikov vojny v Afganistane. Psikhologicheskii zhurnal. 1997. V. 18. № 2. P. 34–49. (In Russian).
10. *Znakov V.V.* Teoreticheskie osnovaniya psihologii ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka. Voprosy psihologii. 2014. № 4. P. 16–29. (In Russian).
11. *Znakov V.V.* Psihologiya ponimaniya mira cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian).
12. *Znakov V.V.* Sovremennoe razvitie psihologii sub"ekta: sub"ektno-analiticheskij podhod. Princip razvitiya v sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 52–83. (In Russian).
13. *Znakov V.V.* Psihologiya vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimaniya. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021. (In Russian).
14. *Znakov V.V.* Ponimanie nemyslimogo. Voprosy psihologii. 2021. V. 67. № 1. P. 3–14. (In Russian).
15. *Nikitina D.A.* Posttravmaticheskij stress u lyudej raznogo vozrasta s ugrozhayushchim zhizni zabolevaniem: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2021. (In Russian).
16. *Nikitina E.A.* Sovremennye issledovaniya mudrosti: sostoyanie i perspektivy. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42 (2). P. 28–37. (In Russian).
17. *Padun M.A.* Regulyaciya emocij i psihologicheskoe blagopoluchie: individual'nye, mezhlichnostnye i sociokul'turnye faktory. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 3. P. 31–43. (In Russian).
18. *Padun M.A.*, *Gagarina M.A.*, *Zelyanina A.N.* Oposreduyushchaya rol' regulyacii emocij i vremennoj perspektivy vo vzaimosvyazi mezhdu temperamental'nymi chertami i emocional'nymi sostoyaniyami. Eksperimental'naya psihologiya. 2020. V. 13. № 4. P. 36–51. (In Russian).
19. Psihologicheskie problemy sovremennogo rossijskogo obshchestva. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. (In Russian).
20. Psihologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossijskogo obshchestva. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. (In Russian).

21. Psihologiya cheloveka i obshchestva: nauchno-prakticheskie issledovaniya. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.V. Tarabrina. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2014. (In Russian).

22. Princip razvitiya v sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. (In Russian).

23. *Sergienko E.A.* Anticipaciya v rannem ontogeneze cheloveka. Moscow: Nauka, 1992. (In Russian).

24. *Sergienko E.A.* Rannee kognitivnoe razvitie: novyj vzglyad. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2006. (In Russian).

25. *Sergienko E.A.* Zrelost’: molyarnyj ili modulyarnyj podhod? Fenomen i kategoriya zrelosti v psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”. 2007. P. 12–32. (In Russian).

26. *Sergienko E.A.* Psihicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub”ektnogo podhoda. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2021.

27. *Sergienko E.A.*, *Vetrova I.I.* Russkoyazychnaya adaptaciya testa Dzh. Mejera, P. Seloveya, D. Karuzo “Emocional’nyj intellekt” (MSCEIT V2.0). Metodicheskoe posobie. Moscow: Smysl, 2017. (In Russian).

28. *Sergienko E.A.*, *Vilenskaya G.A.*, *Kovaleva Yu.V.* Kontrol’ povedeniya kak sub”ektnaya regulyaciya. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2010. (In Russian).

29. *Sergienko E.A.*, *Vilenskaya G.A.* Kontrol’ povedeniya — integrativnoe ponyatie psihicheskoj regulyacii. Razrabotka ponyatij v sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. P. 343–378. (In Russian).

30. *Sergienko E.A.*, *Lebedeva E.I.*, *Prusakova O.A.* Model’ psihicheskogo v ontogeneze cheloveka. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2009. (In Russian).

31. *Sergienko E.A.*, *Ulanova A.Yu.*, *Lebedeva E.I.* Model’ psihicheskogo: struktura i dinamika. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2020. (In Russian).

32. *Tarabrina N.V.* Osnovnye itogi i perspektivnye napravleniya issledovanij posttravmaticheskogo stressa. Psikhologicheskii zhurnal. 2003. V. 24. № 4. P. 5–19. (In Russian).

33. *Tarabrina N.V.* Psihologiya posttravmaticheskogo stressa. Teoriya i praktika. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2009. (In Russian).

34. *Tarabrina N.V.* Psihologicheskie posledstviya vozdejstviya stressorov vysokoj intensivnosti: posttravmaticheskij stress. Psikhologicheskii zhurnal. 2012. V. 33. № 6. P. 20–33. (In Russian).

35. *Tarabrina N.V.*, *Vorona O.A.*, *Kurchakova M.S.*, *Padun M.A*, *Shatalova N.E.* Onkopsihologiya: posttravmaticheskij stress u bol’nyh rakom molochnoj zhelezy. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2010. (In Russian).

36. *Tarabrina N.V.*, *Lazebnaya E.O.*, *Zelenova M.E.*, *Lasko N.B.*, *Orr S.F.*, *Pitman R.K.* Psihofiziologicheskaya reaktivnost’ u likvidatorov avarii na CHAES. Psikhologicheskii zhurnal. 1996. V. 17. № 2. P. 30–45. (In Russian).

37. *Tarabrina N.V.*, *Majn N.V.* Mezhpokolencheskaya psihotravmatizaciya usynovitelej i kachestvo priemnoj sem’i. Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskij aspekt. Eds. A.V. Mahnach, A.M. Prihozhan, N.N. Tolstyh. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2015 (Fundamental’naya psihologiya — praktike). P. 517–545. (In Russian).

38. *Tarabrina N.V.*, *Harlamenkova N.E.*, *Padun M.A.*, *Hazhuev I.S.*, *Kazymova N.N.*, *Byhovec Yu.V.*, *Dan M.V.* Intensivnyj stress v kontekste psihologicheskoj bezopasnosti. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2017. (In Russian).

39. *Tarabrina N.V.*, *Hazhuev I.S.* Posttravmaticheskij stress i zashchitno-sovladayushchee povedenie u naseleniya, prozhivayushchego v usloviyah dlitel’noj chrezvychajnoj situacii. Eksperimental’naya psihologiya. 2015. V. 8. № 3. P. 215–226. (In Russian).

40. *Harlamenkova N.E.* Metod analiza edinichnogo sluchaya: istoriya voprosa i perspektivy razrabotki v psihologii. Novye tendencii i perspektivy psihologicheskoj nauki. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2019. P. 485–509. (In Russian).

41. *Harlamenkova N.E.* Ob”yasnenie i psihologicheskoe znanie. Psihologicheskoe znanie: vidy, istochniki, puti postroeniya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2021. P. 69–91. DOI: 10.38098/thry_21_0434_004 (In Russian).

42. *Harlamenkova N.E.*, *Dan M.V.*, *Kazymova N.N.*, *Shatalova N.E.* Dinamika urovnya stressa i izmenenie predstavlenij o bolezni u podrostkov s opuholyami oporno-dvigatel’nogo apparata i ih materej. Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2019. V. 7. № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/02PSMN419.pdf (In Russian).

43. *Harlamenkova N.E.*, *Zajcev O.S.*, *Nikitina D.A.*, *Kormilicyna A.N.* Emocional’no-lichnostnye osobennosti pacientov s diagnozom meningioma pri vyrazhennom posttravmaticheskom stresse [Elektronnyj resurs]. Klinicheskaya i special’naya psihologiya. 2018. V. 7. № 4. P. 150–167. DOI: 10.17759/psycljn.2018070409 (In Russian).

44. *Harlamenkova N.E.*, *Tarabrina N.V.*, *Byhovec Yu.V.*, *Vorona O.A.*, *Kazymova N.N.*, *Dymova E.N.*, *Shatalova N.E.* Psihologicheskaya bezopasnost’ lichnosti: implicitnaya i eksplicitnaya koncepcii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2017. (In Russian).

45. *Shatalova N.E.* Vospriyatie bolezni podrostkami s opuholyami oporno-dvigatel’nogo apparata. Lichnostnye i situacionnye determinanty povedeniya i deyatel’nosti cheloveka. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Doneck, 2020. P. 208–212. (In Russian).

46. *Kazymova N.N.*, *Bykhovets J.V.*, *Tarabrina N.V.* Psychological Resources of Resilience to Terrorist Threat. Emotion, Well-Being, and Resilience. Theoretical Perspectives and Practical Applications. Eds. R.K. Pradhan, U. Kumar. Apple Academic Press, 2020. P. 409–424.

47. *Nikitina E.* Is Selfie Behavior Related to Psychological Well-being? Psychology in Russia: State of the Art. 2021. V. 14 (3). P. 22–33. DOI: 10.11621/pir.2021.0202

48. *Tarabrina N.V.*, *Bykhovets Yu.V.* Experience of terrorist threat among urban populations in Russia: PTSD and resilience. The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience. Ed. Updesh Kumar. Routledge Taylor&Francis Croup, London and New York, 2017. P. 271–285.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 32-41

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К АМБИВАЛЕНТНОМУ ДРУГОМУ: КАКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИНИМАЕТСЯ В РАСЧЕТ?[1]

© 2022 г. М. В. Балева[1,*], Г. В. Ковалева[2,]**

[1]Пермский государственный национальный исследовательский университет;
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Россия.
[2]Пермский государственный институт культуры;
614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18, Россия.
[*]Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития.
E-mail: milenabaleva@yandex.ru
[**]Кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
E-mail: gal2401@yandex.ru

Поступила 17.07.2021

Аннотация. Исследование посвящено проблеме когнитивных закономерностей восприятия Другого в условиях неопределенной информации о социальной приемлемости его личности в терминах черт Темной триады. Ставится цель определить характеристики вербальной информации, попадающей в фокус внимания при оценке амбивалентного образа, и проследить динамику этой информации в условиях престимульного воздействия. Тестируется гипотеза о более высокой субъективной значимости негативной информации о Другом, а также ее субъективном ослаблении в условиях предъявления экстремально негативного пре-стимула. В исследовании приняли участие 406 студентов в возрасте от 17 до 32 лет ($M = 20.4$, $SD = 1.56$), них 114 мужчин и 292 женщины. Участникам предлагалось оценить амбивалентного Другого, отвечавшего на вопросы Короткого опросника Темной триады, демонстрируя попеременно высокую выраженность "темных" и "светлых" черт, а также указать, какие ответы объекта помогли сформировать мнение о нем. При этом участникам двух контрастных групп перед восприятием целевого объекта предлагалось оценить образы экстремально "плохой" ("темной") или "хорошей" личности, а участникам фоновой группы — только амбивалентный образ. Обнаружено, что при восприятии амбивалентного Другого наибольшей субъективной значимостью обладают такие суждения, которые свидетельствуют о выраженности у него негативных (а не позитивных) черт. При этом наибольшее внимание субъекта привлекают проявления нарциссизма, однако объективно они в меньшей степени связаны с формированием аттитюда, чем проявления психопатии. В целом сформированное оценочное отношение к амбивалентному Другому обнаруживает слабые связи с субъективными представлениями о вербальных источниках его формирования. Показано, что экстремально негативный пре-стимул снижает субъективную значимость негативной информации ($p < 0.05$), а экстремально позитивный не производит подобного эффекта. Полученные результаты объясняются с позиций когнитивной концепции "карты заметности", теории управления ошибками и эмпирических данных об эффектах прайминга.

Ключевые слова: социальная перцепция, аттитюд, амбивалентный Другой, Темная триада, негативные черты, пре-стимульное воздействие, эффекты прайминга.

DOI: 10.31857/S020595920018767-9

Современное понимание процесса перцептивной избирательности основано на информационном подходе и вычислительных принципах [8], причем наиболее авторитетный подход опирается на статистические закономерности в терминах байесовской вероятности [9]. Процесс внимания математически моделируется как нейронная активность, которая кодирует вероятностное представление мира на основе таких характеристик математического распределения, как неопределенность (дисперсия), точность (обратная дисперсия) и заметность (расхождение) [13]. Первые две характеристики связаны с прогностической надежностью перцептивных данных, а вторая определяет вероятность простого распознавания, т.е. выделения фигуры из фона. Понятие "заметности" (salience)

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-413-590001.

является ключевым для теорий внимания. При этом избирательность внимания понимается не только как функция заметности, но и как функция релевантности, т.е. соответствия текущим целям индивида [11]. На нейронном уровне прослеживается уникальность вклада заметности и релевантности в общий итог — выделение объекта из фона [12]. В каком-то смысле можно сказать, что внимание фокусируется на *перманентно* релевантных объектах перцептивного поля, которые связаны с врожденными потребностями. Можно предположить, что в процессе социальной перцепции на первый план выступают социальные потребности и связанный с ними социальный опыт.

Согласно модели содержания стереотипов [10], наиболее привлекательными с точки зрения межличностного взаимодействия для нас являются такие социальные объекты, которые обладают высокими рейтингами компетентности (интеллекта) и теплоты (дружелюбия). Вопрос о релевантности социальных объектов нашим биологическим целям (в том числе выживанию) является, по сути, вопросом предпочтения “хороших” (обеспечивающих поддержку) и избегания “плохих” (несущих угрозу). И те и другие представляют собой важные для распознавания стимулы. Можно ли сказать, однако, что они обладают разным “весом” при захвате нашего внимания?

Опираясь на теорию управления ошибками [15], мы можем спрогнозировать перцептивную приоритетность социально поддерживающего или социально угрожающего объекта (т.е. друга или врага) на основе сравнительного анализа возможных последствий неверного решения и их минимизации. Если неверный перцептивный выбор сделан в пользу “хорошего” объекта, возможные последствия сводятся к неполучению от него ожидаемой поддержки и одновременному получению неожиданного вреда от проигнорированного, “плохого” объекта. Если же неверный выбор сделан в пользу “плохого” объекта, возможные последствия сводятся к неполучению ожидаемого вреда и одновременно — к упущенной возможности получить поддержку. При очевидных минусах обоих исходов последствия первого варианта выбора представляются более тяжелыми, чем последствия второго. Таким образом, можно предположить, что в ситуации перцептивной конкуренции в фокус внимания попадут (при прочих равных) именно угрожающие объекты — как более опасные с точки зрения возможных последствий их игнорирования.

Ситуация, предшествующая целевому экспериментальному выбору, может сдвигать вероятностные исходы перцептивной избирательности [6]. В психологии известны два ключевых эффекта престимульного воздействия на итоговое восприятие целевых объектов. Первый — это эффект ассимиляции, который проявляется в том, что целевая информация начинает восприниматься в прямом согласии с содержанием дистракторного воздействия. Второй — это эффект контраста, который проявляется в сдвиге восприятия целевой информации в направлении, противоположном содержанию пре-стимула [7; 16]. При этом степень экстремальности пре-стимула по сравнению со стимулом является фактором, повышающим вероятность контрастного восприятия целевого объекта.

Целью настоящего исследования является определение закономерностей избирательного восприятия вербальной информации, лежащих в основе оценки амбивалентного Другого[2]. Данные закономерности исследовались в квазиэкспериментальных условиях пре-стимульного воздействия: предъявление экстремально позитивного Другого, предъявление экстремально негативного Другого и отсутствие пре-стимула (фоновый контроль).

С опорой на теорию управления ошибками было выдвинуто предположение, что из двух релевантных базовым социальным потребностям характеристик целевого объекта наиболее значимыми, а соответственно, привлекающими внимание окажутся его негативные (а не позитивные) вербальные проявления, т.е. такие, которые представляют потенциальную угрозу. На основании данных о факторах, определяющих эффекты прайминга, мы предположили, что после экстремальных престимульных воздействий заметность негативных вербальных проявлений будет меняться по принципу контраста. Учитывая, что суждения объекта восприятия воспроизводились респондентами постфактум в качестве аргументов в пользу сформированного аттитюда, мы предположили также, что наиболее часто упоминаемые ответы объекта обнаружат корреляции с компонентами сформированного отношения к нему.

Таким образом, в исследовании были выдвинуты три *гипотезы*:

1. Наиболее значимыми для формирования оценочного отношения к амбивалентному объекту являются негативные факты его вербального поведения, которые представляют потенциальную угрозу для возможного взаимодействия с ним. Такие факты запоминаются лучше, чем позитивные поведенческие проявления.

[2] В данном случае под амбивалентностью понимается 50%-е сходство с темнотриадической личностью по устным ответам на вопросы Короткого опросника Темной триады.

2. Пре-стимульное воздействие экстремальной позитивной валентности усиливает, а пре-стимульное воздействие экстремальной негативной валентности ослабляет восприятие негативных характеристик амбивалентного целевого объекта.

3. Субъективно значимые для формирования отношения суждения амбивалентного объекта обнаруживают значимые корреляции с компонентами аттитюда. При этом знак корреляции определяется характером ответа объекта: “хорошие” имеют положительный, а “плохие” — отрицательный знак.

Хотя есть прямые основания предполагать значимую роль личностных черт [1; 3], личностного тождества [1], ценностных ориентаций и установок [3] на формирование отношения к амбивалентному Другому, эти вопросы остаются за рамками настоящего исследования.

МЕТОДИКА

Участники и процедура. В исследовании приняли участие 406 студентов в возрасте от 17 до 32 лет (M = 20.4, SD = 1.56), из них 114 мужчин (28%) и 292 женщины (72%). Все респонденты давали письменное согласие на обработку персональных данных и подтверждали добровольность участия. В качестве поощрения за участие студенты получали 10% дополнительных баллов по академическим курсам в рамках психологических дисциплин.

Исследование проводилось с использованием онлайн-платформы Anketolog (профессиональная версия). На данной платформе было сформировано шесть вариантов тестовых наборов, соответствующих разным комбинациям пола целевого объекта и типа пре-стимульного воздействия. Наборы были идентичны в части анкетных вопросов, личностных методик и параметров оценки целевого объекта.

Участникам контрастных групп предъявлялась видеозапись интервью с позитивным (131 чел.) или негативным (134 чел.) пре-стимульным объектом, а участникам фоновой группы (141 чел.) — сразу с целевым объектом. Видеозапись предварялась инструкцией с установкой на последующее высказывание мнения об этом человеке. После просмотра участники заполняли Шкалу общего отношение к объекту восприятия [5]. Далее участники контрастных групп просматривали интервью с целевым объектом и характеризовали его с помощью тех же диагностических инструментов. В завершение всем участникам предлагались вопросы ретрофлексивного характера: необходимо было указать, какие ответы целевого объекта помогли сформировать окончательное мнение о нем. Предлагалось отметить от 6 до 12 пунктов Короткого опросника Темной триады, по которым были даны эти ответы.

Стимульный материал. В качестве стимульного материала использовались записи видеоинтервью со студентами, отвечающими на вопросы Короткого опросника Темной триады [2]. С помощью разных сценариев, регламентирующих ответы, были созданы три личностных образа: негативный, позитивный и амбивалентный. Негативный образ был сконструирован за счет таких ответов, которые при подсчете по ключу дают максимальные баллы по макиавеллизму, нарциссизму и психопатии. Позитивный образ, наоборот, формировался с помощью таких ответов, которые предполагают нулевые суммарные баллы по этим шкалам. Амбивалентный образ формировался за счет попеременных ответов, свидетельствующих то о максимальной выраженности, то об отсутствии “темных” личностных качеств. Каждый личностный образ (позитивный, негативный и амбивалентный) был представлен двумя вариантами — мужским и женским. Позитивный и негативный образы предъявлялись участникам исследования в качестве престимульного воздействия (только в контрастных группах), а амбивалентный образ — в качестве основного стимульного воздействия. Роль персонажей интервью сыграли студенты IV курса, юноша и девушка, обучающиеся по специальности “Актерское искусство”. Их игра была оценена как соответствующая заданным критериям тремя педагогами по актерскому мастерству.

Описание опросных методик. Шкала общего отношения к объекту восприятия [5] включала 15 вопросов, направленных на оценку когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов отношения к объекту восприятия. Согласие с каждым пунктом опросника оценивалось по 5-балльной шкале от “совершенно не согласен” до “совершенно согласен”.

Короткий опросник Темной триады [2] включал 27 утверждений, с которыми участникам предлагалось высказать степень своего согласия по 5-балльной шкале от “совершенно не согласен” до “совершенно согласен”. Суммарные баллы подсчитывались для трех шкальных показателей: макиавеллизма, нарциссизма и психопатии.

Анализ данных. Диагностические данные были обработаны в программе SPSS. На первом этапе (дескриптивный дизайн) использовался метод частотного анализа, с помощью которого подсчитывалось число выборов того или иного пункта

Короткого опросника Темной триады с точки зрения его информативности для формирования субъективного представления о целевом объекте. На втором этапе (квазиэкспериментальный дизайн) использовались таблицы сопряженности, с помощью которых оценивалось количество выборов каждого пункта в независимых группах участников (двух контрастных и одной фоновой). С помощью критерия χ^2 оценивались статистически значимые различия между частотой выборов каждого пункта в указанных группах. На третьем этапе (корреляционный дизайн) исследовались ранговые корреляции (по Спирмену) между субъективным представлением участников об информативности пунктов Темной триады и компонентами общего отношения к объекту восприятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Распределение показателей оценивалось только для количественных переменных отношения к целевому объекту с помощью значений асимметрии и эксцесса (табл. 1).

Поскольку значения асимметрии и эксцесса не превышали 0.50, был сделан вывод о соответствии данных закону нормального распределения. Таким образом, исследуемая выборка могла рассматриваться как репрезентативная.

В табл. 2 приводятся данные о субъективной информативности пунктов Короткого опросника Темной триады (ТТ), ответы на которые помогли сформировать окончательное мнение о целевом объекте.

Как видно из табл. 2, в общей выборке респондентов наиболее информативными с субъективной точки зрения оказались такие ответы, которые отражали выраженность у целевого объекта высоких показателей ТТ. При этом пункты, относящиеся к шкале нарциссизма, участники отмечали как наиболее информативные чаще, чем пункты, относящиеся к другим шкалам.

В табл. 3 те же данные представлены с разбивкой на две контрастные и одну фоновую группы. Приводится информация о статистически значимых различиях между группами в частоте выборов каждого пункта (по критерию χ^2).

Как видно из табл. 3, субъективная информативность пунктов ТТ варьировала в зависимости от характера пре-стимульного воздействия: значимость негативных ответов целевого объекта (свидетельствующих о высокой выраженности ТТ-черт), обнаруженная в общей выборке, снижалась на фоне негативной дистракции, т.е. предварительного предъявления экстремально “плохого” Другого. Об этом свидетельствуют более низкие абсолютные значения информативности *негативных* ответов в последнем столбце таблицы. В трети случаев это снижение оказалось статистически значимым по сравнению с фоновой группой ($p < 0.05$). Значимость позитивных ответов (свидетельствующих о низкой выраженности ТТ-черт) на фоне негативной дистракции, наоборот, обнаружила усиление. Об этом свидетельствуют более высокие абсолютные значения информативности *позитивных* ответов в последнем столбце. В 25% случаев этот рост оказался статистически значимым по сравнению с фоновой группой ($p < 0.05$). Другими словами, после предъявления экстремально негативного престимула “темные” проявления амбивалентной личности стали менее заметными, а “светлые”, наоборот, — более заметными. Аналогичного контраста восприятия после предъявления экстремально позитивного пре-стимула (первый числовой столбец таблицы) обнаружено не было, т.е. на фоне позитивной дистракции “темные” проявления амбивалетного объекта не стали более заметными, а “светлые” обнаружили тенденцию к снижению, которое, однако, оказалось значимым только в двух случаях (17%) по сравнению с фоновой группой.

В табл. 4 приводятся значимые коэффициенты корреляций показателей сформированного отношения к объекту и субъективных оценок вклада его отдельных суждений в формирование этого отношения. Данные приводятся по общей выборке участников, отдельно для каждого компонента отношения.

Как видно из табл. 4, субъективная информативность пунктов ТТ, т.е. их декларируемая значимость для формирования отношения к объекту, обнаружила незначительное количество слабых связей с показателями его итоговой оценки ($R^2 = 1.00 \div 2.89$). Из 27 вопросов только 7 обнаружили значимые корреляции с отдельными компонентами аттитюда. Из 12 субъективно информативных *негативных* ответов (свидетельствующих о высокой выраженности ТТ-черт) значимыми для формирования итогового мнения об амбивалентном Другом оказались только 4, а из 4 субъективно информативных *позитивных* ответов (свидетельствующих о низкой выраженности ТТ-черт) — только 2. Один *нейтральный* ответ, не попавший в число наиболее информативных, также оказался значимым для оценки Другого. При этом наиболее значимыми для формирования целостного отношения к Другому оказались вербальные признаки психопатии: они обнаружили связь со всеми компонентами аттитюда — отрицательную в случае их выраженности и положительную в случае их отсутствия. Признаки нарциссизма, напротив,

Таблица 1. Описательная статистика количественных переменных

Компоненты отношения к целевому объекту	*N*	*M*	*SD*	*As*	SE_{As}	*Ex*	SE_{Ex}
Когнитивный	406	3.12	0.77	-0.05	0.12	–0.36	0.24
Эмоциональный	406	3.30	0.86	-0.31	0.12	–0.43	0.24
Поведенческий	406	3.31	0.83	-0.15	0.12	–0.32	0.24
Общее отношение	406	3.24	0.77	-0.12	0.12	–0.40	0.24

Таблица 2. Степень субъективной информативности вопросов ТТ для формирования мнения о целевом объекте (по числу выборов в общей выборке респондентов)

Формулировка вопроса и тип ответа на него	Число выборов
Ты обычный человек? (*N*+)	241
Верно, что ты ненавидишь быть в центре внимания? (*N*+)	234
Тебе нравится доставлять неприятности тем, кто главнее тебя? (*P*+)	233
Ты согласен, что счеты надо сводить быстро и беспощадно? (*P*+)	202
Можно сказать, что ты особенный? (*N*+)	188
Как по-твоему: глупо раскрывать свои секреты? (*M*+)	185
Ты смущаешься, когда тебе говорят комплименты? (*N*+)	184
Считают ли окружающие, что ты прирожденный лидер? (*N*–)	164
Ты сможешь сказать все что угодно, чтобы получить то, что ты хочешь? (*P*+)	163
В компаниях без тебя скучно и неинтересно? (*N*–)	153
У тебя никогда не было проблем с законом? (*P*+)	143
Как ты думаешь: почти всеми людьми можно манипулировать? (*M*+)	142
Ты считаешь, что о других полезно знать что-то, что можно использовать против них? (*M*+)	137
Тебе нравится подкалывать неудачников? (*P*–)	131
Если кто-то заденет тебя, потом пожалеет об этом? (*P*–)	115
Ты скрываешь от других некоторые вещи о себе? (*M*+)	112
Тебе нравится знакомиться с влиятельными людьми? (*N*–)	104
Считаешь ли ты нужным делать все, чтобы влиятельные люди были на твоей стороне? (*M*±)	99
Ты избегаешь опасных ситуаций? (*P*–)	95
Ты согласен, что люди не будут хорошо работать, пока их не заставишь? (*M*–)	94
Нужно ли избегать открытого конфликта с окружающими — с учетом того, что они могут быть полезны в будущем? (*M*–)	93
А ты можешь вести себя непорядочно по отношению к другим? (*P*±)	91
Ты согласен, что свести с кем-то счеты надо не торопясь, дождавшись подходящего момента? (*M*–)	84
Ты требуешь, чтобы к тебе относились с уважением, которого ты заслуживаешь? (*N*–)	72
Прежде чем что-то делать, ты стараешься убедиться, что результаты будут выгодны именно тебе, а не кому-то другому? (*M*–)	70
А говорят о тебе, что ты неуправляем? (*P*–)	45
Бывает, что тебя сравнивают со знаменитыми людьми? (*N*±)	30

Примечание. В скобках после каждого вопроса буквой указана шкала, к которой относится данный вопрос: *N* — нарциссизм; *M* — макиавеллизм; *P* — психопатия. Знак рядом с буквой отражает тип ответа целевого объекта на вопрос в соответствии со сценарием: “+” означает ответ, свидетельствующий о выраженности признака соответствующей черты; “–” означает отсутствие признака; “±” означает неопределенный ответ. Строки с негативными ответами (свидетельствующими о высокой выраженности ТТ-черт) выделены серым фоном.

затрагивали лишь отдельные компоненты аттитюда: эмоциональный или поведенческий. Вербальные маркеры макиавеллизма коррелировали со всеми компонентами аттитюда, однако характер этих связей оказался противоречивым.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты свидетельствует о том, что в процессе наблюдения за вербальными проявлениями амбивалентного Другого наибольшее внимание привлекают негативные суждения, которые свидетельствуют о его слабом соответствии социально одобряемым образцам. При этом наиболее заметными оказываются проявления нарциссизма, т.е. утверждения объекта о собственной исключительности и его желании быть в центре внимания. Это соответствует выдвинутому нами предположению о более высокой информативности негативных вербальных проявлений по сравнению с позитивными. Особое внимание к проявлениям нарциссизма можно интерпретировать как социальную чувствительность к маркерам лидерства, поскольку

Таблица 3. Степень субъективной информативности вопросов ТТ для формирования мнения о целевом объекте (по числу выборов участников в контрастных и фоновой группах)

Формулировка вопроса и тип ответа на него	Число выборов		
	К_поз (n = 134)	Ф (n = 141)	К_нег (n = 131)
Ты обычный человек? (*N*+)	82_{a}	89_{a}	70_{a}
Верно, что ты ненавидишь быть в центре внимания? (*N*+)	75_{ab}	$\mathbf{90_{b}}$	$\mathbf{69_{a}}$
Тебе нравится доставлять неприятности тем, кто главнее тебя? (*P*+)	80_{a}	85_{a}	68_{a}
Ты согласен, что счеты надо сводить быстро и беспощадно? (*P*+)	77_{a}	79_{a}	$\mathbf{46_{b}}$
Можно сказать, что ты особенный? (*N*+)	70_{a}	61_{a}	57_{a}
Как по-твоему: глупо раскрывать свои секреты? (*M*+)	$\mathbf{71_{a}}$	61_{ab}	$\mathbf{53_{b}}$
Ты смущаешься, когда тебе говорят комплименты? (*N*+)	60_{ab}	$\mathbf{72_{b}}$	$\mathbf{52_{a}}$
Считают ли окружающие, что ты прирожденный лидер? (*N*–)	41_{a}	46_{a}	$\mathbf{77_{b}}$
Ты сможешь сказать все что угодно, чтобы получить то, что ты хочешь? (*P*+)	$\mathbf{62_{a}}$	57_{ab}	$\mathbf{44_{b}}$
В компаниях без тебя скучно и неинтересно? (*N*–)	33_{a}	50_{a}	$\mathbf{70_{b}}$
У тебя никогда не было проблем с законом? (*P*+)	52_{a}	56_{a}	$\mathbf{35_{b}}$
Как ты думаешь: почти всеми людьми можно манипулировать? (*M*+)	54_{a}	48_{a}	40_{a}
Ты считаешь, что о других полезно знать что-то, что можно использовать против них? (*M*+)	49_{a}	46_{a}	42_{a}
Тебе нравится подкалывать неудачников? (*P*–)	$\mathbf{30_{a}}$	45_{ab}	$\mathbf{56_{b}}$
Если кто-то заденет тебя, потом пожалеет об этом? (*P*–)	$\mathbf{17_{a}}$	35_{b}	$\mathbf{63_{c}}$
Ты скрываешь от других некоторые вещи о себе? (*M*+)	40_{a}	41_{a}	31_{a}
Тебе нравится знакомиться с влиятельными людьми? (*N*–)	33_{a}	31_{a}	40_{a}
Считаешь ли ты нужным делать все, чтобы влиятельные люди были на твоей стороне? (*M*±)	32_{a}	29_{a}	38_{a}
Ты избегаешь опасных ситуаций? (*P*–)	$\mathbf{21_{a}}$	32_{ab}	$\mathbf{42_{b}}$
Ты согласен, что люди не будут хорошо работать, пока их не заставишь? (*M*–)	$\mathbf{18_{a}}$	41_{b}	35_{b}
Нужно ли избегать открытого конфликта с окружающими — с учетом того, что они могут быть полезны в будущем? (*M*–)	$\mathbf{21_{a}}$	36_{ab}	$\mathbf{36_{b}}$
А ты можешь вести себя непорядочно по отношению к другим? (*P*±)	33_{a}	28_{a}	30_{a}
Ты согласен, что свести с кем-то счеты надо не торопясь, дождавшись подходящего момента? (*M*–)	$\mathbf{35_{a}}$	27_{ab}	$\mathbf{22_{b}}$
Ты требуешь, чтобы к тебе относились с уважением, которого ты заслуживаешь? (*N*–)	$\mathbf{13_{a}}$	24_{ab}	$\mathbf{35_{b}}$
Прежде чем что-то делать, ты стараешься убедиться, что результаты будут выгодны именно тебе, а не кому-то другому? (*M*–)	21_{a}	23_{a}	26_{a}
А говорят о тебе, что ты неуправляем? (*P*–)	11_{a}	20_{a}	14_{a}
Бывает, что тебя сравнивают со знаменитыми людьми? (*N*±)	10_{ab}	$\mathbf{6_{b}}$	$\mathbf{14_{a}}$

Примечание. К_поз — контрастная группа с предъявлением позитивного пре-стимула; Ф — фоновая группа; К_нег — контрастная группа с предъявлением негативного пре-стимула. Одинаковыми подстрочными буквенными индексами в одной строке отмечены статистически не различающиеся ($p > 0.05$), а разными индексами — статистически различающиеся значения ($p < 0.05$) по критерию χ^2; двойной буквенный индекс свидетельствует об отсутствии статистических различий с остальными значениями в строке. Контрастные значения выделены жирным шрифтом. Строки с негативными ответами (свидетельствующими о высокой выраженности ТТ-черт) выделены серым фоном.

Таблица 4. Коэффициенты корреляций отношения к объекту и субъективной оценки значимости его отдельных суждений в общей выборке участников

Формулировка вопроса и тип ответа на него	Компоненты отношения к объекту		
	Когнитивный	Эмоциональный	Поведенческий
Ты обычный человек? (*N*+)			–0.11[a]
Можно сказать, что ты особенный? (*N*+)		–0.10*	
Как по-твоему: глупо раскрывать свои секреты? (*M*+)	0.11*	0.14**	0.12*
У тебя никогда не было проблем с законом? (*P*+)	–0.16***	–0.15**	–0.16***
Тебе нравится подкалывать неудачников? (*P*–)	0.16**	0.15**	0.17***
Если кто-то заденет тебя, потом пожалеет об этом? (*P*–)	0.13**	0.12*	0.11*
Считаешь ли ты нужным делать все, чтобы влиятельные люди были на твоей стороне? (*M*±)		0.11*	0.14**

Примечание. * $p \le 0.05$, ** $p \le 0.01$, *** $p \le 0.001$. Незначимые коэффициенты корреляции исключены из таблицы.

нарциссизм обнаруживает с ними положительные корреляции [14].

Вопреки нашим ожиданиям было обнаружено, что субъективное представление об информативности вербального поведения объекта не является надежным прогностическим фактором формирования отношения к нему. Во-первых, корреляции между оценками информативности ответов объекта и компонентами отношения к нему оказались достаточно малочисленными, а во-вторых, слабыми с точки зрения коэффициентов детерминации. Принимая во внимание это ограничение, отметим, однако, что *объективно* значимыми для формирования отношения к амбивалентному объекту оказались вербальные признаки психопатии: они обнаружили связь со всеми компонентами аттитюда — отрицательную в случае их выраженности и положительную в случае их отсутствия. При этом содержательно значимой являлась информация о нарушении закона, а также проявлениях жестокости и агрессивности в социальном взаимодействии. Признаки нарциссизма, а именно заявления объекта о собственной исключительности, напротив, затрагивали лишь отдельные компоненты аттитюда: вызывали негативный эмоциональный или поведенческий отклик. Проявления макиавеллизма обнаружили неожиданные связи с компонентами аттитюда. Утверждение о нежелании раскрывать свои секреты способствовало формированию целостного позитивного аттитюда, а неопределенный ответ о привлечении влиятельных сторонников (“не знаю, трудно сказать”) был положительно связан с эмоциональным и поведенческим компонентами отношения. На наш взгляд, на основании этих данных нельзя говорить о закономерных связях проявлений макиавеллизма с отношением к его носителю. Первое утверждение могло активизировать устоявшуюся позитивную коннотацию с защитой личных данных, к тому же оно было первым в списке вопросов и его запоминание могло быть обусловлено эффектом края. Что касается второго утверждения, оно не несло никакой информации о наличии или отсутствии черты и, соответственно, могло быть наполнено любой субъективной интерпретацией.

Таким образом, наши результаты свидетельствуют о расхождении между субъективными и объективными факторами формирования отношения к амбивалентному объекту на основе его вербальных проявлений. Субъективно наиболее значимыми являются проявления нарциссизма, однако объективно сформированное отношение к объекту в большей степени определяется проявлениями психопатии. С точки зрения потенциального ущерба взаимодействие с психопатической личностью является более опасным, чем взаимодействие с нарциссической личностью [4]. В этом смысле, в логике теории управления ошибками, игнорирование нарциссических проявлений должно быть менее вероятным, чем игнорирование психопатии. В то же время нарциссизм наряду с экстраверсией является заметной (observable) чертой [17], а соответственно, его проявления в большей степени привлекают внимание и проще выводятся на уровень сознания и рассматриваются как основания формирования отношения.

Как и предполагалось, значимость негативных вербальных проявлений объекта после предъявления экстремально негативного пре-стимула снижается, подчиняясь закону контраста. В то же время после предъявления экстремально позитивного пре-стимула подобного эффекта не наблюдается. На наш взгляд, это можно объяснить большей субъективной значимостью пре-стимульных негативных характеристик, которая приводит к их лучшему запоминанию и формированию устойчивого контекстного фона (перцептивной точки отсчета).

Таким образом, полученные результаты позволяют обозначить важные составляющие вербального информационного воздействия, которые обладают повышенной значимостью для формирования социального аттитюда в отношении амбивалентного Другого. При этом открытым остается вопрос об эффектах контрастного прайминга на восприятие выраженных валентных образов — очевидно “хорошего” и “плохого” Другого. Полученные результаты позволяют предположить, что пре-стимульный негативный прайминг может обладать сходными эффектами на сдвиг оценок и в этом случае.

Ограничениями настоящего исследования следует признать возраст и социальный статус респондентов. Опираясь на данные, полученные Ю.В. Красавцевой и Т.В. Корниловой [4], свидетельствующие о более высокой выраженности межличностной интолерантности к неопределенности у студентов по сравнению с менеджерами, можно предположить, что у представителей других социальных групп восприятие амбивалентного (неопределенного) Другого будет иметь специфические особенности.

ВЫВОДЫ

1. В процессе восприятия амбивалентного Другого наибольшей субъективной значимостью обладают такие высказывания объекта, которые

свидетельствуют о выраженности у него “темных” (а не “светлых”) черт. Наибольшее внимание субъекта восприятия привлекают проявления нарциссизма, однако объективно они в меньшей степени связаны с итоговым отношением к объекту, чем проявления психопатии.

2. В целом сформированное оценочное отношение к амбивалентному Другому обнаруживает слабые связи с субъективными представлениями о вербальных источниках его формирования.

3. Субъективная значимость вербальной информации находится под влиянием контекстного фактора, связанного с валентностью пре-стимульных объектов: экстремально “хорошего” и экстремально “плохого” Другого. Экстремально негативный пре-стимульный персонаж существенно ослабляет субъективную значимость негативных и усиливает значимость позитивных вербальных проявлений целевого объекта, действуя по принципу контраста. В свою очередь, экстремально позитивный пре-стимульный персонаж обнаруживает лишь слабую тенденцию к обратному эффекту: ослаблению субъективной значимости позитивных проявлений Другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балева М.В.* Другой, похожий на меня: особенности внутригрупповой перцепции юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт личности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 64–87. DOI: 10.17223/17267080/74/4
2. *Егорова М.С.*, *Ситникова М.А.*, *Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 12.06.2021).
3. *Журавлева Н.А.* Социально-психологические факторы толерантного отношения к взглядам и мнениям других людей // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 32–43.
4. *Красавцева Ю.В.*, *Корнилова Т.В.* Нарциссизм как “светлый” аспект в Темной Триаде // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 4. С. 65–80. DOI: 10.17759/ cpp.2019270405
5. *Щебетенко С.А.*, *Балева М.В.*, *Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. Т. 3. № 1. С. 57–69.
6. *Awh E.*, *Belopolsky A.V.*, *Theeuwes J.* Top-down versus bottom-up attentional control: a failed theoretical dichotomy // Trends in Cognitive Sciences. 2012. № 16 (8). P. 437–443. DOI: 10.1016/j.tics.2012.06.010
7. *Blair I.V.*, *Banaji M.R.* Automatic and controlled processes in stereotype priming // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 70 (6). P. 1142–1163. DOI: 10.1037/0022-3514.70.6.1142
8. *Bruce N.D.B.*, *Tsotsos J.K.* Saliency, attention, and visual search: An information theoretic approach // Journal of Vision. 2009. № 9 (3). P. 1–24.
9. *Chikkerur S.*, *Serre T.*, *Tan C.*, *Poggio T.* What and where: a Bayesian inference theory of attention // Vision Research. 2010. № 50 (22). P. 2233–2247. DOI: 10.1016/j.visres.2010.05.013
10. *Cuddy A.J.C.*, *Fiske S.T.*, *Glick P.* The BIAS map: Behaviors from intergroup affect and stereotypes // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. № 92 (4). P. 631–648. DOI: 10.1037/0022-3514. 92.4.631
11. *Fecteau J.H.*, *Munoz D.P.* Salience, relevance, and firing: a priority map for target selection // Trends in Cognitive Sciences. 2006. № 10 (8). P. 382–390. DOI: 10.1016/j. tics.2006.06.011
12. *Fecteau J.H.*, *Bell A.H.*, *Munoz D.P.* Neural correlates of automatic and goal-driven biases in orienting spatial attention // Journal of Neurophysiology. 2004. № 92 (3). P. 1728–1737. DOI: 10.1152/jn.00184.2004
13. *Feldman H.*, *Friston K.J.* Attention, uncertainty, and free-energy // Frontiers in Human Neuroscience. 2010. № 4. Art. 215. DOI: 10.3389/fnhum.2010.00215
14. *Grijalva E.*, *Harms P.*, *Newman D.*, *Gaddis B.*, *Fraley R.* Narcissism and Leadership: A Meta-Analytic Review of Linear and Nonlinear Relationships // Personnel Psychology. 2015. № 68. P. 1–47. DOI: 10.1111/peps. 12072
15. *Haselton M.G.*, *Buss D.M.* Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. № 78 (1). P. 81–91. DOI: 10.1037/0022-3514.78.1.81
16. *Herr P.M.*, *Sherman S.J.*, *Fazio R.H.* On the consequences of priming: Assimilation and contrast effects // Journal of Experimental Social Psychology. 1983. № 19 (4). P. 323–340. DOI: 10.1016/0022-1031(83)90026-4
17. *Human L.J.*, *Biesanz J.C.* Target Adjustment and Self-Other Agreement: Utilizing Trait Observability to Disentangle Judgeability and Self-Knowledge // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. № 101 (1). P. 202–216. DOI: 10.1037/a0023782

FORMING AN ATTITUDE TO AN AMBIVALENT OTHER: WHAT INFORMATION IS CONSIDERED RELEVANT?[3]

M. V. Baleva[1,*], G. V. Kovaleva[2,]**

[1]Perm State University;
614990, Perm, Bukirev str., 15, Russia.
[2]Perm State Institute of Culture;
614000, Perm, Gazety Zvezda str., 18, Russia.
[*]PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Department of General and Clinical Psychology.
E-mail: milenabaleva@yandex.ru
[**]PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Humanities.
E-mail: gal2401@yandex.ru

Received 17.07.2021

Abstract. The study is devoted to the problem of cognitive patterns appear during perception of the Other when receiving uncertain information about his/her Dark Triad traits. The goal is to determine the characteristics of verbal information that falls into the attentional focus, when assessing his/her ambivalent image, and to trace the dynamics of this information under conditions of pre-stimulus exposure. The hypothesis of a higher subjective significance of negative information about the Other, as well as its subjective weakening in conditions of extremely negative pre-stimulus, is being tested. The study involved 406 students from 17 to 32 years old ($M = 20.4$, $SD = 1.56$), 114 male and 292 female. The participants were asked to estimate the ambivalent Other who answered the questions of Dark Triad Short Questionnaire, demonstrating alternately "dark" and "light" features, and also to indicate which responses of the object helped to form a final attitude to him. The participants of the two contrasting groups were asked also to estimate images of an extremely "bad" ("dark") or "good" person perceiving before the target object, while the participants in the basic group were asked to estimate only the ambivalent Other. It was found that negative (not socially approved) expressions of an ambivalent Other, were the matter of the greatest subjective importance for respondents. Besides, the expressions of narcissism attracted the greatest attention, but were less connected with the attitude components than those of psychopathy. In general, the final attitude towards the ambivalent Other reveals weak connections with subjective ideas about its verbal sources. It was shown that an extremely negative pre-stimulus reduced the subjective significance of negative information ($p < 0.05$), and an extremely positive one did not have such effects. The results are explained in terms of the cognitive concept of the "salience map", empirical data on the priming effects and Error Management Theory.

REFERENCES

1. *Baleva M.V.* Drugoi, pokhozhii na menya: osobennosti vnutrigruppovoi pertseptsii yunoshei i devushek s raznoi vyrazhennost'yu negativnykh chert lichnosti. Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2019. № 74. P. 64–87. DOI: 10.17223/17267080/74/4 (In Russian)
2. *Egorova M.S.*, *Sitnikova M.A.*, *Parshikova O.V.* Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Temnoi triady. Psikhologicheskie issledovaniya. 2015. V. 8. № 43. P. 1. URL: http://psystudy.ru (data obrashcheniya: 12.06.2021). (In Russian)
3. *Zhuravleva N.A.* Sotsial'no-psikhologicheskie faktory tolerantnogo otnosheniya k vzglyadam i mneniyam drugikh lyudei. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 2. P. 32–43 (In Russian)
4. *Krasavtseva Yu.V.*, *Kornilova T.V.* Nartsissizm kak "svetlyi" aspekt v Temnoi Triade. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2019. V. 27. № 4. P. 65–80. DOI: 10.17759/cpp.2019270405 (In Russian)
5. *Shchebetenko S.A.*, *Baleva M.V.*, *Kornienko D.S.* Stereotip i sotsial'naya ugroza kak faktory vospriyatiya immigrantov russkimi. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury. 2007. V. 3. № 1. P. 57–69. (In Russian)
6. *Awh E.*, *Belopolsky A.V.*, *Theeuwes J.* Top-down versus bottom-up attentional control: a failed theoretical dichotomy. Trends in Cognitive Sciences. 2012. № 16 (8). P. 437–443. DOI: 10.1016/j.tics.2012.06.010
7. *Blai I.V.*, *Banaji M.R.* Automatic and controlled processes in stereotype priming. Journal of Personality and Social Psychology. 1996. № 70 (6). P. 1142–1163. DOI: 10.1037/0022-3514.70.6.1142

[3] The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research and Perm Krai (project № 20-413-590001).

8. *Bruce N.D.B.*, *Tsotsos J.K.* Saliency, attention, and visual search: An information theoretic approach. Journal of Vision. 2009. № 9 (3). P. 1–24.

9. *Chikkerur S.*, *Serre T.*, *Tan C.*, *Poggio T.* What and where: a Bayesian inference theory of attention. Vision Research. 2010. № 50 (22). P. 2233–2247. DOI: 10.1016/j.visres.2010.05.013

10. *Cuddy A.J.C.*, *Fiske S.T.*, *Glick P.* The BIAS map: Behaviors from intergroup affect and stereotypes. Journal of Personality and Social Psychology. 2007. № 92 (4). P. 631–648. DOI: 10.1037/0022-3514.92.4.631

11. *Fecteau J.H.*, *Munoz D.P.* Salience, relevance, and firing: a priority map for target selection. Trends in Cognitive Sciences. 2006. № 10 (8). P. 382–390. DOI: 10.1016/j.tics.2006.06.011

12. *Fecteau J.H.*, *Bell A.H.*, *Munoz D.P.* Neural correlates of automatic and goal-driven biases in orienting spatial attention. Journal of Neurophysiology. 2004. № 92 (3). P. 1728–1737. DOI: 10.1152/jn.00184.2004

13. *Feldman H.*, *Friston K.J.* Attention, uncertainty, and free-energy. Frontiers in Human Neuroscience. 2010. № 4. Art. 215. DOI: 10.3389/fnhum.2010.00215

14. *Grijalva E.*, *Harms P.*, *Newman D.*, *Gaddis B.*, *Fraley R.* Narcissism and Leadership: A Meta-Analytic Review of Linear and Nonlinear Relationships. Personnel Psychology. 2015. № 68. P. 1–47. DOI: 10.1111/peps.12072

15. *Haselton M.G.*, *Buss D.M.* Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading. Journal of Personality and Social Psychology. 2000. № 78 (1). P. 81–91. DOI: 10.1037/0022-3514.78.1.81

16. *Herr P.M.*, *Sherman S.J.*, *Fazio R.H.* On the consequences of priming: Assimilation and contrast effects. Journal of Experimental Social Psychology. 1983. № 19 (4). P. 323–340. DOI: 10.1016/0022-1031(83)90026-4

17. *Human L.J.*, *Biesanz J.C.* Target Adjustment and Self-Other Agreement: Utilizing Trait Observability to Disentangle Judgeability and Self-Knowledge. Journal of Personality and Social Psychology. 2011. № 101 (1). P. 202–216. DOI: 10.1037/a0023782

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 42-50

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК159.9:316.77

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ

© 2022 г. А. В. Учаев

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Аспирант. E-mail: andvl@ro.ru

Поступила 23.03.2021

Аннотация. Способность выявлять ложь в высказываниях других людей человеком, не прошедшим специального обучения, колеблется на уровне случайного угадывания. При этом, как показывают исследования, значительное количество соискателей различных должностей, а также людей, находящихся под следствием, скрывают информацию для достижения собственных целей. В настоящее время в практической деятельности применяются различные методы выявления лжи: контактный и бесконтактный полиграф, графология, профайлинг, голосовой анализатор и пр. Кроме того, существует большой класс активно развивающихся методов (ЭЭГ, фМРТ, спектроскопия и др.), которые в последующем могут внедриться в практику. При этом каждый из существующих методов основан на разной методологической базе, а также использует индуктивную или дедуктивную модель описания обнаруженных явлений, что выражается в различной эффективности. В данной статье осуществляется обзор вышеуказанных методов детекции лжи с сопоставлением их эффективности и перспективами использования.

Ключевые слова: детекция лжи, полиграф, профайлинг, графология, трекер движения глаз, анализ голоса, электроэнцефалография, функциональная магнитно-резонансная томография.

DOI: 10.31857/S020595920018768-0

Согласно ряду исследований, проведенных рекрутинговыми агентствами и интернет-порталами по поиску работы, количество соискателей, которые лгут при составлении резюме или во время собеседования, может достигать 82% [38]. Показано, что 10 из 12 студентов (83%) последнего курса готовы соврать, чтобы получить работу [42]. Анализ уголовно-процессуальной практики выявил, что порядка 30% обвиняемых и подозреваемых дают ложные показания, а 95% — частично правдивые [2]. При этом способность распознавать ложь человеком, не имеющим специальной подготовки, остается на уровне 50%, т.е. случайного угадывания [43; 48]. Естественно, что противовесом данному социальному феномену стала разработка, а затем совершенствование методов выявления скрываемой информации: проверка на полиграфе, профайлинг, графология и пр., — получивших широкое распространение в практике. В данной статье осуществляется обзор вышеуказанных методов детекции лжи с сопоставлением их эффективности и перспективами использования.

Первым и основным методом детекции лжи является *классический полиграф*. Это техническое устройство, посредством которого осуществляется регистрация динамики ряда физиологических показателей: изменения дыхания, потоотделения, параметров сердечно-сосудистой системы и др. [21; 45]. Первые попытки использования изменения вегетативных показателей для выявления лжи предпринимались уже во второй половине XIX в. В 1870-х годах итальянский физиолог Анжело Мосси сконструировал современный аналог плетизмографа, с помощью которого выявил, что переживаемые эмоции, в частности страх, изменяют кровяное давление. Впоследствии итальянский криминалист Чезаре Ломброзо использовал эти идеи для установления причастности опрашиваемого лица к расследуемым событиям. Первые прототипы полиграфа в его современном понимании, а также специально разработанные тесты появились в начале XX в. благодаря работам американского психолога Вильяма Марстона [46]. В современных полиграфах регистрируются те же показатели, что и раньше, однако произошел переход с чернилопишущих аппаратов на компьютерные, а методологическая база многократно расширилась. Сама проверка представляет собой специально организованную процедуру, где по определенным правилам испытуемому задаются вопросы, информацию по которым требуется выяснить [45].

Полиграф часто упоминается в СМИ и популярной литературе под названием *"детектор лжи"*, что не совсем корректно. Не существует такого изменения физиологических показателей, которое бы однозначно указывало на сокрытие человеком значимой информации. С данным пунктом связана основная критика полиграфа, заключающаяся в том, что испытуемый, находящийся в ситуации тестирования, может не лгать, но испытывать различный спектр эмоций: страх, раздражение и пр. [17; 50]. Например, А. Мосси зарегистрировал внезапное учащение пульса одной испытуемой, произошедшее вследствие того, что она увидела на полке книжного шкафа череп, который напомнил ей о ее болезни. Таким образом, изменение показателя было вызвано испытанным чувством страха. Однако за длительную историю развития полиграфа были выработаны, а затем усовершенствованы тестовые методики, позволяющие учитывать данные факты, что позволило превратить недостаток в преимущество [1; 15]. Эффективность полиграфа по данным метаанализа различных исследований составляет до 95% (в среднем — 90%), однако во многом зависит от квалификации эксперта [19; 39].

Бесконтактный полиграф методически представляет собой его обычную версию, но технически физиологические показатели регистрируются без непосредственного наложения датчиков на тело человека. Это позволяет снизить стресс, вызванный установкой датчиков. Кроме того, открываются перспективы для негласного использования полиграфа, например, в оперативно-розыскной деятельности [16]. Исполнение бесконтактного полиграфа возможно в двух видах. Во-первых, использование специальных датчиков, размещаемых в обивке стула. Посредством них происходит регистрация сердечно-сосудистой деятельности испытуемых (пульсация сосудов на спине или ягодицах), из чего затем математически могут быть получены расчетные показатели (частота сердечных сокращений и пр.), а также кривая дыхания (см., напр., [1; 6]). Таким образом, будет иметься ряд показателей, зафиксированных в процессе общения, в целях последующего анализа. Другой способ предполагает дистантную регистрацию показателей. Сейчас существуют технические устройства, основанные на эхолокации и способные регистрировать дыхание и сердцебиение непосредственно на расстоянии [3]. Данная технология успешно применяется в сомнологических исследованиях, где размещение датчиков на теле человека создает существенный дискомфорт во время сна. Однако использование бесконтактного полиграфа не избавляет от необходимости проведения тестирования в методически корректно организованных условиях. В таком случае эффективность классического и бесконтактного полиграфа будет сопоставима.

Профайлинг. В узком смысле он представляет собой совокупность приемов по выявлению скрываемой информации на основе анализа вербального и невербального поведения человека [4; 13; 33]. Сам термин "профайлинг" был заимствован из криминалистики и связан с работами Ганса Гросса, в которых он рассматривал личность преступника через призму совершенного преступления. Это дало основу для составления психологического портрета преступника, что помогало, например, при раскрытии серийных убийств. Широкое практическое применение профайлинга стало возможно благодаря работам сотрудников ФБР Джона Дугласа и Роберта Ресслера в 1970-х годах [29]. Параллельно с этим проводились исследования Пола Экмана по выявлению универсальных эмоций, присущих каждому человеку, независимо от той культурной среды, к которой он принадлежит [23]. В дальнейшем им была создана система кодирования лицевых экспрессий, на основе которой происходит анализ выражения лица для выявления акта лжи [46].

При выявлении сознательного сокрытия информации, используя профайлинг, испытуемого опрашивают в виде свободного рассказа о расследуемом событии или в виде ответов на заранее подготовленные вопросы (полуструктурированное интервью). В этот момент анализируются его поза, выражение лица, особенности речи (громкость, паузы, тон, уход от темы разговора) и многое другое. Совокупность полученных данных затем анализируется для осуществления вывода о причастности или непричастности человека к расследуемым событиям [4; 23; 28; 47]. Эффективность выявления лжи с использованием профайлинга составляет по разным данным от 74% [48] до 81% [43], что превышает шанс случайного угадывания у неподготовленного человека, но остается сравнительно ниже эффективности полиграфа, а также напрямую зависит от степени подготовки эксперта.

Большими преимуществами профайлинга являются отсутствие необходимости иметь специальное оборудование, его оперативность, а также универсальность, т.е. возможность проведения на людях разных социальных, религиозных и этнических групп. Однако специалист-профайлер должен пройти длительное и качественное обучение для исключения фактора субъективности при принятии решения, так как в этом случае, в отличие от полиграфа, нет объективной регистрации показателей. Стоит отметить, что современный

профайлинг не имеет явной принадлежности к психологической науке. Он использует знания, умения и навыки из различных областей, что подчеркивает его сугубо прикладной характер [10] и роднит, например, с нейролингвистическим программированием. Также используется введение собственной терминологии, к примеру, понятия “метапрограммы” как фильтров по переработке поступающей информации (см. [18]). Кроме того, в свободной беседе довольно сложно методически проконтролировать, связано ли то или иное поведение испытуемого непосредственно с сокрытием информации или же с какими-либо побочными факторами, например волнением.

К четвертому методу детекции лжи можно отнести *голосовой анализатор*. Если в традиционном полиграфе, а также профайлинге характеристики голоса — одна из анализируемых переменных, то в данном анализаторе предпринимается попытка выявления скрываемых знаний только на основе голоса испытуемого. Анализу подвергаются громкость, высота, тембр голоса, спектральные и другие характеристики (в зависимости от производителя оборудования). Обработка данных происходит при помощи специальной компьютерной программы. Беседа может проводиться в виде как свободного диалога, так и строгого интервью [14; 34; 44]. Причем строгое интервью в виде односложных вопросов по типу тех, что задаются в процессе тестирования на полиграфе, позволит дифференцировать изменения голоса, вызванные сокрытием информации или влиянием других переменных (стресс от самой ситуации тестирования, простудные заболевания и др.).

Первые исследования голоса для распознавания лжи, а также прототипы приборов появились в 1970-х годах. Несмотря на достаточно обширные исследования в этой области, эффективность голосовых анализаторов остается сомнительной. Процент правильных попаданий остается либо на уровне случайного угадывания [32], либо несколько его превышает и достигает 71% [34]. Единственным преимуществом данной технологии является отсутствие необходимости установки датчиков на тело человека [44], а также возможность негласного использования, например, в оперативно-розыскной деятельности.

Далее следует область *графологии*, под которой в широком смысле понимают учение, исследующее связь почерка и личностных характеристик человека [22; 46]. В книге Л.Г. Алексеева с соавторами [20] приводится пример почерковедческой экспертизы предсмертных записок лиц, покончивших жизнь самоубийством, как доказательство взаимосвязи психофизиологического состояния человека с характеристиками его письма. При этом частота встречаемости выявленных признаков (снижение грамотности, повторы или пропуски букв, изменение интервалов и пр.) колебалась от 17 до 46%. Таким образом, они составляли от пятой части до половины всей выборки, что достаточно редко. С точки зрения криминалистической экспертизы возможно установить, что написание текста осуществлялось в необычных условиях (стоя, сидя, в движущемся транспорте) или при необычном внутреннем состоянии (усталость, болезнь, опьянение). При этом остается затруднительным дифференциация этих условий [5]. Нельзя провести прямую параллель между определенным состоянием (ложью) и конкретной характеристикой письма.

В настоящее время графология признается ненаучной [7], но сохраняется тенденция по ее использованию в оценке личности в рамках подбора персонала [46], а также выявлению скрываемой информации по характеристикам почерка [20; 49]. При проведении подобной процедуры испытуемого просят написать ряд развернутых предложений по проверяемым событиям, а также несколько менее значимых фактов (место рождения, проживания и т.д.). Написанный текст затем подвергается анализу: размер букв, межбуквенный и межсловесный интервал, наклон текста, его содержание и пр. Преимущество графологии заключается в отсутствии необходимости иметь специальное оборудование, быстроте проведения тестирования, возможности дистанционного анализа текста, но она имеет крайне сомнительную доказательную эффективность. Графология, как и профайлинг, является прикладной дисциплиной [7]. В ней накопление знания происходит индуктивным путем, т.е. путем синтеза эмпирически полученных фактов (корреляций) с попыткой их интерпретации, что приводит к малой объяснительной способности и снижению точности выводов [8].

К шестому способу выявления скрываемой информации можно отнести группу активно развивающихся методов, в рамках которых в настоящий момент отмечаются успешные исследования. Однако на их основе пока не развиты полноценные методики по детекции лжи, а также нет их широкого распространения в практической деятельности ввиду различных причин (имеются противоречивые результаты исследований, громоздкость процедуры и пр.). Сюда относится, например, анализ электрической активности головного мозга человека (*электроэнцефалография*). Показано, что во время сокрытия информации изменяются

амплитуда и латенция компонента P300 потенциала, связанного с событием [11; 24]. Качество классификации испытуемых (лгут/не лгут) колеблется на уровне 74–85% [25; 37].

К другому активно развивающемуся в рамках детекции лжи методу можно отнести *функциональную магнитно-резонансную томографию* (фМРТ). В процессе множества исследований были выявлены различные зоны мозга, активные в процессе целенаправленного сокрытия информации: височно-теменная область, префронтальная кора и др. [12; 36]. При этом отмечаются методологические проблемы, не позволяющие прийти к единому результату. Многие исследования проводятся в моделируемых ситуациях, что приводит к сравнительно малой мотивации испытуемых по сравнению с людьми, находящимися, например, под следствием и проходящих реальную проверку на полиграфе. Следовательно, снижается экологическая валидность [26]. Также отмечается тенденция интерпретировать полученные результаты в рамках локализационизма, когда обман считается функцией отдельной зоны мозга. Однако в последнее время при рассмотрении акта сознательного сокрытия информации происходит переход от анализа структур мозга к анализу их функциональных связей [12; 35]. Результативность детекции лжи с использованием фМРТ составляет от 70 до 100%, со средним в районе 82% [26; 30].

Далее следует использование *трекера движения глаз*. Выявлен ряд окуломоторных признаков, изменяющихся при вынесении ложных утверждений: увеличение диаметра зрачка, снижение частоты моргания, увеличение времени ответа, ускоренное чтение вопроса и пр. Эффективность такой процедуры может достигать 90% [9], но в среднем составляет 74–85% [31; 40]. Открытым остается вопрос возможного противодействия подобному тестированию ввиду того, что глазодвигательная активность легко поддается сознательному контролю.

Кроме того, имеются исследования с использованием *функциональной околоинфракрасной спектроскопии* (functionalnear-infraredspectroscopy, fNIRS) в задаче по выявлению сокрытия информации. Подобный метод нейровизуализации основан на измерении концентрации гемоглобина, что сходно с применяемым в фМРТ. Причем длина волны подобрана таким образом, что окси- и дезоксигемоглобин являются самыми крупными абсорбентами, а ткани (кожа, кости черепа) остаются “прозрачными”. По сравнению с фМРТ околоинфракрасная спектроскопия — более портативная процедура, менее финансово затратная, но с ее помощью нельзя исследовать глубинные структуры мозга (более 4 см), а также сравнительно хуже ее разрешающая способность [27]. При этом показана связь процесса сокрытия информации с изменением концентрации дезоксигемоглобина в префронтальной коре [41], а эффективность процедуры может достигать 84% (см, напр., [37]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящее время существуют разнообразные способы детекции лжи: как активно используемые в практике, так и развивающиеся. Важно понимать, что изменение поведения испытуемого, а также комплекса показателей центральной и вегетативной нервной системы может быть вызвано как сокрытием информации, так и другими причинами, например повышенной тревожностью, смущением от обсуждения вопросов проверки и пр. [1; 15]. На сегодняшний день только обследование с использованием полиграфа в большей степени обладает эффективной методикой проведения процедуры, позволяющей дифференцировать сокрытие информации от других испытываемых состояний (см., напр.: [15]). Причем данный факт не означает необходимость отказа от других описанных методов выявления скрываемой информации. Они могут быть хорошими эвристическими методами, например, в практике расследования преступлений, где заранее известно, какое деяние было совершено, и определен круг подозреваемых лиц, а также возможно проведение других оперативных мероприятий по установлению причастности. В последующем возможно более широкое распространение вышеуказанных методов детекции лжи при увеличении их эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Л.Г.* Психофизиология детекции лжи. Методология. М., 2011.
2. *Андреева О.И.* Право обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний — субъективное право или злоупотребление правом? // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск, 2011. Ч. 51. С. 76–81.
3. *Анищенко Л.Н., Турецкая А.В.* Программно-аппаратный комплекс для бесконтактной оценки психофизиологического состояния человека // Биомедицинская радиоэлектроника. 2018. № 10. С. 61–67.
4. *Арпентьева М.Р.* Профайлинг в обеспечении национальной безопасности России // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2015. № 2. С. 62–68.

5. *Баркова Т.В.*, *Репин А.В.* Диагностика необычного состояния пишущего при исследовании рукописных текстов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 1 (18).

6. *Беляев К.Р.*, *Кузьминых Н.Ю.* Методы выделения дыхательного паттерна в системах неинвазивного мониторинга параметров центральной гемодинамики // Биомедицинская радиоэлектроника. 1999. № 3. С. 33–46.

7. *Бобовкин М.В.*, *Ручкин В.А.* Судебно-почерковедческая диагностика и графология: Актуальные вопросы теории и практики // Legal Concept. 2017. Т. 16. № 3. С. 136–140.

8. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.

9. *Жбанкова О.В.*, *Гусев В.Б.* Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 156–165.

10. *Зиберова О.С.* Зарубежный и отечественный опыт использования профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 46–49.

11. *Исайчев Е.С.*, *Исайчев С.А.*, *Насонов А.В.*, *Черноризов А.М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека // Национальный психологический журнал. 2011. № 1. С. 70–77.

12. *Киреев М.В.* Системная организация работы мозга при обеспечении целенаправленного поведения: дис. ... д-ра биол. наук. СПб., 2017.

13. *Мадянов А.В.*, *Васильева Н.Ю.*, *Болховитина С.Н.* Использование методов профайлинга и верификации в ходе предварительного расследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3. Ч. 2. С. 329–333.

14. *Мещеряков Р.В.*, *Конев А.А.*, *Юдин А.И.* Некоторые подходы к выбору параметров голоса для оценки истинности высказывания // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2008. № 2 (18). Ч. 1. С. 47–50.

15. *Молчанов А.Ю.* Альтернативность и релевантность контрольного вопроса. М.: Международная Академия исследования лжи, Центр прогрессивных технологий детекции лжи, 2019.

16. *Нестеренко У.А.* Перспектива применения бесконтактных полиграфных устройств в деятельности органов внутренних дел // Борьба с преступностью: теория и практика (Могилев, 20 марта 2015 г.). 2015. С. 123–125.

17. *Пеленицын А.Б.*, *Сошников А.П.*, *Жбанкова О.В.* Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2 (38). С. 7–18.

18. *Плескачева Н.М.* Использование технологии Lab-профайлинг для оценки и построения мотивации сотрудников // Актуальные проблемы бизнес-образования: материалы XVII Междунар. науч.-практич. конф., 19–20 апреля 2018 г., Минск/Бел. гос. ун-т, Ин-т бизнеса и менеджмента технологий, Ассоциация бизнес-образования. Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2018. С. 173–176.

19. *Свободный Ф.К.* Практика применения полиграфа в процессе расследования преступлений: мнения работников следственных подразделений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 3 (82). С. 279–285.

20. Скрининг персонала для полиграфологов / Алексеев Л.Г., Жирнов С.И., Калабин А.Ю., Королев Е.Ю., Линьков С.В., Митрофанов В.В. М.: ИПЦ “Маска”, 2020.

21. *Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления (статья первая) // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1 (25). С. 25–33.

22. *Щеголев И.В.*, *Чернов Ю.Г.* Графология XXI века. СПб.: Питер, 2008.

23. *Экман П.* Психология лжи. СПб.: Питер, 2011.

24. *Abootalebi V.*, *Moradi M.H.*, *Khalilzadeh M.A.* A new approach for EEG feature extraction in P300-based lie detection // Computer methods and programs in biomedicine. 2009. V. 94. № 1. P. 48–57.

25. *Alazrai R.*, *Alqasem F.*, *Alaarag S.*, *Ahmad Yousef K.*, *Daoud M.A.* Bispectrum-based approach for detecting deception using EEG signals // 2018 IEEE20th International Conference on e-Health Networking, Applications and Services (Healthcom). IEEE, 2018. P. 1–6.

26. *Bruni T.* Cross-cultural variation and fMRI lie-detection // Technologies on the stand: Legal and ethical questions in neuroscience and robotics. 2013. P. 129–148.

27. *Cui X.*, *Bray S.*, *Bryant D.*, *Glover G.*, *Reiss A.* A quantitative comparison of NIRS and fMRI across multiple cognitive tasks // Neuroimage. 2011. V. 54. № 4. P. 2808–2821.

28. *Dando C.J.*, *Bull R.* Maximising opportunities to detect verbal deception: Training police officers to interview tactically // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. 2011. V. 8. № 2. P. 189–202.

29. *Douglas J.E.*, *Ressler R.K.*, *Burgess A.W.*, *Hartman C.R.* Criminal profiling from crime scene analysis // Behavioral Sciences & the Law. 1986. V. 4 (4). P. 401–421.

30. *Granhag P.A.*, *Vrij A.*, *Verschuere B.* Detecting deception: Current challenges and cognitive approaches. John Wiley& Sons, 2015.

31. *Hacker D.J.*, *Kuhlman B.B.*, *Kircher J.C.*, *Cook A.E.*, *Woltz D.J.* Detecting deception using ocular metrics during reading // Credibility assessment. Academic Press, 2014. P. 159–216.

32. *Harnsberger J.D.*, *Hollien H.*, *Martin C.A.*, *Hollien K.A.* Stress and deception in speech: evaluating layered voice analysis // Journal of forensic sciences. 2009. V. 54. № 3. P. 642–650.

33. *Harvey A.C.*, *Vrij A.*, *Leal S.*, *Lafferty M.*, *Nahari G.* Insurance based lie detection: Enhancing the verifiability approach with a model statement component // Acta psychologica. 2017. V. 174. P. 1–8.

34. *Horvath F.*, *McCloughan J.*, *Weatherman D.*, *Slowik S.* The accuracy of auditors' and layered voice Analysis (LVA) operators' judgments of truth and deception during police questioning // Journal of forensic sciences. 2013. V. 58. № 2. P. 385–392.

35. *Jiang W.*, *Liu H.*, *Zeng L.*, *Liao J.*, *Shen H.*, *Luo A.*, *Hu D.*, *Wang W.* Decoding the processing of lying using functional connectivity MRI // Behavioral and Brain Functions. 2015. V. 11. № 1. P. 1.

36. *Kholodny Y.I.*, *Kartashov S.I.*, *Malakhov D.G.*, *Orlov V.A.* Study of Neurocognitive Mechanisms in the Concealed Information Paradigm // Biologically Inspired Cognitive Architectures Meeting. Springer, Cham, 2020. P. 149–155.

37. *Lin X.*, *Sai L.*, *Yuan Z.* Detecting concealed information with fused electroencephalography and functional near-infrared spectroscopy // Neuroscience. 2018. V. 386. P. 284–294.

38. *Midjord R.* Can increased competition for jobs explain interview lying // Available at SSRN2196649. 2012.

39. *Nelson R.*, *Handler M.* A brief history of scientific reviews of polygraph accuracy research // APA Magazine. 2013. V. 47. № 6. P. 22–28.

40. *Proudfoot J.G.*, *Jenkins J.L.*, *Burgoon J.K.*, *Nunamaker Jr. J.F.* More than meets the eye: How oculometric behaviors evolve over the course of automated deception detection interactions // Journal of Management Information Systems. 2016. V. 33. № 2. P. 332–360.

41. *Rahman M.A.*, *Ahmad M.* Lie detection from a single feature of functional near infrared spectroscopic (fNIRS) signals // 2nd International Conference on Electrical & Electronic Engineering (ICEEE). IEEE, 2017. P. 1–4.

42. *Robinson W.P.*, *Shepherd A.*, *Heywood J.* Truth, equivocation concealment, and lies in job applications and doctor-patient communication // Journal of Language and Social Psychology. 1998. V. 17. № 2. P. 149–164.

43. *Shaw J.*, *Porter S.*, *Ten Brinke L.* Catching liars: Training mental health and legal professionals to detect high-stakes lies // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2013. V. 24. № 2. P. 145–159.

44. *Sondhi S.*, *Vijay R.*, *Khan M.*, *Salhan A.* Voice analysis for detection of deception // 11th International Conference on Knowledge, Information and Creativity Support Systems (KICSS). IEEE, 2016. P. 1–6.

45. *Synnott J.*, *Ioannou M.*, *Fumagalli A.* A Review of The Polygraph: History, Current Status and Emerging Research // Custodial Review. 2016. P. 22–23.

46. *Vicianova M.* Historical techniques of lie detection // Europe's journal of psychology. 2015. V. 11. № 3. P. 522.

47. *Vrij A.*, *Mann S.*, *Leal S.*, *Fisher R.* 'Look into my eyes': Can an instruction to maintain eye contact facilitate lie detection? // Psychology, Crime & Law. 2010. V. 16. № 4. P. 327–348.

48. *Vrij A.*, *Leal S.*, *Mann S.*, *Vernham Z.*, *Brankaert F.* Translating theory into practice: Evaluating a cognitive lie detection training workshop // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2015. V. 4. № 2. P. 110–120.

49. *Weitzman M.S.* Enhanced graphological detection of deception using control questions: patent 12878619 USA. 2012.

50. *White Jr. R.D.* Ask me no questions, tell me no lies: Examining the uses and misuses of the polygraph // Public Personnel Management. 2001. V. 30. № 4. P. 483–493.

ACTUAL METHODS FOR DETECTING CONCEALED INFORMATION

A. V. Uchaev

Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
Graduate student.
E-mail: andvl@ro.ru

Received 23.03.2021

Abstract. An untrained person's ability to detect lies in other people's statements fluctuates at the level of random guessing. At the same time, as studies show, a significant number of applicants for vacancies, as well as people on remand, information concealment in order to achieve their own goals. Currently, various methods of detecting lies are used in practice: contact and non-contact polygraph, graphology, profiling, voice analyzer, etc. In addition, there is a large class of actively developing methods (EEG, fMRI, spectroscopy, etc.), which in the future will be able to be used in practice. Moreover, each of the existing methods is based on a different methodological basis, and also uses an inductive or deductive model for describing the discovered phenomena, which is expressed in different efficiency. This article provides an overview of the methods of lie detection with a comparison of their effectiveness and prospects for use.

Keywords: lie detection, polygraph, profiling, graphology, eye movement tracker, voice analysis, electroencephalography, functional magnetic resonance imaging.

REFERENCES

1. *Alekseev L.G.* Psihofiziologija detekcii lzhi. Metodologija. Moscow, 2011. (In Russian)
2. *Andreeva O.I.* Pravo obvinjaemogo na dachu zavedomo lozhnyh pokazanij — sub'ektivnoe pravo ili zloupotreblenie pravom? Pravovye problemy ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej. Tomsk, 2011. Ch. 51. P. 76–81. (In Russian)
3. *Anishhenko L.N.*, *Tureckaja A.V.* Programmno-apparatnyj kompleks dlja beskontaktnoj ocenki psihofiziologicheskogo sostojanija cheloveka. Biomedicinskaja radiojelektronika. 2018. № 10. P. 61–67. (In Russian)
4. *Arpent'eva M.R.* Profajling v obespechenii nacional'noj bezopasnosti Rossii. Vestnik Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij. 2015. № 2. P. 62–68. (In Russian)
5. *Barkova T.V.*, *Repin A.V.* Diagnostika neobychnogo sostojanija pishushhego pri issledovanii rukopisnyh tekstov. Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1 (18). (In Russian)
6. *Beljaev K.R.*, *Kuz'minyh N.Ju.* Metody vydelenija dyhatel'nogo patterna v sistemah neinvazivnogo monitoringa parametrov central'noj gemodinamiki. Biomedicinskaja radiojelektronika. 1999. № 3. P. 33–46. (In Russian)
7. *Bobovkin M.V.*, *Ruchkin V.A.* Sudebno-pocherkovedcheskaja diagnostika i grafologija: Aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Legal Concept. 2017. V. 16. № 3. P. 136–140. (In Russian)
8. *Vernadskij V.I.* Biosfera i noosfera. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
9. *Zhbankova O.V.*, *Gusev V.B.* Primenenie ajtrekinga v praktike professional'nogo otbora kadrov. Jeksperimental'naja psihologija. 2018. V. 11. № 1. P. 156–165. (In Russian)
10. *Ziberova O.S.* Zarubezhnyj i otechestvennyj opyt ispol'zovanija profajlinga dlja obespechenija bezopasnosti na transporte. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1. P. 46–49. (In Russian)
11. *Isajchev E.S.*, *Isajchev S.A.*, *Nasonov A.V.*, *Chernorizov A.M.* Diagnostika skryvaemoj informacii na osnove analiza kognitivnyh vyzvannyh potencialov mozga cheloveka. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2011. № 1. P. 70–77. (In Russian)
12. *Kireev M.V.* Sistemnaja organizacija raboty mozga pri obespechenii celenapravlennogo povedenija: dis. ... d-ra biol. nauk. St. Petersburg, 2017. (In Russian)
13. *Madjanov A.V.*, *Vasil'eva N.Ju.*, *Bolhovitina S.N.* Ispol'zovanie metodov profajlinga i verifikacii v hode predvaritel'nogo rassledovanija. Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2016. № 3. Ch. 2. P. 329–333. (In Russian)
14. *Meshherjakov R.V.*, *Konev A.A.*, *Judin A.I.* Nekotorye podhody k vyboru parametrov golosa dlja ocenki istinnosti vyskazyvanija. Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravlenija i radiojelektroniki. 2008. № 2 (18). Ch. 1. P. 47–50. (In Russian)
15. *Molchanov A.Ju.* Al'ternativnost' i relevantnost' kontrol'nogo voprosa. Moscow: Mezhdunarodnaja Akademija issledovanija lzhi, Centr progressivnyh tehnologij detekcii lzhi, 2019. (In Russian)

16. *Nesterenko U.A.* Perspektiva primenenija beskontaktnyh poligrafnyh ustrojstv v dejatel'nosti organov vnutrennih del. Bor'ba s prestupnost'ju: teorija i praktika (Mogilev, 20 marta 2015 g.). 2015. P. 123–125. (In Russian)

17. *Pelenicyn A.B.*, *Soshnikov A.P.*, *Zhbankova O.V.* Tak chto zhe vse-taki opredeljaet poligraf? Vestnik kriminalistiki. Ed. A.G. Filippov. Vyp. 2 (38). Moscow, 2011. P. 7–18. (In Russian)

18. *Pleskachjova N.M.* Ispol'zovanie tehnologii Lab-profajling dlja ocenki i postroenija motivacii sotrudnikov. Aktual'nye problemy biznes-obrazovanija: materialy XVII Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., 19–20 aprelja 2018 g., Minsk/Bel. gos. un-t, In-t biznesa i menedzhmenta tehnologij, Associacija biznes-obrazovanija. Minsk: Nacional'naja biblioteka Belarusi, 2018. P. 173–176. (In Russian)

19. *Svobodnyj F.K.* Praktika primenenija poligrafa v processe rassledovanija prestuplenij: mnenija rabotnikov sledstvennyh podrazdelenij. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2020. № 3 (82). P. 279–285. (In Russian)

20. Skrining personala dlja poligrafologov. Eds. Alekseev L.G., Zhirnov S.I., Kalabin A.Ju., Korolev E.Ju., Lin'kov S.V., Mitrofanov V.V. Moscow: IPC "Maska", 2020. (In Russian)

21. *Holodnyj Ju.I.* Sudebno-psihofiziologicheskaja jekspertiza s primeneniem poligrafa: period stanovlenija (stat'ja pervaja). Vestnik kriminalistiki. 2008. Vyp. 1 (25). P. 25–33. (In Russian)

22. *Shhegolev I.V.*, *Chernov Ju.G.* Grafologija XXI veka. St. Petersburg: Piter, 2008. (In Russian)

23. *Ekman P.* Psihologija lzhi. St. Petersburg: Piter, 2011. (In Russian)

24. *Abootalebi V.*, *Moradi M.H.*, *Khalilzadeh M.A.* A new approach for EEG feature extraction in P300-based lie detection. Computer methods and programs in biomedicine. 2009. V. 94. № 1. P. 48–57.

25. *Alazrai R.*, *Alqasem F.*, *Alaarag S.*, *Ahmad Yousef K.*, *Daoud M.A.* Bispectrum-based approach for detecting deception using EEG signals. 2018 IEEE20th International Conference on e-Health Networking, Applications and Services (Healthcom). IEEE, 2018. P. 1–6.

26. *Bruni T.* Cross-cultural variation and fMRI lie-detection. Technologies on the stand: Legal and ethical questions in neuroscience and robotics. 2013. P. 129–148.

27. *Cui X.*, *Bray S.*, *Bryant D.*, *Glover G.*, *Reiss A.* A quantitative comparison of NIRS and fMRI across multiple cognitive tasks. Neuroimage. 2011. V. 54. № 4. P. 2808–2821.

28. *Dando C.J.*, *Bull R.* Maximising opportunities to detect verbal deception: Training police officers to interview tactically. Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. 2011. V. 8. № 2. P. 189–202.

29. *Douglas J.E.*, *Ressler R.K.*, *Burgess A.W.*, *Hartman C.R.* Criminal profiling from crime scene analysis. Behavioral Sciences & the Law. 1986. V. 4 (4). P. 401–421.

30. *Granhag P.A.*, *Vrij A.*, *Verschuere B.* Detecting deception: Current challenges and cognitive approaches. John Wiley & Sons, 2015.

31. *Hacker D.J.*, *Kuhlman B.B.*, *Kircher J.C.*, *Cook A.E.*, *Woltz D.J.* Detecting deception using ocular metrics during reading. Credibility assessment. Academic Press, 2014. P. 159–216.

32. *Harnsberger J.D.*, *Hollien H.*, *Martin C.A.*, *Hollien K.A.* Stress and deception in speech: evaluating layered voice analysis. Journal of forensic sciences. 2009. V. 54. № 3. P. 642–650.

33. *Harvey A.C.*, *Vrij A.*, *Leal S.*, *Lafferty M.*, *Nahari G.* Insurance based lie detection: Enhancing the verifiability approach with a model statement component. Acta psychologica. 2017. V. 174. P. 1–8.

34. *Horvath F.*, *McCloughan J.*, *Weatherman D.*, *Slowik S.* The accuracy of auditors' and layered voice Analysis (LVA) operators' judgments of truth and deception during police questioning. Journal of forensic sciences. 2013. V. 58. № 2. P. 385–392.

35. *Jiang W.*, *Liu H.*, *Zeng L.*, *Liao J.*, *Shen H.*, *Luo A.*, *Hu D.*, *Wang W.* Decoding the processing of lying using functional connectivity MRI. Behavioral and Brain Functions. 2015. V. 11. № 1. P. 1.

36. *Kholodny Y.I.*, *Kartashov S.I.*, *Malakhov D.G.*, *Orlov V.A.* Study of Neurocognitive Mechanisms in the Concealed Information Paradigm. Biologically Inspired Cognitive Architectures Meeting. Springer, Cham, 2020. P. 149–155.

37. *Lin X.*, *Sai L.*, *Yuan Z.* Detecting concealed information with fused electroencephalography and functional near-infrared spectroscopy. Neuroscience. 2018. V. 386. P. 284–294.

38. *Midjord R.* Can increased competition for jobs explain interview lying. Available at SSRN2196649. 2012.

39. *Nelson R.*, *Handler M.* A brief history of scientific reviews of polygraph accuracy research. APA Magazine. 2013. V. 47. № 6. P. 22–28.

40. *Proudfoot J.G.*, *Jenkins J.L.*, *Burgoon J.K.*, *Nunamaker Jr. J.F.* More than meets the eye: How oculometric behaviors evolve over the course of automated deception detection interactions. Journal of Management Information Systems. 2016. V. 33. № 2. P. 332–360.

41. *Rahman M.A.*, *Ahmad M.* Lie detection from a single feature of functional near infrared spectroscopic (fNIRS) signals. 2nd International Conference on Electrical & Electronic Engineering (ICEEE). IEEE, 2017. P. 1–4.

42. *Robinson W.P.*, *Shepherd A.*, *Heywood J.* Truth, equivocation concealment, and lies in job applications and doctor-patient communication. Journal of Language and Social Psychology. 1998. V. 17. № 2. P. 149–164.

43. *Shaw J.*, *Porter S.*, *Ten Brinke L.* Catching liars: Training mental health and legal professionals to detect high-stakes lies. The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2013. V. 24. № 2. P. 145–159.

44. *Sondhi S. Vijay R.*, *Khan M.*, *Salhan A.* Voice analysis for detection of deception. 11th International Conference on Knowledge, Information and Creativity Support Systems (KICSS). IEEE, 2016. P. 1–6.

45. *Synnott J.*, *Ioannou M.*, *Fumagalli A.* A Review of The Polygraph: History, Current Status and Emerging Research. Custodial Review. 2016. P. 22–23.

46. *Vicianova M.* Historical techniques of lie detection. Europe's journal of psychology. 2015. V. 11. № 3. P. 522.

47. *Vrij A.*, *Mann S.*, *Leal S.*, *Fisher R.* 'Look into my eyes': Can an instruction to maintain eye contact facilitate lie detection? Psychology, Crime & Law. 2010. V. 16. № 4. P. 327–348.

48. *Vrij A.*, *Leal S.*, *Mann S.*, *Vernham Z.*, *Brankaert F.* Translating theory into practice: Evaluating a cognitive lie detection training workshop. Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2015. V. 4. № 2. P. 110–120.

49. *Weitzman M.S.* Enhanced graphological detection of deception using control questions: patent 12878619 USA. 2012.

50. *White Jr. R.D.* Ask me no questions, tell me no lies: Examining the uses and misuses of the polygraph. Public Personnel Management. 2001. V. 30. № 4. P. 483–493.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 51-59

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.922

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ И РАЗВИТИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ[1]

© 2022 г. Н. Е. Веракса*, Д. А. Бухаленкова, А. Н. Веракса***, Е. А. Чичинина******

Факультет психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.

**Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики.*
E-mail: neveraksa@gmail.com

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии.*
E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

****Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики.*
E-mail: veraksa@yandex.ru

*****Младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики.*
E-mail: alchichini@gmail.com

Поступила 12.04.2021

Аннотация. Современные дошкольники активно пользуются цифровыми устройствами, что неизбежно влияет на развитие их регуляторных функций. Проведено исследование с участием 417 детей в возрасте 6–7 лет, посещавших детские сады г. Москвы. Показано, что дети, пользующиеся цифровыми устройствами раз в неделю, имеют более высокий уровень развития слуховой рабочей памяти, когнитивной гибкости и сдерживающего контроля, чем дети, пользующиеся цифровыми устройствами 3–4 раза в неделю. Знание о том, что цифровые устройства можно использовать для общения, и опыт личного использования цифровых устройств для общения связаны с более высоким уровнем регуляторных функций. Осведомленность о возможности использовать цифровые устройства как средство для получения информации и передачи ее другим людям связано с более высоким уровнем развития зрительной рабочей памяти. На основе полученных результатов сделан вывод о необходимости контроля со стороны взрослых над использованием цифровых устройств детьми.

Ключевые слова: дошкольный возраст, цифровые устройства, регуляторные функции, рабочая память, когнитивная гибкость, сдерживающий контроль, экранное время.

DOI: 10.31857/S020595920018769-1

В современном мире дошкольники активно пользуются цифровыми устройствами (ЦУ): среднее ежедневное экранное время детей старшего дошкольного возраста составляет около 3 ч [7; 8]. Одним из ключевых достижений в старшем дошкольном возрасте является развитие регуляторных функций (РФ), которые служат важным предиктором успешности будущего обучения в школе [6; 28]. В современной зарубежной психологии под РФ понимается группа когнитивных навыков, обеспечивающих целенаправленное решение задач и адаптивное поведение в новых ситуациях [4]. Широко используемой и доказавшей свою применимость к детскому возрасту [1; 17] на данный момент является модель А. Мияке, в которой выделяются три основных взаимосвязанных, но рассматриваемых отдельно компонента РФ: 1) рабочая память; 2) когнитивная гибкость; 3) сдерживающий контроль [26].

Распространенность цифрового досуга среди дошкольников и “чувствительность” этого возраста к развитию РФ обусловливают актуальность изучения взаимосвязи использования ЦУ и развития РФ у современных дошкольников. На данный момент проведено мало исследований об использовании детьми ЦУ, где сведения собирались бы непосредственно от самих дошкольников [9]. Таким образом, новизна исследования заключается в том, что предпочтения в отношении цифровых активностей изучены со слов самих дошкольников.

Существуют два основных направления исследований взаимосвязи использования ЦУ и развития

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-29-14088 мк.

РФ у детей: связь развития РФ с экранным временем и с контентом. Показано, что длительное время, проведенное у экранов ЦУ, связано с более низким уровнем развития произвольности у дошкольников [8; 11; 24; 25; 27], а экранное время в раннем детстве отрицательно коррелирует с уровнем РФ в 5–7 лет [15; 16]. Показано, что ранний возраст начала регулярного просмотра телевизора связан с более слабыми РФ в 4–5 лет [27]. Однако в ряде исследований выявлено, что корреляции исчезают при учете контента [11; 24] и участия родителей в использовании ЦУ [13]. Также существуют результаты, говорящие о том, что у детей, не входящих в группы риска по социально-экономическим критериям, экранное время не связано с уровнем РФ, кроме ситуаций критического превышения его суточных норм [21]. Кроме того, показано, что влияние контента на РФ намного более значимо по сравнению с влиянием экранного времени [30]. Так, дети, которые смотрят больше материалов, предназначенных для взрослых, имеют более низкий уровень РФ [11], а время просмотра детских образовательных программ положительно коррелирует с РФ [24; 30]. В одном из исследований обнаружено положительное влияние использования образовательного мобильного приложения на РФ и не обнаружено после просмотра развлекательного мультфильма [19]. В серии экспериментов показано, что уровень РФ у дошкольников ниже после просмотра фантастических мультфильмов по сравнению с уровнем РФ после просмотра реалистичных мультфильмов или участия в игре или чтении [23].

В большинстве исследований при изучении связи развития РФ и использования ЦУ часто оцениваются лишь параметры экранного времени и характеристики контента. Нам же представляется важным также изучение связи РФ с видами деятельности с помощью ЦУ. Ведь именно в деятельности происходит развитие ребенка и освоение культурных норм. Потенциальное влияние видов цифровой активности на развитие РФ практически не освещено в литературе. В связи с этим целью данного исследования было изучение взаимосвязи развития РФ у дошкольников и различных параметров использования ЦУ детьми.

На основе проведенного анализа литературы мы предположили, что частота использования ЦУ отрицательно коррелирует с уровнем развития РФ. Также мы предположили, что дети, предпочитающие развлекательные виды деятельности при помощи ЦУ (игры и просмотр мультфильмов), имеют более низкий уровень развития РФ по сравнению с детьми, использующими ЦУ в том числе для других видов деятельности (связи, поиска информации и т.д.). Для проверки этих гипотез было проведено корреляционное исследование.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Выборку составили 417 детей (202 (48%) мальчика и 215 (52%) девочек) в возрасте 6–7 лет (M = 78 месяцев), посещавших подготовительные группы муниципальных детских садов в Москве.

Процедура исследования. Предварительно были получены информированные согласия родителей на участие их детей в исследовании. Диагностика РФ и беседа об использовании ЦУ проводились в индивидуальном порядке в тихом, привычном для детей помещении. Ответы на вопросы интервью были записаны на диктофон, затем переведены в текст.

Методики исследования. Для изучения особенностей использования ЦУ дошкольниками было составлено полуструктурированное интервью, состоящее из 9 вопросов [3]. Ниже приводятся те вопросы, ответы на которые рассматриваются в данной статье:

1. Для чего нужны компьютер, планшет, мобильный телефон?
2. Как часто ты ими пользуешься?
3. Для чего ты их используешь?
4. Если ты соберешься в путешествие в неизвестную страну, как ты узнаешь нужную информацию о стране?
5. Когда ты вернешься из путешествия, как ты поделишься с ребятами и близкими своими впечатлениями?

Для оценки уровня развития РФ использовался апробированный ранее комплекс методик, направленных на изучение трех основных компонентов РФ [2].

Для оценки развития слуховой рабочей памяти был использован субтест NEPSY-II [22] “Повторение предложений”. В методике 17 предложений, которые постепенно становятся сложнее для запоминания за счет длины и грамматической структуры. Каждое правильно повторенное предложение оценивается 2 баллами, повтор предложения с 1 или 2 ошибками — 1 баллом, 3 и более ошибок или отсутствие ответа — 0 баллов (максимум 34 балла).

Для оценки зрительной рабочей памяти использовался субтест NEPSY-II [22] “Память на конструирование”. Предъявляется картинка, где в разных ячейках поля расположены цветные рисунки (4 пробы: 4, 6, 6 и 8 рисунков на поле). Ребенку показывают картинку в течение 10 с, затем ее убирают, и ребенок должен выбрать нужные рисунки из набора, где есть правильные и похожие на них, и расположить их в нужных местах на пустом поле. В каждом задании начисляется по 2 балла за каждую правильно выбранную карточку (1 балл, если выбрана похожая карточка), по 1 баллу — за каждое правильно указанное место на поле и по 2 бонусных балла — за каждое полное соответствие эталону (правильно выбранная карточка, помещенная в нужное место). Далее подсчитывается сумма баллов за содержание (максимум 48 баллов), за расположение (максимум 24 балла), сумма бонусных баллов (максимум 48 баллов) и общая сумма баллов (максимум 120 баллов).

Сдерживающий контроль диагностировался при помощи субтеста NEPSY-II “Торможение” [22]. В данной методике предъявляется серия из 40 фигур (квадратов и кругов или стрелок). Методика состоит из двух частей: задание на называние фигур (когда ребенок должен назвать фигуры как можно быстрее) и на торможение (когда ребенок должен назвать фигуры наоборот: если видит квадрат, говорить “круг”, и т.п.). Фиксируются время, затраченное на выполнение каждого задания в отдельности, количество допущенных ошибок и количество самоисправлений. Затем эти три показателя по таблицам переводятся в комбинированный балл (от 1 до 20 баллов).

Когнитивная гибкость оценивалась с помощью теста “Сортировка карт по изменяемому признаку” (далее “Сортировка карт”) [31]. Методика содержит три серии заданий, в которых ребенок сортирует карты с изображениями зайцев и лодок по разным правилам. В первой серии нужно сортировать 6 карт по цвету (красные откладываются в одну сторону, синие — в другую). Во второй сортировка 6 карт происходит “по форме” (лодки откладываются в одну сторону, зайцы — в другую). В третьем задании ребенок должен, ориентируясь на внешний для цвета или формы стимул — наличие или отсутствие черной рамки на карте, раскладывать 12 карт либо исходя из формы, либо исходя из цвета объекта на картинке. За каждую правильно отсортированную карту начисляется по 1 баллу, затем подсчитывается общее количество баллов (максимум 24 балла).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Связь экранного времени и развития РФ. В нашем исследовании была изучена связь ответов на вопросы о частоте использования ЦУ и уровнем развития РФ. При анализе ответов на вопрос № 2 “Как часто ты пользуешься ЦУ?” мы выделили следующие категории: “каждый день”, “3–4 раза в неделю”, “по выходным”, “1 раз в неделю” и “реже 1 раза в неделю”. Категория “по выходным” была выделена отдельно исходя из того предположения, что то, как дети пользуются ЦУ в выходные, может отличаться от их использования в будни. Всего 5 детей сказали, что пользуются ЦУ реже 1 раза в неделю, поэтому эта категория не анализировалась.

Все четыре выделенные по частоте использования ЦУ группы детей статистически значимо различаются между собой по уровню выполнения третьего задания методики “Сортировка карт” и общим баллом в данной методике (критерий Краскела—Уоллиса: $H = 8.310$ и $H = 7.842$, $p = 0.040$ и $p = 0.049$) (табл. 1). Дети, которые пользуются ЦУ 1 раз в неделю, имеют более высокие баллы в тех же заданиях, чем дети, пользующиеся ЦУ каждый день (соответственно $U = 1565.500$, $p = 0.037$ и $U = 1558.000$, $p = 0.035$), и дети, пользующиеся ЦУ

Таблица 1. Различия средних значений баллов между группами детей, выделенными по частоте использования ЦУ (Вопрос № 2 “Как часто ты пользуешься ЦУ?”)

	Каждый день ($n = 168$)	3–4 раза в неделю ($n = 87$)	По выходным ($n = 44$)	1 раз в неделю ($n = 25$)
“Сортировка карт”, баллы в задании с рамкой	9.19	8.61	9.27	10.28
“Сортировка карт”, общий балл	20.99	20.41	21.11	22.16
“Торможение”, комбинированные баллы в задании на называние фигур	10.11	10.47	10.21	11.64
“Память на конструирование”, баллы за расположение	20.27	20.58	19.16	20.27
“Повторение предложений”, суммарный балл	21.65	20.68	21.43	22.68

3–4 раза в неделю (соответственно $U = 693.500$, $p = 0.005$ и $U = 707.000$, $p = 0.007$) (см. табл. 1).

Дети, которые пользуются ЦУ 1 раз в неделю, лучше выполняют задания на называние в субтесте “Торможение”, что отражается в значениях комбинированного балла ($U = 1401.000$, $p = 0.035$), чем дети, которые пользуются ЦУ каждый день (см. табл. 1).

Дети, которые пользуются ЦУ 1 раз в неделю, имеют более высокие баллы в субтесте “Повторение предложений” ($U = 810.000$, $p = 0.052$), чем дети, пользующиеся ЦУ 3–4 раза в неделю (см. табл. 1).

При этом дети, пользующиеся ЦУ только по выходным, имеют более низкие баллы за запоминание пространственного расположения фигур в субтесте “Память на конструирование”, чем дети, пользующиеся ЦУ 3–4 раза в неделю ($U = 1483.000$, $p = 0.042$) (см. табл. 1).

Связь предпочитаемых видов деятельности при помощи ЦУ и развития РФ. Помимо изучения связи между частотой использования ЦУ и развитием РФ, мы исследовали, как с развитием РФ связаны виды цифровых активностей, которые предпочитают дети. В нашем исследовании 75% детей (308 человек) ответили на вопрос № 1 “Для чего нужны ЦУ?”, что для общения. Эти дети имеют статистически значимо более высокие результаты в методике “Повторение предложений”, чем дети, которые не упоминали возможность использования ЦУ для общения (соответственно 21.84 и 20.47 баллов; $U = 12928.500$, $p = 0.011$).

В вопросе № 3 “Для чего ты обычно используешь ЦУ?” категория ответов “общение” также оказалась наиболее показательной. Дети, которые сказали, что пользуются ЦУ в том числе для общения, имеют статистически значимо более высокие баллы в третьем задании методики “Сортировка карт” и общий балл в данной методике, чем дети, не использующие ЦУ для общения (соответственно $U = 11\,569.000$, $p = 0.013$ и $U = 11\,523.500$, $p = 0.012$) (табл. 2). Также дети, которые сказали, что пользуются ЦУ в том числе для общения, статистически значимо быстрее выполняют задания в методике “Торможение” ($U = 11\,220.500$, $p = 0.011$) (см. табл. 2).

Последние два вопроса интервью подразумевали, что ребенку требуется представить гипотетическую ситуацию путешествия в другую страну. Целью этих вопросов было пронаблюдать, упомянут ли дети при ответе использование ЦУ для поиска информации о новой стране и для возможности поделиться впечатлениями после поездки или будут отвечать, не вспоминая про ЦУ.

Дети, которые в ответе на вопрос № 4 о том, как они могут узнать информацию о новой стране, упомянули поиск в Интернете, по сравнению с неупомянувшими это детьми, имеют статистически значимо более высокие баллы за запоминание содержания в субтесте “Память на конструирование” (табл. 3).

Аналогичная картина наблюдается в ответах на вопрос № 5 о том, как дети поделятся впечатлениями о поездке в другую страну. Дети, которые упомянули использование ЦУ, имеют более высокие баллы в методике “Память на конструирование” (табл. 4).

Таблица 2. Различия средних значений баллов между группами, выделенными в зависимости от того, пользуется ли ребенок ЦУ для общения (Вопрос № 3 “Для чего ты используешь ЦУ?”)

	Использует ЦУ для общения ($n = 97$)	Не использует ЦУ для общения ($n = 287$)
“Сортировка карт”, баллы в задании с рамкой	9.65	8.93
“Сортировка карт”, общий балл	21.52	20.73
“Торможение”, время выполнения, с	48.64	51.49

Таблица 3. Различия средних значений баллов между группами, выделенными в зависимости от того, упоминает ли ребенок поиск информации в Интернете (Вопрос № 4 “Как ты узнаешь информацию о новой стране?”)

	Упоминает поиск информации в Интернете ($n = 237$)	Не упоминает поиск информации в Интернете ($n = 84$)	U-критерий Манна—Уитни	Уровень статистической значимости (p)
“Память на конструирование”, баллы за содержание	40.20	37.14	8455.000	0.040
“Память на конструирование”, бонусные баллы	26.35	22.96	8498.000	0.046
“Память на конструирование”, общий балл	87.19	79.17	8366.500	0.030

Таблица 4. Различия средних значений баллов между группами, выделенными в зависимости от того, упоминает ли ребенок возможность поделиться впечатлениями с использованием ЦУ (Вопрос № 5 “Как ты поделишься впечатлениями о поездке?”)

	Говорит, что поделится впечатлениями с использованием ЦУ (n = 232)	Говорит, что поделится впечатлениями без использования ЦУ (n = 109)	U-критерий Манна—Уитни	Уровень статистической значимости (p)
“Память на конструирование”, баллы за содержание	40.00	36.89	10795.000	0.029
“Память на конструирование”, баллы за расположение	20.50	18.94	10666.500	0.019
“Память на конструирование”, общий балл	85.91	78.88	10866.500	0.036

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Целью данной работы было исследование и анализ взаимосвязи особенностей использования ЦУ современными дошкольниками и развития различных компонентов их РФ.

Связь экранного времени и развития РФ. Наше исследование показало, что дети, которые пользуются ЦУ 1 раз в неделю или по выходным, имеют по сравнению с более часто пользующимися ЦУ детьми более высокие показатели по методикам, оценивающим уровень слуховой рабочей памяти, когнитивной гибкости и сдерживающего контроля. Наиболее вероятная причина данной закономерности кроется в роли контроля со стороны родителей. Скорее всего, дети, которые пользуются ЦУ реже, лучше справляются с заданиями, направленными на диагностику РФ, потому что взрослые ограничивают время использования, оказывая целенаправленное влияние, в том числе через общение.

Исходя из полученных результатов можно предположить, что использование ЦУ 1 раз в неделю и по выходным более оптимально для развития РФ дошкольников, чем ежедневное. Этот вывод дополняет и согласуется с данными о том, что существует оптимальное время использования ЦУ для детей 5–6 лет — не более 1 ч в день [8; 10]. Так, показано, что использование ЦУ свыше нескольких часов в день коррелирует с более низкими показателями РФ [8; 11; 15; 16; 24; 25; 27].

Однако важно учитывать, что само по себе экранное время без учета того, что именно ребенок делает при помощи ЦУ, не отражает характер потенциальных влияний ЦУ и не является самостоятельно значимым критерием для оценки их влияния. С точки зрения культурно-исторического подхода ребенок усваивает культурные ценности и нормы поведения из содержания деятельности, в данном случае из цифровых активностей и медиаконтента. Поэтому крайне важна роль взрослого в выборе таких видов деятельности дошкольников при помощи ЦУ, которые бы способствовали развитию ребенка.

Предпочитаемые виды деятельности при помощи ЦУ и развитие РФ. Исследование показало, что дети, которые сказали, что пользуются ЦУ в том числе для общения, имеют статистически значимо более высокий уровень когнитивной гибкости и сдерживающего контроля, чем дети, не использующие ЦУ для общения. Также было установлено, что дети, которые упоминают о том, что ЦУ можно использовать для общения, имеют статистически значимо более высокие результаты по методике, оценивающей уровень развития слуховой рабочей памяти, чем дети, которые не упоминали возможность использования ЦУ для общения. Итак, и знание о том, что ЦУ можно использовать для общения, и опыт личного использования ЦУ для общения связаны с более высоким уровнем РФ. Возможно, это связано с тем, что навыки произвольности лучше всего приобретаются с помощью неструктурированных и социальных (нецифровых) игр, а также в процессе живого общения [12; 14]. Можно предположить, что дети, которые общаются при помощи ЦУ, имеют и более активное живое общение с другими людьми, что, в свою очередь, способствует развитию РФ.

Кроме того, можно предположить, что уровень РФ выше у тех детей, которые используют ЦУ для общения, благодаря роли родителей. Дело в том, что использование ЦУ как средства связи требует участия со стороны взрослых, ведь об этом способе использования ЦУ ребенок может узнать только от взрослых. Тут стоит вспомнить идею Л.С. Выготского о культурном и натуральном использовании объектов культуры [5]. Культурные способы использования объекта не лежат в логике натуральных свойств и являются скрытыми, их освоение предполагает раскрытие этого способа со стороны

взрослого. Самостоятельные действия ребенка без руководства взрослого будут натуральными и не выявят его культурных, предметных свойств. Использование ЦУ для общения является вариантом культурного использования, а использование ЦУ для игр и просмотров видео — натурального. Таким образом, ЦУ может быть использовано как культурное средство, т.е. способствовать вхождению ребенка в культуру и использоваться для взаимодействия с другими людьми. Способность вспомнить и назвать в ЦУ разные свойства (и “игрушку”, и средство связи) доступна дошкольнику при хорошо развитой когнитивной гибкости. Возможно, дети с низким уровнем РФ тяготеют к использованию ЦУ исключительно в развлекательных целях, так как эта функция ЦУ легкодоступна и не требует усилий со стороны РФ. Поэтому дети с низким уровнем РФ реже называют ответы категории “общение”.

В работе показано, что использование ЦУ как средства для получения информации и передачи ее другим людям (поиск информации о новой стране или понимание возможности показать фото с помощью ЦУ) значимо связано с уровнем развития зрительной рабочей памяти дошкольников. Данный результат представляется закономерным, поскольку именно зрительная рабочая память по сравнению с другими компонентами РФ наиболее задействована при работе с информацией на экране ЦУ. Так, например, в ряде исследований показано, что подростки, увлекающиеся компьютерными играми, успешнее находят необходимый объект в зрительных заданиях [20] и у них больше доступный объем внимания и скорость переработки информации [18].

Ограничения работы и перспективы дальнейших исследований. К ограничениям нашей работы относится корреляционный характер исследования, который не позволяет говорить о влиянии использования ЦУ на РФ дошкольников. В связи с этим нами планируется проведение лонгитюдного исследования. Результаты существующих лонгитюдных исследований позволяют предположить, что есть двунаправленная связь между использованием ЦУ и РФ: дети с трудностями внимания и самоконтроля могут особенно тяготеть к активному использованию ЦУ [29].

Следующим ограничением нашей работы является отсутствие учета семейных факторов, так что нельзя исключать того, что именно они играют ведущую роль с точки зрения влияния на уровень РФ. Так, есть исследования, которые показывают, что ключевую роль в развитии произвольности играют семейная среда и социальный статус семьи [24]. Кроме того, есть исследования, показывающие, что уровень развития РФ у дошкольников не связан с просмотром телевизора, но связан с качеством домашней учебной среды, а также количеством и качеством детско-родительских взаимодействий [13]. Более того, в русле культурно-исторического подхода важно отметить, что и виды деятельности при помощи ЦУ, и экранное время опосредованы тем, как к этому относятся значимые взрослые люди и с кем ребенок пользуется ЦУ. Ведь именно во взаимодействии со взрослым содержание “цифровой деятельности” и экранное время обретают смысл и значение.

ВЫВОДЫ

1. Показано, что дети, которые пользуются ЦУ 1 раз в неделю или по выходным, имеют более высокий уровень развития слуховой рабочей памяти, когнитивной гибкости и сдерживающего контроля, чем дети, которые пользуются ЦУ 3–4 раза в неделю.

2. Также показано, что и знание о том, что ЦУ можно использовать для общения, и опыт личного использования ЦУ для общения связаны с более высоким уровнем всех трех компонентов РФ.

3. Осведомленность о возможности использовать ЦУ как средства для получения информации и передачи ее другим людям связано с более высоким уровнем развития зрительной рабочей памяти.

4. При наличии контроля со стороны взрослых и общения дети будут использовать ЦУ наиболее благоприятным и развивающим образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алмазова О.В.*, *Бухаленкова Д.А.*, *Веракса А.Н.* Диагностика уровня развития регуляторных функций в дошкольном возрасте // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 16 (2). С. 94–109.
2. *Веракса А.Н.*, *Алмазова О.В.*, *Бухаленкова Д.А.* Диагностика регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте: батарея методик // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 120–130.
3. *Веракса А.Н.*, *Алмазова О.В.*, *Бухаленкова Д.А.*, *Чичинина Е.А.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 82–92.
4. *Веракса А.Н.*, *Бухаленкова Д.А.* Применение компьютерных игровых технологий для развития регуляторных функций дошкольников // Российский психологический журнал. 2017. № 14 (3). С. 106–132.

5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.

6. *Смирнова Е.О.* К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 9–15. DOI: 10.17759/chp.2015110302

7. *Смирнова Е.О.* Специфика современного дошкольного детства // Национальный психологический журнал. 2019. № 2 (34). С. 25–32.

8. *Солдатова Г.У.*, *Вишнева А.Е.* Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 97–118. DOI: 10.17759/cpp.2019270307

9. *Солдатова Г.У.*, *Шляпников В.Н.* Использование цифровых устройств детьми дошкольного возраста // Нижегородское образование. 2015. № 3. С. 78–84.

10. AAP council on communications and media. Media and Young Minds. Pediatrics. 2016. 138(5): e20162591. DOI: 10.1542/peds.2016-2591

11. *Barr R.*, *Lauricella A.*, *Zack E.*, *Calvert S.L.* Infant and early childhood exposure to adult-directed and child-directed television programming relations with cognitive skills at age four // Merrill-Palmer Quarterly. 2010. V. 56. P. 21–48.

12. *Bernier A.*, *Carlson S.M.*, *Whipple N.* From external regulation to self-regulation: Early parenting precursors of young children's executive functioning // Child Development. 2010. V. 81 (1). P. 326–339. URL: https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2009.01397.x

13. *Blankson A.N.*, *O'Brien M.*, *Leerkes E.M.*, *Calkins S.D.*, *Marcovitch S.* Do hours spent viewing television at ages 3 and 4 predict vocabulary and executive functioning at age 5? // Merrill-Palmer Quarterly. 2015. V. 61. P. 264–289.

14. *Carlson S.M.*, *White R.E.* Executive function, pretend play, and imagination. In: M. Taylor (ed.). Oxford library of psychology. The Oxford handbook of the development of imagination. N.Y., NY: Oxford University Press, 2013. P. 161–174.

15. *Cliff D.P.*, *Howard S.J.*, *Radesky J.S.*, *McNeill J.*, *Vella S.A.* Early Childhood Media Exposure and Self-Regulation: Bi-Directional Longitudinal Associations // Academic pediatrics. 2018. V. 18 (7). P. 813–819. DOI: 10.1016/j.acap.2018.04.012

16. *Corkin M.T.*, *Peterson E.R.*, *Henderson A.*, *Waldie K.E.*, *Reese E.*, *Morton S.* Preschool screen media exposure, executive functions and symptoms of inattention/hyperactivity // Journal of Applied Developmental Psychology. 2021. V. 73. DOI: 10.1016/j.appdev.2020.101237

17. *Diamond A.* Executive Functions // Annual Review of Psychology. 2013. V. 64. P. 135–168. DOI: 10.1146/annurev-psych-113011-143750

18. *Dye M.W.*, *Green C.S.*, *Bavelier D.* The development of attention skills in action videogame players // Neuropsychologia. 2009. V. 47. P. 1780–1789. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2009.02.002

19. *Huber B.*, *Yeates M.*, *Meyer D.*, *Fleckhammer L.*, *Kaufman J.* The effects of screen media content on young children's executive functioning // Journal of Experimental Child Psychology. 2018. V. 170. P. 72–85. DOI: 10.1016/j.jecp.2018.01.006

20. *Hubert-Wallander B.*, *Green C.S.*, *Sugarman M.*, *Bavelier D.* Changes in search rate but not in the dynamics of exogenous attention in action videogame players // Attention, Perception, & Psychophysics. 2011. V. 73. P. 2399–2412. DOI: 10.3758/s13414-011-0194-7

21. *Jusienė R.*, *Rakickienė L.*, *Breidokienė R.*, *Laurinaitytė I.* SI: EF executive function and screen-based media use in preschool children // Infant and Child Development. 2020. e2173. DOI: 10.1002/icd.2173

22. *Korkman M.*, *Kirk U.*, *Kemp S.L.* NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.

23. *Lillard A.S.*, *Drell M.B.*, *Richey E.M.*, *Boguszewski K.*, *Smith E.D.* Further examination of the immediate impact of television on children's executive function // Developmental Psychology. 2015. V. 51 (6). P. 792–805. DOI: 10.1037/a0039097

24. *Linebarger D.L.*, *Barr R.*, *Lapierre M.A.*, *Piotrowski J.T.* Associations between Parenting, Media Use, Cumulative Risk, and Children's Executive Functioning // Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics. 2014. V. 35 (6). P. 367–377. DOI: 10.1097/dbp.0000000000000069

25. *McNeill J.*, *Howard S.J.*, *Vella S.A.*, *Cliff D.P.* Longitudinal associations of electronic application use and media program viewing with cognitive and psychosocial development in preschoolers // Academic Pediatrics. 2019. DOI: 10.1016/j.acap.2019.02.010

26. *Miyake A.*, *Friedman N.P.*, *Emerson M.J.*, *Witzki A.H.*, *Howerter A.*, *Wager T.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology. 2000. V. 41. P. 49–100.

27. *Nathanson A.I.*, *Aladé F.*, *Sharp M.L.*, *Rasmussen E.E.*, *Christy K.* The relation between television exposure and executive function among preschoolers // Developmental Psychology. 2014. V. 50. P. 1497–1506. DOI: 10.1037/a0035714

28. *Schwarz U.*, *Gawrilow C.* Measuring and Compensating for Deficits of Self-Regulation in School Children via Ambulatory Assessment // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. V. 12 (4). P. 8–22. DOI: 10.11621/pir.2019.0401

29. *Verlinden M.*, *Tiemeier H.*, *Hudziak J.J.*, *Jaddoe V.W.*, *Raat H.*, *Guxens M.*, *Jansen P.W.* Television viewing and externalizing problems in preschool children: The

Generation R Study // Archives of Pediatric and Adolescent Medicine. 2012. V. 166. P. 919–925

30. *Yang X.*, *Chen Z.*, *Wang Z.*, *Zhu L.* The Relations between Television Exposure and Executive Function in Chinese Preschoolers: The Moderated Role of Parental Mediation Behaviors // Front. Psychol. 2017. V. 8. P. 1833. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01833

31. *Zelazo P.D.* The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // National Protocols. 2006. № 1. P. 297–301.

RELATIONSHIP BETWEEN THE USE OF DIGITAL DEVICES AND EXECUTIVE FUNCTIONS DEVELOPMENT IN PRESCHOOL CHILDREN[2]

N. E. Veraksa*, D. A. Bukhalenkova, A. N. Veraksa***, E. A. Chichinina*****

Faculty of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
**PhD in Psychology, Professor of Department of Psychology of Education and Pedagogy.*
E-mail: neveraksa@gmail.com
***PhD in Psychology, Associate Professor of Developmental Psychology Department.*
E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru
****PhD in Psychology, Professor, Head of Department of Psychology of Education and Pedagogy.*
E-mail: veraksa@yandex.ru
*****Junior Researcher of Department of Psychology of Education and Pedagogy.*
E-mail: alchichini@gmail.com

Received 12.04.2021

Abstract. Modern preschoolers are active users of digital devices, which affects their development of executive functions. To study how the features of using digital devices and the development of executive functions are related in preschool children, we conducted a study involving 417 children aged 6–7 years who attended kindergartens in Moscow. The study showed that children who used digital devices once a week had a higher level of development of auditory working memory, cognitive flexibility and inhibition than children who used digital devices 3–4 times a week. Also, the study showed that both awareness of the ability to use digital devices for communication and personal experience of using digital devices for communication were associated with higher levels of executive functions. In addition, awareness of the ability to use digital devices as a means to get information and pass it to others was associated with higher levels of visual working memory development.

Keywords: preschool children, digital devices, media use, screen time, executive functions, working memory, cognitive flexibility, inhibitory control.

REFERENCES

1. *Almazova O.V.*, *Bukhalenkova D.A.*, *Veraksa A.N.* Diagnostika urovnya razvitiya regulyatornyh funktsiy v doshkol'nom vozraste. Psihologiya. Zhurnal Vysshey SHkoly ekonomiki. 2019. № 16 (2). P. 94–109. (in Russian)
2. *Veraksa A.N.*, *Almazova O.V.*, *Bukhalenkova D.A.* Diagnostika regulyatornyh funkcij v starshem doshkol'nom vozraste: batareya metodik. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 6. P. 120–130. (In Russian)
3. *Veraksa A.N.*, *Almazova O.V.*, *Bukhalenkova D.A.*, *Chichinina E.A.* Osobennosti ispol'zovaniya cifrovyh ustrojstv sovremennymi doshkol'nikami. Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 6. P. 82–92. (In Russian)
4. *Veraksa A.N.*, *Bukhalenkova D.A.* Computer game-based technology in the development of preschoolers' executive functions. Russian Psychological Journal. 2017. V. 14. № 3. P. 106–133. (In Russian)
5. *Vygotsky L.S.* Sobranie sochinenii: In 6t V. 4. Detskaya psikhologiya. Ed. D.B. El'konin. Moscow: Pedagogika Publ., 1984. (In Russian)
6. *Smirnova E.O.* K probleme voli i proizvol'nosti v kul'turno-istoricheskoi psikhologii. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2015. V. 11. № 3. P. 9–15. DOI: 10.17759.chp.2015110302 (in Russian)
7. *Smirnova E.O.* Specifika sovremennogo doshkol'nogo detstva. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2019.

[2] The research was supported by RFBR, grant No. 19-29-14088 mk.

V. 12 (2). P. 25–32. DOI: 10.11621.npj.2019.0205 (in Russian)

8. *Soldatova G.U.*, *Vishneva A.E.* Osobennosti razvitiya kognitivnoj sfery u detej s raznoj onlajn-aktivnost'yu: est' li zolotaya seredina? Konsul'tativnaya psikhologiya I psikhoterapiya. 2019. V. 27 (3). P. 97–118. DOI: 10.17759. cpp.2019270307 (In Russian)
9. *Soldatova G.U.*, *Shlyapnikov V.N.* Ispol'zovanie tsifrovykh ustroistv det'mi doshkol'nogo vozrasta. Nizhegorodskoe obrazovanie. 2015. V. 3. P. 78–84. (In Russian)
10. AAP council on communications and media. Media and Young Minds. Pediatrics. 2016. № 138 (5): e20162591. DOI: 10.1542.peds.2016-2591
11. *Barr R.*, *Lauricella A.*, *Zack E.*, *Calvert S.L.* Infant and early childhood exposure to adult-directed and child-directed television programming relations with cognitive skills at age four. Merrill-Palmer Quarterly. 2010. V. 56. P. 21–48.
12. *Bernier A.*, *Carlson S.M.*, *Whipple N.* From external regulation to self-regulation: Early parenting precursors of young children's executive functioning. Child Development. 2010. V. 81 (1). P. 326–339. URL: https:doi.org. 10.1111. j.1467-8624.2009.01397.x
13. *Blankson A.N.*, *O'Brien M.*, *Leerkes E.M.*, *Calkins S.D.*, *Marcovitch S.* Do hours spent viewing television at ages 3 and 4 predict vocabulary and executive functioning at age 5? Merrill-Palmer Quarterly. 2015. V. 61. P. 264–289.
14. *Carlson S.M.*, *White R.E.* Executive function, pretend play, and imagination. In: M. Taylor (Ed.), Oxford library of psychology. The Oxford handbook of the development of imagination. P. 161–174. N.Y., NY: Oxford University Press, 2013.
15. *Cliff D.P.*, *Howard S.J.*, *Radesky J.S.*, *McNeill J.*, *Vella S.A.* Early Childhood Media Exposure and Self-Regulation: Bi-Directional Longitudinal Associations. Academic pediatrics. 2018. V. 18 (7). P. 813–819. DOI: doi.org. 10.1016.j.acap.2018.04.012
16. *Corkin M.T.*, *Peterson E.R.*, *Henderson A.*, *Waldie K.E.*, *Reese E.*, *Morton S.* Preschool screen media exposure, executive functions and symptoms of inattention. hyperactivity. Journal of Applied Developmental Psychology. 2021. V. 73. DOI: 10.1016.j.appdev.2020.101237
17. *Diamond A.* Executive Functions. Annual Review of Psychology. 2013. V. 64. P. 135–168. DOI: 10.1146. annurevpsych-113011-143750
18. *Dye M.W.*, *Green C.S.*, *Bavelier D.* The development of attention skills in action videogame players. Neuropsychologia. 2009. V. 47. P. 1780–1789. DOI: 10.1016. j.neuropsychologia.2009.02.002
19. *Huber B.*, *Yeates M.*, *Meyer D.*, *Fleckhammer L.*, *Kaufman J.* The effects of screen media content on young children's executive functioning. Journal of Experimental Child Psychology. 2018. V. 170. P. 72–85. DOI: 10.1016. j.jecp.2018.01.006
20. *Hubert-Wallander B.*, *Green C.S.*, *Sugarman M.*, *Bavelier D.* Changes in search rate but not in the dynamics of exogenous attention in action videogame players. Attention, Perception, & Psychophysics. 2011. V. 73. P. 2399–2412. DOI: 10.3758.s13414-011-0194-7
21. *Jusienė R.*, *Rakickienė L.*, *Breidokienė R.*, *Laurinaitytė I.* SI: EF executive function and screen-based media use in preschool children. Infant and Child Development. 2020. e2173. DOI: 10.1002. icd.2173
22. *Korkman M.*, *Kirk U.*, *Kemp S.L.* NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
23. *Lillard A.S.*, *Drell M.B.*, *Richey E.M.*, *Boguszewski K.*, *Smith E.D.* Further examination of the immediate impact of television on children's executive function. Developmental Psychology. 2015. V. 51 (6). P. 792–805. DOI: 10.1037.a0039097
24. *Linebarger D.L.*, *Barr R.*, *Lapierre M.A.*, *Piotrowski J.T.* Associations Between Parenting, Media Use, Cumulative Risk, and Children's Executive Functioning. Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics. 2014. V. 35 (6). P. 367–377. DOI: 10.1097.dbp.0000000000000069
25. *McNeill J.*, *Howard S.J.*, *Vella S.A.*, *Cliff D.P.* Longitudinal associations of electronic application use and media program viewing with cognitive and psychosocial development in preschoolers. Academic Pediatrics. 2019. DOI: 10.1016.j.acap.2019.02.010
26. *Miyake A.*, *Friedman N.P.*, *Emerson M.J.*, *Witzki A.H.*, *Howerter A.*, *Wager T.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: A latent variable analysis. Cognitive Psychology. 2000. V. 41. P. 49–100.
27. *Nathanson A.I.*, *Aladé F.*, *Sharp M.L.*, *Rasmussen E.E.*, *Christy K.* The relation between television exposure and executive function among preschoolers. Developmental Psychology. 2014. V. 50. P. 1497–1506. DOI: 10.1037. a0035714
28. *Schwarz U.*, *Gawrilow C.* Measuring and Compensating for Deficits of Self-Regulation in School Children via Ambulatory Assessment. Psychology in Russia: State of the Art. 2019. V. 12 (4). P. 8–22. DOI: 10.11621. pir. 2019.0401
29. *Verlinden M.*, *Tiemeier H.*, *Hudziak J.J.*, *Jaddoe V.W.*, *Raat H.*, *Guxens M.*, *Jansen P.W.* Television viewing and externalizing problems in preschool children: The Generation R Study. Archives of Pediatric and Adolescent Medicine. 2012. V. 166. P. 919–925
30. *Yang X.*, *Chen Z.*, *Wang Z.*, *Zhu L.* The Relations between Television Exposure and Executive Function in Chinese Preschoolers: The Moderated Role of Parental Mediation Behaviors. Front. Psychol. 2017. 8:1833. DOI: 10.3389.fpsyg.2017.01833
31. *Zelazo P.D.* The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children. National Protocols. 2006. № 1. P. 297–301.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 60–71

КРОССКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2, 159.922.8

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРАЗДНИКОВ У МОЛОДЕЖИ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ[1,2]

© 2021 г. В. Ю. Литвинов

Московский государственный университет;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.
Инженер-лаборант лаборатории психологии общения, факультет психологии.
E-mail: volodimir.litvinov@gmail.com

Поступила 24.02.2021

Аннотация. Исследование направлено на изучение значимости различных категорий праздников, выбор которых определяет отношение современной молодежи к образу своей страны и своего региона. Подчеркивается, что ритуалы имеют важное значение в формировании культуры. Наиболее выразительной формой ритуалов выступают праздники, которые определяют принадлежность личностной самоидентификации, а также формируют чувство принадлежности к своей стране и своему региону. Были представлены следующие категории праздников: государственные праздники; региональные праздники; религиозные праздники; семейные праздники; Новый год, День Победы (9 мая); “мужские” праздники; “женские” праздники; спортивные праздники. В исследовании приняли участие 318 респондентов из различных макрорегионов России. Результаты исследования показали, что респонденты по-разному воспринимают праздники лично для себя, для представителей своего региона и для жителей России в целом. Также выявлена дифференцированность в оценке значимости тех или иных праздничных ритуалов для представителей различных макрорегионов страны.

Ключевые слова: ритуалы, праздники, культурные представления, восприятие, образ России, образ региона, ценностно-смысловое отношение, молодежь из различных макрорегионов страны.

DOI: 10.31857/S020595920017738-7

Известный голландский исследователь Г. Хофстеде предложил модель структуры культурных представлений различных стран. Основополагающим в данной структуре было то, что представители определенных стран по-своему формулируют собственные культурные представления, которые определяют образ своей страны [33]. Такие культурные представления в целом можно определить как отраженные в сознании образы явлений и феноменов культуры с фиксированным в определенной степени, но в то же время уникальным социокультурным значением [23]. И данные компоненты подвергаются активной трансформации, особенно в последнее время [3; 4; 7].

В недавних эмпирических исследованиях было показано, что представления граждан о России являются сложным феноменом [13–15]. Были рассмотрены такие его компоненты, как отношения к физическим и историческим символам страны, отношение к различным категориям образа героя страны. Также была продемонстрирована попытка интерпретации ценностного-смыслового содержания образа страны. Без внимания остался лишь слой ритуалов и ценностно-смысловое отношение к ним, которое формирует в определенной степени образ страны для ее граждан.

Ритуалы несут в себе актуальность проблемы формирования образа страны в русле общей психологии, так как ритуал рассматривается как носитель значения, которое является особым пятым квазиизмерением образа мира, по выражению А.Н. Леонтьева.

Образ своей родной страны для каждого человека несет в себе основополагающую роль, именно он во многом определяет образ мира человека, его ценностные ориентиры и поведенческие паттерны [12]. И особенно важным при формировании этого образа становится то место, тот образ собственного региона, где человек вырос

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-90069.

[2] Статья посвящена памяти доктора психологических наук, профессора, главного научного сотрудника Института психологии РАН Маргариты Иосифовны Воловиковой.

и сформировался как личность. Для молодежи нашей страны образ России изначально складывается из тех представлений, которые были получены на территории их “малой Родины” [26].

Эмпирические исследования показывают, что понятие “Родины” в сознании россиян прежде всего связывается с местом их рождения — как со страной в принципе, так и с конкретным регионом и городом. А категория “мой народ” также связывается в сознании россиян с определенной территорией, на которой человек вырос [31].

Образ региона несет в себе целый комплекс социокультурных детерминант, формирующихся на основе мифологии территории и ее мифотворчества, исторической памяти региона, местных традиций, местных обычаев и духовно-религиозных праздников, региональных и городских праздников [9; 10].

В этом аспекте для изучения слоя ритуального составляющего образа наиболее репрезентативным объектом исследования могут стать именно различные категории праздников. Государственные праздники имеют самую тесную связь с теорией и ценностями культуры, они понятны в большинстве случаев только представителю определенной культуры, в отличие от символов и героев, которые могут восприниматься и сторонними наблюдателями [11; 28].

Сразу стоит отметить, что понятия “ритуал” и “праздник” имеют важные смысловые отличительные особенности и не могут быть приравнены друг к другу. Но вместе они представляют собой единый социальный и психологический феномен: если ритуал несет в себе четкий сценарий, то праздник определяет именно процессуальную сторону исполнения данного сценария. Любой праздник раскрывает в себе исполнение сценария определенного ритуального обряда, а ритуал вполне может обходиться без своего исполнения в виде праздничного процесса [8].

Такое различие подчеркивается и в аспекте понимания ритуального обряда как выполняющего свою основную функцию в коммуникации между всеми членами общества, как живыми, так и умершими. В этом кроется его особая мистическая и ритуальная составляющая [24]. Между тем как праздник направлен на сплочение общества здесь и сейчас, в обретении единства и создании общего психологического поля среди ныне живущих его граждан [5].

В рамках данного исследования предполагается изучить взаимосвязь ритуала и праздника. Однако сразу стоит отметить, что понятие “ритуал” несет в себе условно более глубокое наполнение, связанное с религиозным мышлением, более глубинным восприятием на уровне личностных переживаний. Праздник же предлагает оформление данного ритуального сценария в официальное событие, которое формирует особую психологическую реальность единения представителей одной социальной группы.

В своем исследовании М.И. Воловикова вместе с коллегами обращает внимание на то, что основной смысл государственного праздника для каждого индивида всегда заключался в обретении душевного и духовного единства с другими гражданами. Основные впечатления о празднике связаны с чувством общности и единения с другими людьми. Смысл праздника состоит в связывании личностных переживаний индивида вместе с историей своего народа, своей семьи, с традициями и мировоззренческими ценностями своей культуры [5]. В таком же ключе региональные праздники выступают связующим звеном для жителей определенного региона. Именно они формируют отношение к образу своего региона и определяют его ценностно-смысловое содержание.

Многие исследователи указывают на то, что праздник несет в себе особый сценарий ритуальных действий, который реализуется в строгих рамках культурных особенностей определенной страны [1; 16; 20]. Праздничная культура представляет собой пространство для развития личности, позволяет переносить свои субъективные мироощущения на уровень государства, сопереживания всеми гражданами [6].

Для образа страны праздники имеют особое значение, так как процессуально выражают собой государственные ритуалы [25; 27]. Поэтому именно изучение восприятия различных категорий праздников стало центральным для данного исследования. В связи с чем раскрывается важная проблема — какое отношение у молодых граждан складывается к основным праздникам России и насколько это отношение отличается на уровне представлений о стране в целом и на уровне представлений о собственном регионе.

Феномен праздника определяет собой условия, которые формируют идеалы и ценности индивидов, объединяет их в единую целостность [17]. В праздничном обряде человек обретает свою целостность с обществом в результате процесса идентификации, что выделяется современными исследователями, как модель процесса становления культурной, региональной и гражданской идентификации личности [22].

Многие исследователи пытались классифицировать ритуалы, опираясь на их основное ценностно-смысловое содержание. Наиболее интересной и жизнеспособной выглядит классификация ритуалов на четыре главные группы по событиям, значимым для отдельного индивида или группы лиц [2; 18; 21; 29], представленная следующим образом: 1) магические и религиозные ритуалы; 2) кризисные и календарные ритуалы; 3) ритуалы интенсификации (сплачивания); 4) ритуалы перехода.

Первая группа соответствует ритуалам, носящим культовый или священный характер. Вторая группа связана с ритуалами, носящими периодический характер, привязанными к календарному году. Третья группа представляет ритуалы, которые организуются для повышения степени групповой сплоченности, противостояния нарушению равновесия групповой жизни. Четвертая группа раскрывает ритуалы, направленные на последовательное прохождение индивидом стадий своего жизненного пути. В ходе процесса инициации происходит приписывание определенного социального статуса, момент изменения индивидуальной идентичности. Сюда частично входят и календарные ритуалы [30].

Ритуалы несут в себе определенный сценарий, который реализуется в ходе праздничной деятельности [30; 32]. Поэтому данная классификация ритуальных сценариев берется за основу в данном исследовании при описании и анализе отношения к праздникам у молодежи, проживающей в различных макрорегионах страны.

В связи с этим целью данного исследования было изучение значимости и ценностно-смыслового содержания различных категорий праздников, влияющих на отношение современной молодежи к образу своей страны, к образу своего собственного региона.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что ритуалы, выраженные в форме праздников, в представлении молодежи будут различаться в трех случаях выбора: при выборе наиболее значимых праздников лично для себя, при выборе наиболее значимых праздников для жителей своего региона и при выборе наиболее значимых праздников для жителей России в целом.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Исследование проходило в марте—мае 2020 г. в период пандемии COVID-19. В опросе приняло участие 1610 человек. Для обработки было взято 318 анкет, которые были заполнены правильно и полностью. Средний возраст всей выборки колеблется от 14 до 28 лет ($M = 21.5$, $SD = 7.2$). В исследовании приняли участие молодые люди, проживающие в восьми макрорегионах России (Центральная Россия, Север России, Черноземье, Юг России, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток). Из них 64% составляли женщины и 36% — мужчины.

Процедура исследования. Респондентам предлагалось рассмотреть значимость определенных праздников на разных уровнях идентификации: личном, региональном и на уровне страны. Участникам исследования необходимо было определить для каждого уровня наиболее значимые ритуальные события, выраженные в форме праздников. Работа проводилась методом анкетирования на онлайн-платформе Testograf.ru.

В анкете респондентам необходимо было выбрать три наиболее значимых группы праздников из представленных девяти категорий. Данные категории составлялись на основе теоретических предпосылок и эмпирических результатов работ М.И. Воловиковой с коллегами [5; 6].

В итоге были выделены следующие группы праздников: государственные праздники (День независимости, День конституции, День народного единства и т.д.); региональные праздники (День города, День региона, местные праздники); религиозные праздники (Крещение, Пасха, Рождество и т.д.); семейные праздники (день рождения, именины, годовщина и т.д.); Новый год; День Победы (9 мая); “мужские” праздники (День защитника Отечества, День ВДВ и т.д.); “женские” праздники (Международный женский день (8 марта), День матери и т.д.); спортивные праздники (Олимпийские игры, Чемпионаты мира и т.д.). В последнем варианте респондент мог предложить свою собственную классификацию праздников и указать ее.

Результаты анкетирования подвергались статистическому анализу в программе SPSS (статистический критерий Кохрана) и частотному анализу.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для первичной обработки результатов исследования использовался статистический критерий Кохрана. Данный критерий позволяет оценить меру различий между несколькими связанными выборками по непараметрическому критерию.

В итоге были обнаружены следующие закономерности:

1. Относительно трех категорий праздников (спортивные праздники, “мужские” праздники, Новый год) была обнаружена значимая связь ($p > 0.05$) между ответами респондентов для различных уровней предпочтений (для себя лично, для жителя своего региона, для жителя России);

2. Для всего остального массива категорий праздников такой значимой связи не было обнаружено ($p < 0.05$).

Результаты статистической обработки по категориям праздников, у которых была обнаружена значимая связь, представлены в табл. 1.

Количественный анализ результатов выбора респондентами наиболее важных праздников для себя лично, для жителя собственного региона и для жителя России представлен на рис. 1.

На представленном рисунке особо стоить отметить три категории праздников, которые получили значительно большее число упоминаний среди респондентов, чем другие. Этими категориями стали День Победы (9 мая), Новый год и семейные праздники, которые стали значимыми для респондентов на всех представленных уровнях (личном, региональном, на уровне страны).

Но стоит отметить существенные отличия, связанные с данными уровнями. На рис. 2 представлены количественные результаты по наиболее значимым праздникам лично для каждого участника исследования.

Большая часть респондентов наиболее важной категорией праздников лично для себя отметила семейные праздники (день рождения, именины, годовщина и т.д.). Именно они непосредственно влияют на формирование индивидуальной идентичности человека и имеют для него большое эмоциональное значение.

На втором и третьем местах с существенным отрывом оказались категории праздников Нового года и Дня Победы. Здесь проявляется уровень социальной идентичности индивида, так как для него лично важно участвовать в событиях, которые связывают его с собственной социальной группой. В выборе Дня Победы проявляется культурно-

Таблица 1. Оценка значимости различий между представлениями лично для респондента, для жителя собственного региона и для жителя России для категорий спортивных праздников, “мужских” праздников и Нового года по критерию Кохрана

Статистические критерии	Спортивные праздники	“Мужские” праздники	Новый год
N	318	318	318
Q Кохрана	3.5	2.2	2.5
Ст. св.	2	2	2
Асимптотическая значимость	0.170	0.336	0.281

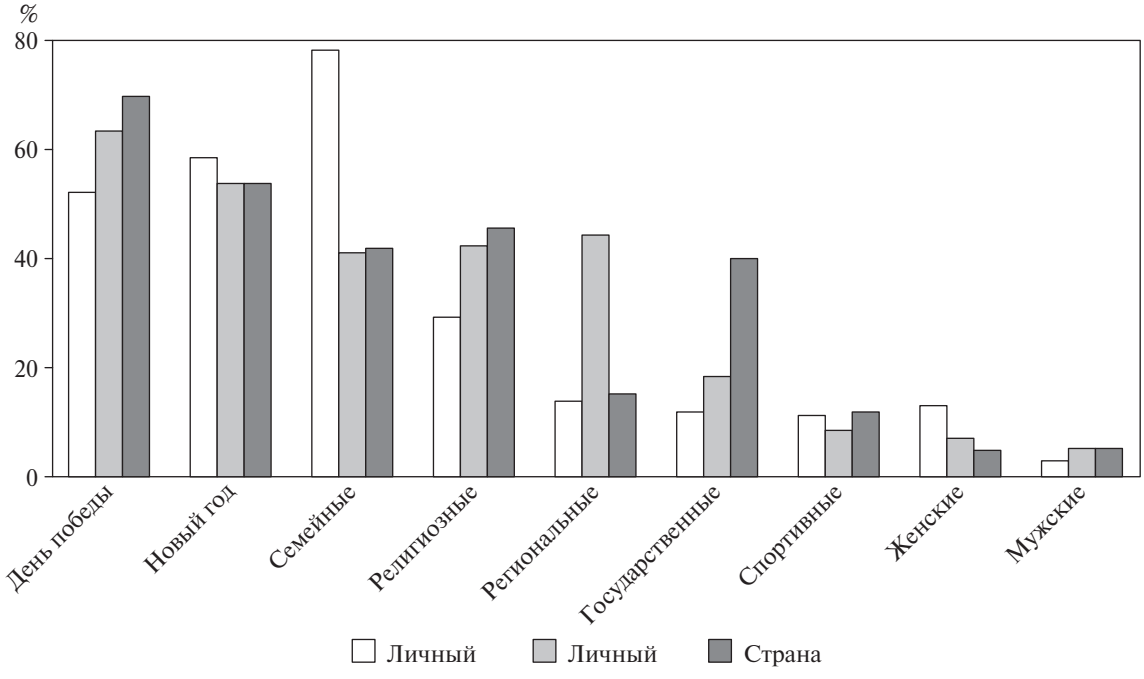


Рис. 1. Рейтинг наиболее значимых категорий праздников для себя лично, для жителя собственного региона и для жителя России в представлении респондентов из различных макрорегионов страны, %

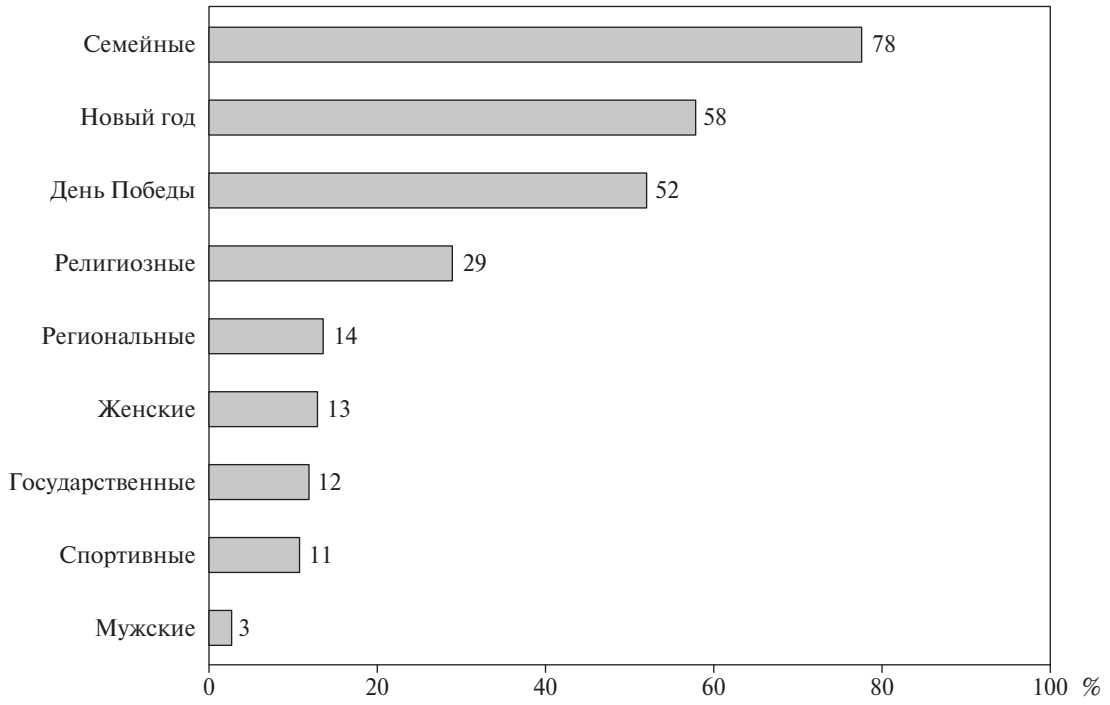


Рис. 2. Рейтинг наиболее значимых категорий праздников лично для респондента по всей выборке, %

исторический контекст, имеющий важное значение для каждого конкретного индивида. Новый год — это праздник будущего, надежда каждого человека на то, что его жизнь станет лучше. И у каждого такие надежды связаны с собственным личным восприятием. А День Победы — это праздник прошлого, памяти о своих семейных героях, об истории своей семьи.

Стоит также отметить, что на четвертом месте расположилась категория религиозных праздников, которая значительно обогнала все другие оставшиеся варианты. Лично для каждого респондента оказывается важной религиозная составляющая культуры, связанная с религиозными ритуалами.

На рис. 3 представлены количественные результаты по наиболее значимым праздникам в представлении респондентов о жителях собственных регионов.

Для жителей регионов, в представлении участников исследования, наиболее важными оказались категории праздников (в порядке их важности): День Победы, Новый год, региональные, религиозные и семейные праздники. Свой образ региона и привязку к нему респонденты строят в прямой зависимости от образа своей страны, вбирая в себя весь ее культурно-исторический контекст. Но важную роль в их представлении играют и местные праздники, которые определяют ритуалы каждого конкретного региона. Интересно отметить, что лично для себя респонденты не считают особо важными региональные праздники, но в их представлении для жителей собственного региона это имеет особое значение.

На первое место по важности событий, в отличие от важности лично для себя, для представителей собственных регионов переместился праздник Дня Победы. Представления о собственном регионе и его жителях для молодежи связаны с историческими символами страны, играют важную роль при формировании образа региона.

На рис. 4 представлены количественные результаты по наиболее значимым праздникам для страны в целом в представлении молодежи, проживающей в различных макрорегионах России.

Для жителей России, в представлении участников исследования, наиболее важными оказались категории праздников Дня Победы, Нового года, религиозные, семейные и государственные праздники. По-прежнему двумя лидерами являются категории праздников Дня Победы и Нового года, имея такие же показатели, как и для жителей собственных регионов. Но особо интересно отметить, что религиозные праздники оказываются выше государственных и семейных праздников.

Получается, что в целом региональные и государственные праздники не несут особой значимости лично для каждого конкретного индивида. Но в их представлении для типичного россиянина и типичного жителя их региона они имеют важное

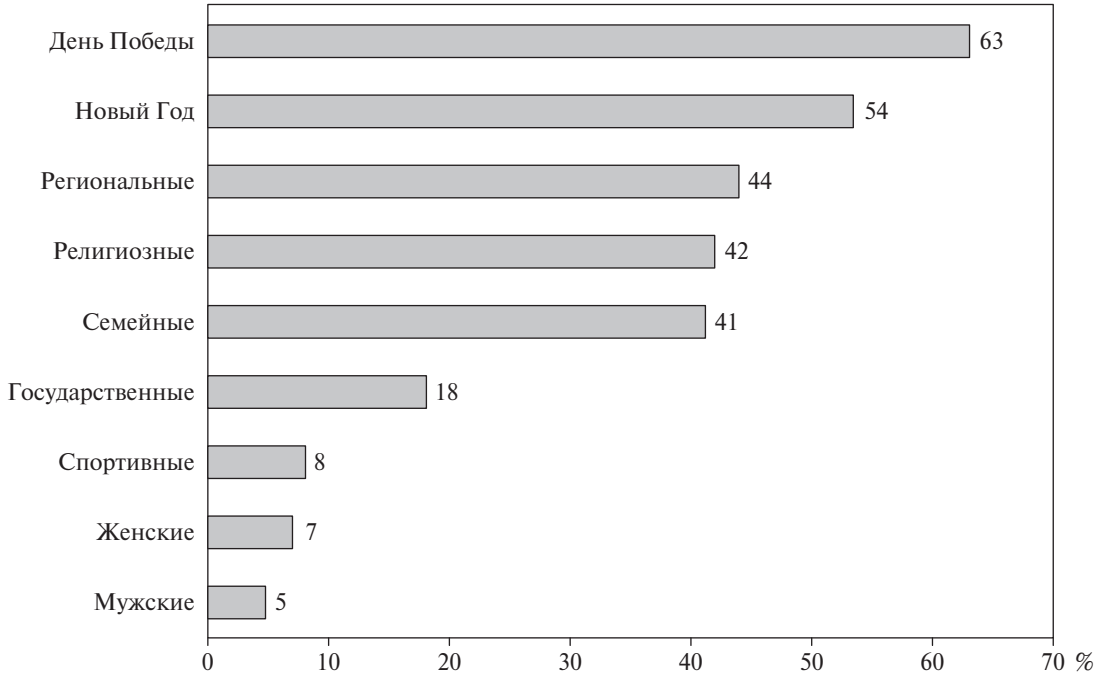


Рис. 3. Рейтинг наиболее значимых категорий праздников в представлении респондентов для жителей собственных регионов, %

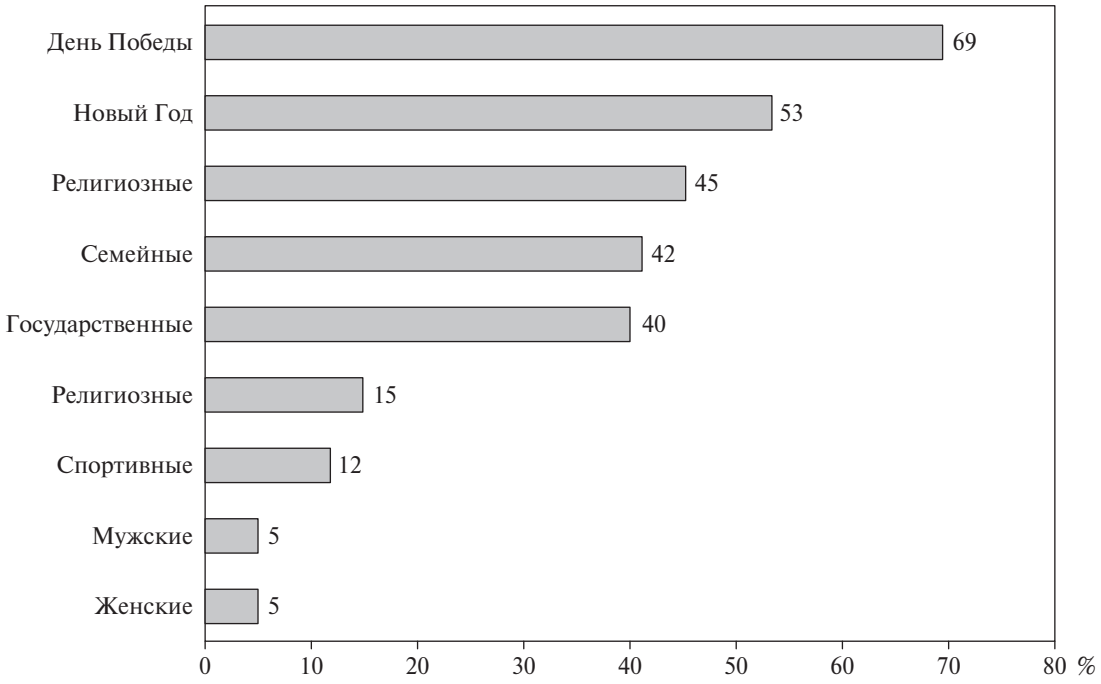


Рис. 4. Рейтинг наиболее значимых категорий праздников в представлении респондентов для жителей России, %

значение. Хотя и уступают в значимости категории религиозных праздников.

Также в ходе исследования предпринималась попытка рассмотреть значимость представленных праздников для респондентов, которые проживают в различных макрорегионах России. Полученная картина в процентном соотношении значимости государственных и региональных праздников для респондентов из различных макрорегионов страны представлена на рис. 5.

Данный рисунок показывает неоднородную картину значимости государственных праздников (см. рис. 5, *а*) для респондентов, которые представляют разные макрорегионы России. Особенно выделяются из общих данных показатели молодежи из Поволжья и Центральной России. Для представителей из данных макрорегионов наблюдается

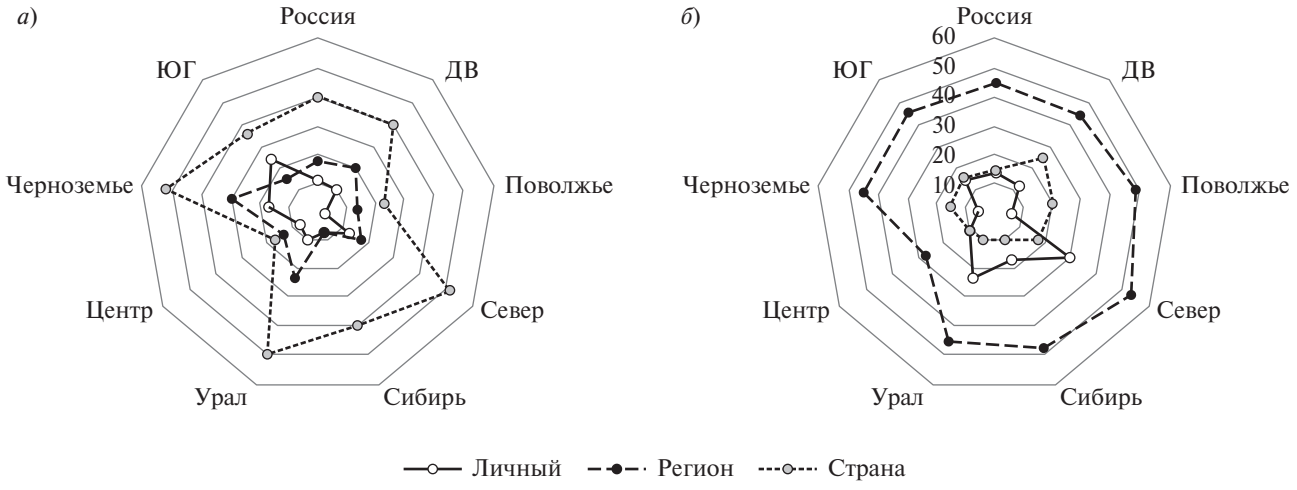


Рис. 5. Рейтинг категорий государственных (*а*) и региональных (*б*) праздников для себя лично, для жителей собственного региона и для России в целом в представлении респондентов из различных макрорегионов страны, %

наименьшее процентное содержание ответов (≈20%) с выделением категории государственных праздников как особо значимых для жителей России в целом.

Ситуация сильно меняется, если обратиться к рассмотрению категории региональных праздников (см. рис. 5, *б*). Здесь также показатели для представителей различных регионов не выглядят однородно. Молодежь из Центральной России оценивает категорию региональных праздников для жителей своего региона значительно ниже (27%), чем респонденты из других макрорегионов. Стоит также отметить, что представители макрорегиона Севера для себя лично оценивают выше остальных значимость региональных праздников (28%).

Отношение к значимости праздников Нового года и Дня Победы показано на рис. 6.

Праздник Нового года (см. рис. 6, *а*) лично для себя и для жителя своего региона набирает самые низкие значения у представителей макрорегионов Черноземья и Юга России. Молодежь этих регионов не так сильно ценит этот праздник, как остальные жители России.

Рейтинг значимости праздника Дня Победы (9 мая) для представителей различных макрорегионов продемонстрирован на рис. 6, *б*. По данному празднику можно наблюдать наиболее сбалансированную по показателям картину для молодежи из всех представленных макрорегионов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные в ходе исследования данные согласуются с результатами эмпирических исследований М.И. Воловиковой, в которых три категории праздников (День Победы, Новый год и семейные праздники) также были наиболее значимыми для испытуемых из различных регионов России [6]. Только

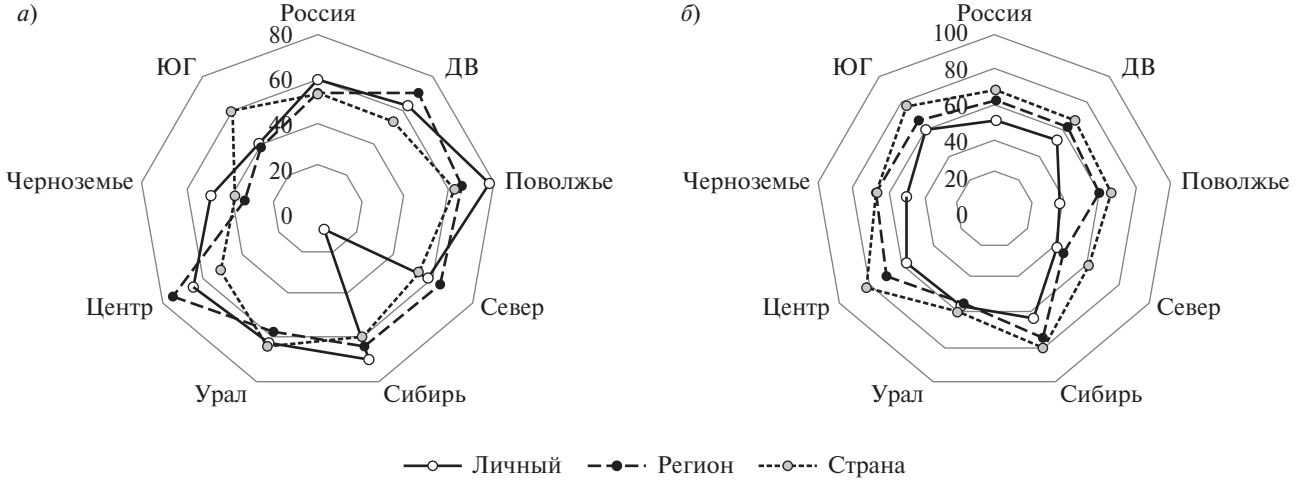


Рис. 6. Рейтинг категорий праздников Нового года (*а*) и Дня Победы (*б*) для себя лично, для жителя собственного региона и для жителя России в представлении респондентов из различных макрорегионов страны, %

в данном исследовании раскрывается их значимость на различных уровнях идентификации: для себя лично, для жителя своего региона, для жителя России.

Ритуалы в виде праздников играют важную роль в жизни индивида. Если на личностном уровне для молодежи оказываются важнее праздники, связанные с семьей и ближним социальным окружением, то на региональном и государственном уровне наиболее значимыми праздниками выступают Новый год и День Победы. Данные праздники воспринимается на разных уровнях идентичности и соединяет в себе как личные эмоциональные переживания индивида, так и эмоциональное чувство единения с жителями своего региона, с жителями всей России. Такие эмпирические выводы согласуются с исследованием Л.В. Матвеевой с коллегами, в ходе которого обнаружилось, что школьники и студенты из Москвы рассматривают праздники Нового года и парад Дня Победы (9 мая) как особого рода важные ритуалы в жизни страны [19].

Также нельзя оставить без внимания тот факт, что представленные категории праздников имеют свои значимые отличия для молодежи на уровне лично для себя, на уровне для жителя своего региона и на уровне для жителя страны. Те праздники, которые респонденты считают наиболее значимыми лично для себя, не совпадают с теми категориями праздников, которые они считают значимыми для представителей своего региона и для жителей России. Насчет двух последних уровней у молодежи складываются во многом стереотипные суждения, которые влияют на их выбор в степени значимости праздников и которые обусловлены актуальной повесткой дня СМИ [13]. И данные суждения становятся важными элементами в формировании образа своего региона и образа страны в целом.

По итогам исследования можно предварительно говорить о том, что ценностно-смысловое содержание представлений молодежи о праздниках складывается по-разному в зависимости от рассматриваемого ими уровня идентичности. На личностном уровне респонденты склонны наиболее высоко оценивать семейные ценности, традиции своего рода и ближнего окружения. На уровне представлений о жителе собственного региона оказываются важными ценности, направленные на единство своей социальной группы, на ощущение и осознание себя частью чего-то большего, что имеет единые культурные и исторические корни. На уровне представлений о жителе своей страны респонденты отмечают не только культурно-историческое единство, но и единую религиозную основу, которая укрепляет соотнесение себя с другими жителями страны. Именно такая интегрирующая роль ценностно-смысловой сферы обусловливает внутреннюю готовность личности к выбору определенных средств и способов реализации целей своей жизнедеятельности. Она формирует образ собственного региона и страны в целом, поэтому выявленная структура отношения к праздникам и несет в себе столь актуальную и значимую сферу изучения.

Еще одним важным результатом исследования можно считать то, что респонденты из отдельных макрорегионов России по-разному оценивают значимость выделенных категорий праздников. Практически по всем праздникам были продемонстрированы значимые различия. Наиболее устойчивой к оценкам стала категория праздников Дня Победы, которая в целом не сильно отличается среди молодежи из различных макрорегионов (см. рис. 6, *б*). Это может говорить о том, что организация на государственном уровне различных масштабных мероприятий, посвященных Дню Победы, действительно способствует массовости узнавания данного праздника и повышает значимость его для молодежи по всей стране. Появляются новые ритуалы, связанные с Днем Победы: Георгиевская ленточка, Бессмертный полк, военная форма. Происходит трансформация ритуальных действий, которая способствует повышению значимости праздника для всех граждан страны.

Кроме того, приведенная в теоретической части данной статьи классификация основных ритуалов позволяет соотнести полученные наиболее популярные праздники для молодежи России из различных регионов страны по разным категориям. Праздник Дня Победы следует отнести к группе ритуалов интенсификации. Данный праздник способствует сплочению жителей страны перед памятью угрозы прошлого и противостоит нарушению целостности гражданской и региональной идентичности.

Праздник Новый год следует отнести в группу кризисных и календарных праздников. Действительно Новый год позволяет преодолеть определенный кризисный период и приводит к ожиданию новых, более приятных событий. Особенно хорошо это проявилось по итогам 2020 г. Пандемия коронавируса COVID-19 так повлияла на психику отдельных индивидов и общественные процессы целых государств, что в массовой культуре сложился вызов к скорейшему окончанию 2020 г. и наступлению нового периода жизни без пандемии в новом году.

Семейные праздники следует отнести к группе ритуалов перехода, так как данные события напрямую связаны с окончанием и началом жизненных этапов конкретного индивида.

Религиозные праздники принадлежат к группе магических и религиозных ритуалов, связанных с конкретными персонифицированными святыми образами и значимых для всего общества в целом.

Региональные праздники можно соотнести с группой ритуалов интенсификации, так как они нацелены на сплочение социальной группы внутри региона, на формирование единообразного образа собственного региона. По такому же принципу и государственные праздники относятся к данной группе, но уже нацелены на формирование единообразного образа страны.

Спортивные праздники можно отнести сразу в две группы: кризисных и календарных ритуалов и ритуалов перехода. Данные праздники обычно приурочены к определенным датам, имеют собственный календарь и организуются для преодоления кризисных событий, связанных с межкультурной коммуникацией. Но также спортивные праздники несут в себе и приписывание для индивидов определенного нового статуса, перехода на новый индивидуальный уровень.

Женские и мужские праздники относятся к группе ритуалов интенсификации, так как являются важными событиями, способствующими групповой сплоченности в рамках одной гендерной группы.

ВЫВОДЫ

1. Для молодежи из различных регионов России оказались наиболее важными три категории праздников: семейные, День Победы, Новый год. Это три категории праздников, которые оказываются значимыми как на уровне лично для участника исследования, так и на уровне его представлений о жителе своего региона и о жителе страны в целом.

2. Существуют количественные и качественные различия в выборе молодежью наиболее важных праздников лично для себя, для представителей своего региона и для жителей России. Меняется сама структура и иерархия значимости праздников для этих трех уровней. Молодежь не всегда соотносит собственные личностные предпочтения с теми, которые они ожидают от представителей своего региона, от жителей страны.

3. У молодежи, проживающей в различных макрорегионах страны, выявлены особенности в оценивании значимости различных категорий праздников. Для представителей каждого отдельного макрорегиона складывается своя иерархия значимости представленных категорий праздников. И различия между оценкой респондентов из отдельных макрорегионов существенны между собой, что позволяет говорить о формировании особых региональных предпочтений. Что, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что специфика образа каждого конкретного региона влияет на специфику формирования представлений об образе страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барабанова Н.В.*, *Бочкарева М.И.*, *Костина Т.С.* Потенциал праздников в формировании духовно-нравственной культуры студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 7–8.
2. *Барт Р.* Мифологии. 3-е изд. М.: Академический проект, 2014. 352 с.
3. *Быховец Ю.В.*, *Казымова Н.Н.* Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3 С. 22–30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2
4. *Василенко И.А.* Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // Власть. 2013. № 7. С. 24–28.
5. *Воловикова М.И.*, *Борисова А.М.* Психологическое значение праздника для личности // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 241–245.
6. *Воловикова М.И.*, *Тихомирова С.В.*, *Борисова А.М.* Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: Пер Сэ, 2003.
7. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47. DOI: 10.31857/S020595920006074-7
8. *Журавлев И.В.*, *Журавлева Ю.В.* Соотношение ритуала и мифа и механизмы коммуникативного воздействия // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26. С. 58–71.
9. Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга / Под ред. И.А. Василенко. М.: Международные отношения, 2016. 288 с.
10. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2003. С. 38.
11. *Караяни А.Г.*, *Зинченко Ю.П.* Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. М.: МГУ, 2007.

12. *Лебедева Н.М.*, *Татарко А.Н.*, *Берри Дж.* Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.

13. *Литвинов В.Ю.* Влияние СМИ на региональные образы России в общей картине мира молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 158–169.

14. *Литвинов В.Ю.*, *Матвеева Л.В.* Образ героя России как фактор формирования гражданской идентичности: гендерный аспект // Человек в информационном пространстве. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 238–243.

15. *Литвинов В.Ю.*, *Матвеева Л.В.* Сравнительный анализ культурных представлений творческой молодежи о российской, западной и восточной цивилизациях // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 177–197.

16. *Литвинова М.В.*, *Вереитинова Т.Ю.* Культурно-семиотическое поле праздника в дискурсе современной культуры // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 1 (25). С. 29–38.

17. *Литвинова М.В.*, *Кибалко О.В.*, *Вереитинова Т.Ю.* Культурологические подходы к определению взаимодействия понятий “праздник” и “миф” // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2 (22). С. 13–25.

18. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.

19. *Матвеева Л.В.* Влияние феномена разорванной коммуникации в СМИ на границы информационно-психологической безопасности // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2 т. Т. II: Феномен разорванной коммуникации: Сб. статей / Под ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой, Е.Л. Вартановой, А.И. Подольского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 29–41.

20. *Матвеева Л.В.*, *Мочалова Ю.В.*, *Петракова Е.Е.*, *Аникеева Т.Я.* Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография / Науч. ред. А.Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 64–112.

21. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.

22. *Мостицкая Н.Д.* Праздник как моделирование процесса формирования культурной идентичности личности // Аналитика культурологии. 2016. № 1 (34). С. 126–136.

23. *Моул Д.* Особенности национальной психологии народов новой Европы: бизнес, общение, успех / Пер. с англ. О.Л. Сергеевой. М.: Астрель: АСТ, 2016. 381 с.

24. *Муратова А.С.* Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67–76.

25. *Нестик Т.А.*, *Журавлев А.Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138. DOI: 10.7868/S0205959218010129

26. *Петренко В.Ф.*, *Митина О.В.* Политическая психология: психосемантический подход. М.: Социум, 2018. 590 с.

27. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001.

28. *Таратухина Ю.В.*, *Цыганова Л.А.* Межкультурная коммуникация. Семиотический подход: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019.

29. *Элиаде М.* Аспекты мифа. 4-е изд. М.: Академический проект, 2010. 251 с.

30. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998.

31. Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России / Под ред. Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой. М.: Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. Т. 1.

32. *Юревич А.В.* Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.

33. *Hofstede G.* Culture and Organization: Software of the Mind. N.Y.: McGraw-Hill, 1997. P. 37.

PERCEPTION OF HOLIDAYS IN YOUNG PEOPLE LIVING IN DIFFERENT MACRO-REGIONS OF RUSSIA, AND VALUE AND SENSE RELATIONSHIP TO THEM[3,4]

V. U. Litvinov

Lomonosov Moscow state university; *125009*, *Moscow*, *Mokhovaya str.*, *11/9*, *Russia*.
Laboratory Engineer of the Laboratory of Psychology of Communication, *psychological department*.
E-mail: *volodimir.litvinov@gmail.com*

Received 24.02.2021

Abstract. This study was aimed at studying the significance of various categories of holidays, the choice of which determines the attitude of modern youth to the image of their country and their region. It is emphasized that rituals are important in shaping the culture of a particular country or region. The most expressive form of rituals are holidays, which determine the belonging of both personal self-identification and form a sense of belonging to their country, their region. The following categories of holidays were presented: public holidays; regional holidays; Religious holidays; family holiday; New Year; Victory Day (May 9); "Men's" holidays; "Women's" holidays; sports recreation. The study involved 318 respondents from various macro-regions of Russia. The results of the study showed that respondents perceive holidays differently for themselves, for representatives of their region and for the inhabitants of Russia as a whole. Differentiation was also revealed in the assessment of the significance of certain holiday rituals for representatives of different macroregions.

Keywords: rituals, holidays, cultural performances, perception, image of Russia, image of the region, value-semantic attitude, youth from various macro-regions of the country.

REFERENCES

1. *Barabanova N.V.*, *Bochkareva M.I.*, *Kostina T.S.* Potencial prazdnikov v formirovanii duhovno-nravstvennoj kul'tury studencheskoj molodjozhi. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2018. № 1 (68). P. 7–8. (In Russian)
2. *Bart R.* Mifologii. 3-e izd. Moscow: Akademicheskij proekt, 2014. 352 p. (In Russian)
3. *Byhovec Ju.V.*, *Kazymova N.N.* Sovremennye otechestvennye issledovanija psihologicheskih faktorov perezhivanija terroristicheskoj ugrozy. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 3. P. 22–30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2 (In Russian)
4. *Vasilenko I.A.* Imidzhevaja strategija Rossii v kontekste mirovogo opyta. Vlast'. 2013. № 7. P. 24–28. (In Russian)
5. *Volovikova M.I.*, *Borisova A.M.* Psihologicheskoe znachenie prazdnika dlja lichnosti. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 4. P. 241–245. (In Russian)
6. *Volovikova M.I.*, *Tihomirova S.V.*, *Borisova A.M.* Psihologija i prazdnik: Prazdnik v zhizni cheloveka. Moscow: Per Sje, 2003. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.* Social'no-psihologicheskie posledstvija vnedrenija novyh tehnologij: perspektivnye napravlenija issledovanij. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. DOI: 10.31857/S020595920006074-7 (In Russian)
8. *Zhuravlev I.V.*, *Zhuravleva Ju.V.* Sootnoshenie rituala i mifa i mehanizmy kommunikativnogo vozdejstvija. Voprosy psiholingvistiki. 2015. № 26. P. 58–71. (In Russian)
9. Imidzh regionov Rossii: innovacionnye tehnologii i strategii rebrendinga. Ed. I.A. Vasilenko. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2016. 288 p. (In Russian)
10. *Kajua R.* Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe. Per. s fr. i vstup. st. S.N. Zenkina. Moscow, 2003. P. 38. (In Russian)
11. *Karajani A.G.*, *Zinchenko Ju.P.* Informacionno-psihologicheskoe protivoborstvo v vojne: istorija, metodologija, praktika. Moscow: MGU, 2007. (In Russian)
12. *Lebedeva N.M.*, *Tatarko A.N.*, *Berri Dzh.* Social'no-psihologicheskie osnovy mul'tikul'tu-ralizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodejstvii v rossijskom kontekste. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 2. P. 92–104. (In Russian)
13. *Litvinov V.U.* Vlijanie SMI na regional'nye obrazy Rossii v obshhej kartine mira molodezhi. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2020. № 2 (38). P. 158–169. (In Russian)
14. *Litvinov V.U.*, *Matveeva L.V.* Obraz geroja Rossii kak faktor formirovanija grazhdanskoj identichnosti: gendernyj

[3] The reported study was funded by RFBR, project No. 19-313-90069.

[4] The article is devoted to the memory of Margarita Iosifovna Volovikova, ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

aspekt. Chelovek v informacionnom prostranstve. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2020. P. 238–243. (In Russian)

15. *Litvinov V.U.*, *Matveeva L.V.* Sravnitel'nyj analiz kul'turnyh predstavlenij tvorcheskoj molodezhi o rossijskoj, zapadnoj i vostochnoj civilizacijah. Social'naja psihologija i obshhestvo. 2021. V. 12. № 1. P. 177–197. (In Russian)
16. *Litvinova M.V.*, *Vereitinova T.Ju.* Kul'turno-semioticheskoe pole prazdnika v diskurse sovremennoj kul'tury. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2020. № 1 (25). P. 29–38. (In Russian)
17. *Litvinova M.V.*, *Kibalko O.V.*, *Vereitinova T.Ju.* Kul'turologicheskie podhody k opredeleniju vzaimodejstvija ponjatij "prazdnik" i "mif". Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2019. № 2 (22). P. 13–25. (In Russian)
18. *Malinovskij B.* Magija, nauka i religija. Moscow: Reflbuk, 1998. 304 p. (In Russian)
19. *Matveeva L.V.* Vlijanie fenomena razorvannoj kommunikacii v SMI na granicy informacionno-psihologicheskoj bezopasnosti. Informacionnaja i psihologicheskaja bezopasnost' v SMI: v 2 t. T. II: Fenomen razorvannoj kommunikacii: Sb. statej. Eds. Ja.N. Zasurskiy, Ju.P. Zinchenko, L.V. Matveeva, E.L. Vartanova, A.I. Podol'skiy. Moscow: Aspekt Press, 2008. P. 29–41. (In Russian)
20. *Matveeva L.V.*, *Mochalova Ju.V.*, *Petrakova E.E.*, *Anikeeva T.Ja.* Kategorial'naja struktura obraza Rossii i obrazov drugih stran v mentalitete zhitelej strany i sojuznogo gosudarstva Belorussii. Obrazy, tradicii i kul'tura mezhnacional'nogo mira i soglasija: monografija. Ed. A.D. Karnyshev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. P. 64–112. (In Russian)
21. *Moskovichi S.* Mashina, tvorjashhaja bogov. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii, 1998. 560 p. (In Russian)
22. *Mostickaja N.D.* Prazdnik kak modelirovanie processa formirovanija kul'turnoj identichnosti lichnosti. Analitika kul'turologii. № 1 (34). P. 126–136. (In Russian)
23. *Moul D.* Osobennosti nacional'noj psihologii narodov novoj Evropy: biznes, obshhenie, uspeh. Per. s angl. O.L. Sergeevoj. Moscow: Astrel': AST, 2016. 381 p. (In Russian)
24. *Muratova A.S.* Obrjad i prazdnik. Mir psihologii. 2001. № 4. P. 67–76. (In Russian)
25. *Nestik T.A.*, *Zhuravlev A.L.* Otnoshenie k global'nym riskam: social'no-psihologicheskij analiz. Psihologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 1. P. 127–138. DOI: 10.7868/S0205959218010129 (In Russian)
26. *Petrenko V.F.*, *Mitina O.V.* Politicheskaja psihologija: psihosemanticheskij podhod. Moscow: Socium, 2018. 590 p. (In Russian)
27. *Pochepcov G.G.* Teorija kommunikacii. Moscow: Reflbuk, 2001. (In Russian)
28. *Taratuhina Ju.V.*, *Cyganova L.A.* Mezhkul'turnaja kommunikacija. Semioticheskij podhod: uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
29. *Jeliade M.* Aspekty mifa. 4-e izd. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2010. 251 p. (In Russian)
30. *Jeliade M.* Mif o vechnom vozvrashhenii. Saint Petersburg: Aletejja, 1998. (In Russian)
31. Jetnokul'turnaja identichnost' kak faktor social'noj stabil'nosti v sovremennoj Rossii. Ed. Ju.P. Zinchenko, L.A. Shajgerovoj. Moscow: Fakul'tet psihologii MGU imeni M.V. Lomonosova, 2016. T. 1. (In Russian)
32. *Yurevich A.* The experience of empirical estimate of psychological state of modern russian society (statistical data analysis). Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 40. № 5. P. 84–96. DOI: 10.31857/S020595920006077-0 (In Russian)
33. *Hofstede G.* Culture and Organization: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 1997. P. 37.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 72–82

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

УДК 159.9:62

ИНТЕРФЕЙС МОЗГ–КОМПЬЮТЕР: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ЧАСТЬ I. ИНТЕРФЕЙСЫ НА ОСНОВЕ РЕГИСТРАЦИИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА[1]

© 2022 г. А. А. Медынцев

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества.
E-mail: MedyncevAA@ipran.ru

Поступила 27.05.2021

Аннотация. Представлен информационно-аналитический обзор основных принципов, лежащих в основе разработки интерфейсов “мозг–компьютер”. В первой части обзора проводится анализ принципов, лежащих в основе интерфейсов, с использованием регистрации электрической активности мозга. В качестве таких принципов рассмотрены: использование устойчивых зрительных вызванных потенциалов, медленных потенциалов коры, компонента P300 и характеристик спектра электрической активности мозга. Анализ актуальных работ по данной тематике показывает, что современные технологии позволяют обеспечить достаточно высокую точность опознания управляющего сигнала в таких интерфейсах. Вместе с тем главная проблема — медленная (по сравнению с традиционными интерфейсами) скорость генерации команд. Эта проблема является серьезным препятствием на пути внедрения технологии неинвазивных нейроинтерфейсов в практику.

Ключевые слова: интерфейс “мозг–компьютер”, ЭЭГ, P300, медленные потенциалы коры.

DOI: 10.31857/S020595920017071-4

Большинство современных исследований, проводимых в психологии и нейронауках, имеют сугубо научные цели, направленные на приумножение фундаментального научного знания, и относительно далеки от практического применения их результатов. Ежегодно в отечественных и зарубежных журналах публикуются десятки статей, посвященных фундаментальным темам: исследованию памяти и внимания, принятия решений, процессов решения задач и проблем и т.п. Вместе с тем среди множества этих тем есть одна, которая, с одной стороны, порождает немалое количество публикаций, а с другой — имеет сугубо практическую направленность. Речь идет о разработке технологии взаимодействия между человеком и компьютерным устройством без прямого физического контакта — создании интерфейсов “мозг–компьютер” (ИМК).

Естественным является вопрос о том, на каком этапе своего развития находится технология ИМК. Часто для оценки развития новой технологии используется концепция “цикла шумихи” (*Hype cycle*), предложенная компанией *Gartner* [11]. Согласно этой концепции любая технология (с момента своего появления до интеграции в повседневную жизнь) проходит пять стадий:

— появление первых публикаций о новой технологии;

— пик чрезмерных ожиданий, когда технология становится популярной и люди ждут от нее слишком многого;

— период “избавления от иллюзий”, когда выявляются недостатки новой технологии и в обществе наблюдается некое разочарование и даже отказ от дальнейшей работы с ней;

— стадия преодоления недостатков, когда интерес к технологии возвращается, и технология начинает постепенно внедряться в коммерческих проектах;

— последняя стадия, когда общество наконец адекватно оценивает плюсы и минусы новой технологии и она прочно занимает свою нишу в жизни общества. Данная стадия получила название “плато продуктивности” [11].

[1] Работа выполнена по госзаданию № 0138-2022-0009.

Ответ на вопрос о том, на какой же из стадий находится технология ИМК, не очевиден. Со времен пионерских публикаций *Vidal* [33] до появления на рынке коммерческих предложений наподобие продуктов от фирм *Emotive* (https://www.emotiv.com/) или *Neurosky* (http://neurosky.com/), ИМК-технология прошла большой путь развития. На нем были и чрезмерные ожидания, и периоды разочарований. На современном этапе развития потенциал ИМК-технологии реализован не полностью. В настоящее время как коммерческий продукт ИМК-технология по большей части служит для развлечения и экспериментов отдельных энтузиастов-исследователей. Наблюдается эпизодическое применение ИМК в области ухода за пациентами. По данным некоторых авторов, количество клиентов у фирм, предлагающих ИМК-решения для работы с пациентами, крайне мало (по сравнению с развлекательной индустрией). Можно предположить, что ИМК-технология благополучно миновала четыре первые стадии. Однако на “плато продуктивности” она пока не вышла.

В настоящем обзоре будут рассмотрены принципы, лежащие в основе существующих интерфейсов “мозг–компьютер” и современных ИМК-технологий в целом. Путем их анализа будет предпринята попытка описать те проблемы, которые препятствуют выходу ИМК технологии на “плато продуктивности”.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМК-ТЕХНОЛОГИЙ

Как правило, исследования начинаются с попыток классификации изучаемых феноменов. В данном случае речь пойдет о классификации принципов, положенных в основу ИМК. Любой интерфейс “мозг–компьютер” может быть описан в терминах трех функциональных блоков:

1. *Блок стимуляции и регистрации биологических сигналов*. Под ним понимается не только метод регистрации “управляющего сигнала” — нейрофизиологических паттернов, которые в дальнейшем преобразуются в команды (ЭЭГ, движение глаз и т.п.), но и методика его получения.

2. *Блок обработки сигналов*. Комплекс программно-математических процедур для выделения “управляющего сигнала”, а также преобразования его в команду компьютера.

3. *Исполнительный блок*. Набор операций компьютера, который управляется командами пользователя.

На сегодняшний день варианты реализации второго блока достигли большого разнообразия. Современные разработчики ИМК применяют широкий спектр методов обработки и классификации нейрофизиологических паттернов. Так, в работах можно встретить как достаточно традиционные методы типа регрессии и линейного дискриминантного анализа, так и искусственные нейронные сети [14]. Количество вариаций и подходов к обработке сигналов велико, их рассмотрение не входило в задачи проведенного анализа.

Ниже представлены варианты классификации ИМК на основе принципов работы первого блока. Наиболее известным является разделение ИМК на инвазивные и неинвазивные интерфейсы [4]. Использование инвазивного интерфейса предполагает проведение хирургической операции на мозге потенциального пользователя (установку электродов или специальных микрочипов). В качестве примера можно привести ИМК, основанный на электрокортикографии (ЭКоГ). Для работы этого ИМК необходима имплантация на поверхность коры сети из электродов небольшого диаметра с небольшой (около 1 см) дистанцией между ними. Часто используются сети с большей плотностью электродов меньшего размера [15].

В ряде исследований показано, что сигнал ЭКоГ от электродов, расположенных таким образом над соматосенсорной и моторной областями, при совершении или воображении движения может быть использован для управления внешними объектами [31]. Предпринимаются попытки разработки технологии синтеза речи путем регистрации ЭКоГ речевых зон [1].

Неинвазивные ИМК хирургических операций для своей работы не требуют. Для получения управляющего сигнала используется регистрация электрической активности мозга, движения глаз и т.п.

Маловероятно, что описанные выше инавазивные ИМК имеют шансы на широкое распространение в будущем. В одном исследовании был проведен опрос среди людей с нарушенными физическими возможностями — пациентов одной из американских клиник. Респондентам задавался ряд вопросов, касающихся их отношения к технологии ИМК. На ряд вопросов о типе предпочитаемого ИМК 84% опрошенных ответили, что предпочли бы неинвазивный интерфейс, 72% из них были готовы к амбулаторной хирургической операции (т.е. без госпитализации на длительный срок) и только 41% были согласны на операцию с длительным пребыванием в больнице [16]. По этой причине внимание в данном обзоре будет сосредоточено на неинвазивных ИМК-технологиях.

Помимо деления на инвазивные и неинвазивные, ИМК классифицируются на “зависимые” и “независимые” интерфейсы [35]. Независимые ИМК не используют стандартные (традиционные) каналы вывода команд от мозга пользователя. Примером могут служить инвазивные ИМК, приведенные выше. Фактически путем имплантации сетки из электродов создается новый канал для подачи пользователем управляющего сигнала.

В этом они отличаются от зависимых ИМК. В зависимых ИМК используются “традиционные” каналы, т.е. каналы передачи информации, которые и так используются человеком в обычной жизни. Примером могут служить интерфейсы, основанные на видеорегистрации движений глаз [18] или электроокулограмме [3].

Еще одна классификация на основе принципов получения управляющего сигнала была предложена *Zander* с коллегами [41]. Они выделяют три типа ИМК:

— “активные ИМК”, где пользователь безусловно инициирует команду, которая передается блоку управления;

— “реактивные ИМК”, где пользователь инициирует команду в ответ на определенное воздействие блока управления;

— также в своей работе они говорят о новом, третьем типе интерфейса — о так называемом пассивном ИМК. В работе этого интерфейса блок управления осуществляет “когнитивный мониторинг” состояния пользователя, анализируя его намерения и т.п. Это может выражаться в анализе активности мозга и выделении в нем определенных патернов, связанных с “намерением действовать” [41].

Конечно, существующие варианты классификаций не ограничиваются вышеописанными. Но для описания принципов современных неинвазивных ИМК, что является целью настоящего обзора, данные классификации наиболее информативны.

Для удобства читателя обзор разделен на две части. В первой части будут рассмотрены наиболее распространенные ИМК — ИМК, основанные на регистрации электрической активности мозга. Во второй части будут рассмотрены ИМК, основанные на регистрации движений глаз и показателях оксигенации крови.

ИМК, ОСНОВАННЫЙ НА РЕГИСТРАЦИИ ЭЭГ

Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) представляет собой регистрацию разницы электрических потенциалов, возникающих между отведением на скальпе и индифферентной точкой (монополярная регистрация) или другим отведением (биполярная регистрация). Со времени своего открытия ЭЭГ является самым распространенным методом исследования активности мозга. Несмотря на погрешности в определении пространственной локализации сигнала ЭЭГ (что отчасти может быть исправлено специальными методами обработки), ЭЭГ имеет хорошее временно́е разрешение, ограниченное лишь частотой квантования сигнала. Среди методов, используемых в разработках ИМК, ЭЭГ занимает ведущее положение. Причиной тому является распространенность метода и отчасти историческая традиция. Первые работы, посвященные ИМК, были связаны именно с ЭЭГ [33].

Для создания ИМК на базе ЭЭГ исследователи используют ряд электрофизиологических феноменов, хорошо изученных в рамках других научных направлений. К этим феноменам относятся:

— устойчивые зрительные вызванные потенциалы (УЗВП);

— медленные потенциалы коры (МПК);

— потенциал P300;

— спектральные характеристики ЭЭГ.

Устойчивые зрительные вызванные потенциалы. Многочисленные исследования показывают, что нейроны в зрительной коре головного мозга способны синхронизировать свою работу с частотой ритмично вспыхивающего света. При регистрации ЭЭГ это отражается в наличии повторяющихся пиков, частота появления которых синхронна с частотой появления вспышек (рис. 1).

Эти пики и получили название “устойчивые зрительные вызванные потенциалы” (steady-state visual evoked potentials, УЗВП). Также этот феномен называется “реакцией усвоения ритма” (photic driving rhythm) и используется в качестве метода активации в клинической практике [13]. УЗВП могут быть вызваны стимуляцией слабой интенсивности, такой как частота обновления монитора (до 75 Гц), когда мелькание не воспринимается на уровне сознания [23]. В ряде исследований была показана потенциальная возможность использования УЗВП для контроля за фокусом внимания субъекта. В ситуации, когда субъект следит за мигающим светом, амплитуда УЗВП значительно увеличивается [19].

Однако многие исследователи отмечают определенные недостатки УЗВП. Например, не все частоты стимуляции вызывают стабильные высокие ответы. Кроме того, амплитуда УЗВП находится в некоторой зависимости от особенностей

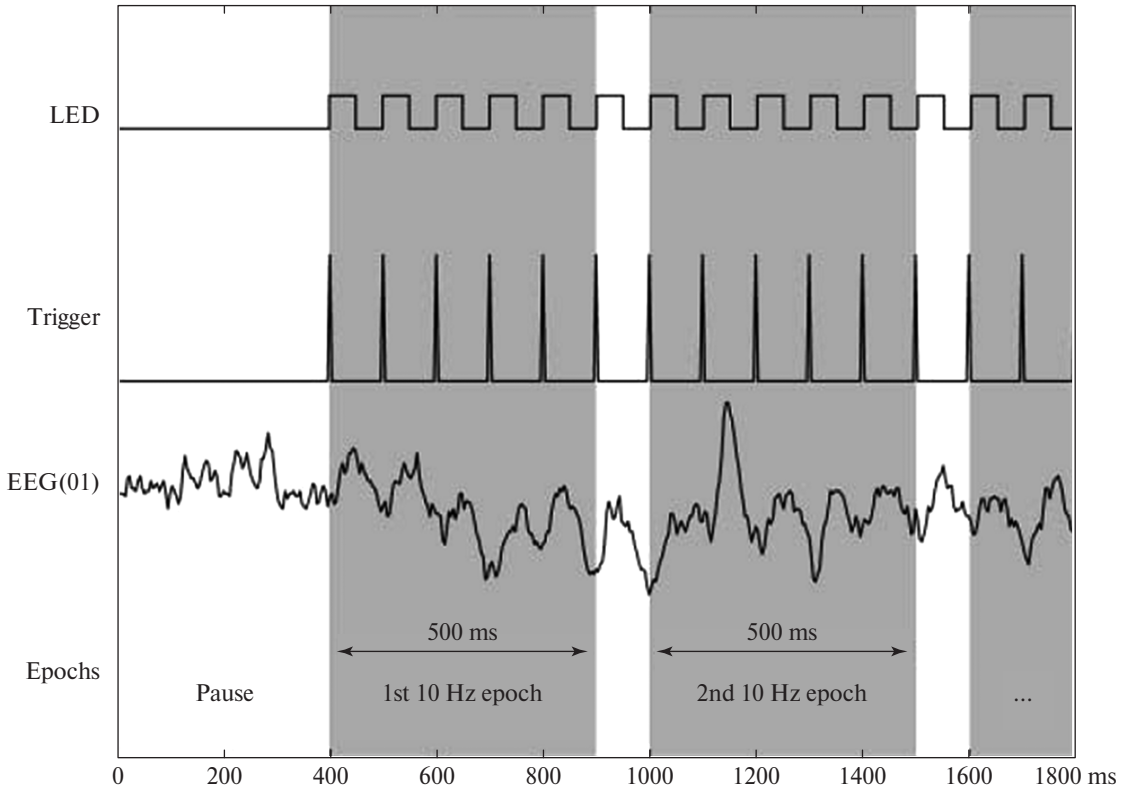


Рис. 1. УЗВП, вызванный ритмической стимуляцией с интервалом в 500 мс. Отведение O1 (взято из [13])

субъекта и других переменных исследования: цвета, размера и контраста зрительных стимулов [42].

Тем не менее ряд исследователей попытались использовать УЗВП в качестве управляющего сигнала. Так, в исследовании Guger с соавторами участники фиксировали взгляд на одном из четырех светодиодов, которые мигали с разной частотой (10, 11, 12, 13 Гц). В процессе исследования регистрировалась ЭЭГ с затылочных отведений. В исследовании приняли участия 53 человека. После тренировочной серии и обучения классификатора патернов активности мозга у большинства участников точность распознавания сигнала (определения того, на какой из светодиодов направлен взгляд) составила выше 80.2%. Ни у кого из участников точность не была ниже 60% [12].

В работе Hwang с соавторами предпринималась попытка создания QWERTY-клавиатуры, нажатие на клавиши которой будет осуществляться при помощи регистрации УЗВП пользователя. Каждой клавише была присвоена своя частота мигания в полосе частот от 5 до 9.0 Гц (рис. 2). Все частоты были подобраны эмпирически после тестирования на самих участниках. Частота распределялась

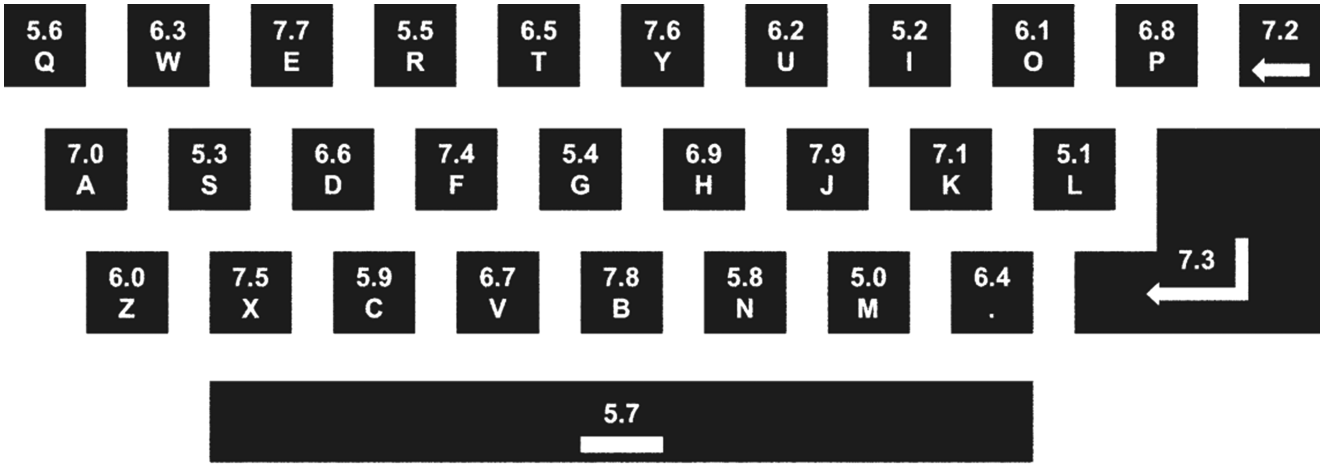


Рис. 2. QWERTY-клавиатура и частоты мигания (изображены на клавишах, Гц) (взято из [17])

последовательно, чтобы свести к минимуму стимуляцию периферического зрения. Минимальная разница частот между соседними клавишами составляла 0.7 Гц. Результаты работы с данной клавиатурой показали среднюю скорость набора 9.39 буквы в минуту и среднюю точность опознания “нажатия” 87.58% [17].

В работе Lim с соавторами УЗВП были использованы для создания “кнопки экстренного вызова”, которую должны были нажимать здоровые участники и пациенты. В качестве кнопки использовался небольшой мигающий квадратик в углу экрана монитора компьютера. Результаты показали, что, используя данную технологию, пациенты успешно вызывали своих опекунов, хотя нажатие кнопки требовало примерно 6.56 с [22].

Медленные потенциалы коры. Еще один нейрофизиологический феномен, которому нашли применение в разработке ИМК, получил название “медленные потенциалы коры больших полушарий” (slow cortical potentials). Под медленными потенциалами коры (МПК) понимается группа потенциалов, развивающихся в интервале с 0.5 с до нескольких секунд от вызвавшего их события [5]. Так, под определение “медленный потенциал коры” подпадает как условное негативное отклонение, развивающееся между предупреждающим и целевым стимулами [34], так и известный Bereitschafts potential, или потенциал готовности [2]. Сходство медленных потенциалов заключается в том, что они так или иначе связаны с подготовкой человека к действию.

Так, условное негативное отклонение наиболее выражено в ситуациях, когда при появлении целевого стимула участник должен дать моторный ответ [34], а негативный потенциал готовности имеет место за 500–800 мс до появления электромиограммы, связанной с неким физическим действием (например, движением пальца) [6].

Однако интерес разработчиков ИМК к данным потенциалам был вызван не только этим. В ряде исследований было показано, что участники способны обучаться управлять амплитудными характеристиками МПК в задачах с биологической обратной связью.

В работе Elbert участникам предъявлялся акустический предупреждающий сигнал, после которого на экране монитора возникало изображение летящей ракеты и двух целей перед ней. Задача участника состояла в том, чтобы в зависимости от типа акустического сигнала навести ракету на верхнюю или нижнюю цель. Положение ракеты зависело от амплитуды МПК, развивающегося от акустического сигнала и регистрировавшегося в области вертекса (макушка головы). Эффективность наведения оценивалась начислением или вычитанием игровых очков. Эксперимент состоял из двух частей. В первой (обучающей) части участник слышал акустический сигнал, видел ракету и игровые очки. Во второй части участник слышал только акустический сигнал. Результаты исследования показаны на рис. 3. Было обнаружено, что участники успешно обучались управлять амплитудой МПК (и, как можно понять из рисунка, в данном исследовании им являлось условное негативное отклонение) [8].

Подобные исследования инициировали целый ряд попыток создать ИМК на основе медленных потенциалов.

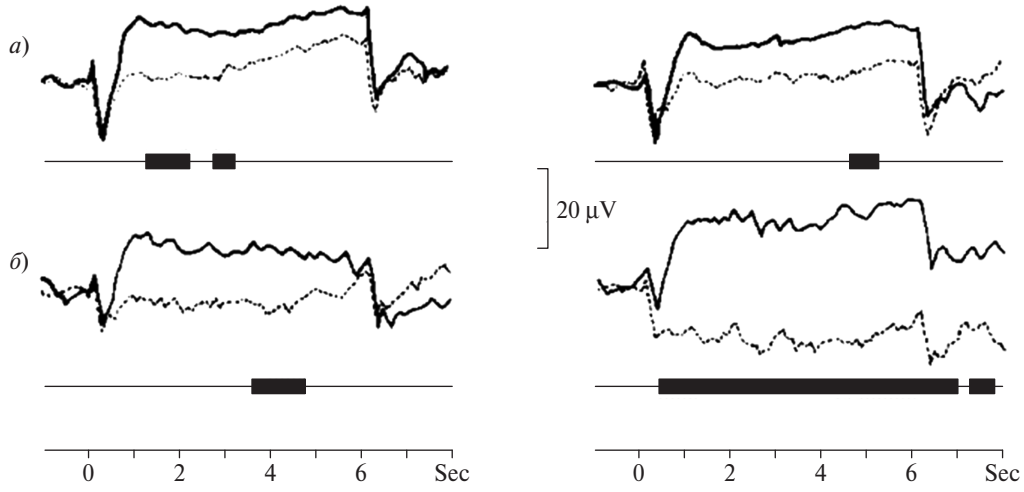


Рис. 3. Стадии научения управлению амплитудой МПК. Результаты усреднения нескольких проб. Левая верхняя четверть — 1–40 пробы; правая верхняя — 51–90 пробы; левая нижняя — 41–50 пробы; правая нижняя — 91–100 пробы. Черная линия — МПК в ситуациях, где необходимо увеличить амплитуду; прерывистая линия — МПК в ситуациях, где требовалось уменьшить амплитуду. *а* — МПК с обратной связью; *б* — МПК без обратной связи (взято из [8])

В работе Birbaumer пять пациентов с ограниченной подвижностью использовали МПК для управления курсором, позволяющим выбирать буквы из алфавита на экране монитора компьютера. Алфавит делился на две половины, представленные внизу экрана. После выбора участником одной из них выбранная часть алфавита разделялась еще на две. Такое деление повторялось вплоть до выбора одной из двух букв. После выбора нужной буквы все начиналось заново. МПК использовался для управления движением курсора — указателя выбранной половины. После обучения участников средняя точность опознания команд равнялась 75%. Скорость набора составила около 2 мин на одно слово. Авторы отмечают, что скорость набора слов может быть увеличена путем введения подсказок для слов и автозавершения сокращений, которые уже существуют в современных программах [6].

В еще одной работе пациенты с синдромом деэфферентации обучались при помощи МПК передвигать курсор на экране компьютера с целью выбора букв. Полученные результаты показывают, что после обучения, длительность которого составила от 3 до 8 недель, можно достичь точности более 90% [20].

Связанный с событием потенциал P300 (P3B). Потенциал P300 (P3 wave), как правило, выделяется в специфической ситуации, а именно когда участнику среди череды случайных стимулов (зрительных или акустических) предъявляются целевые стимулы (oddball парадигма) [28]. Многие авторы разделяют P300 на два субкомпонента P3a и P3b, которые имеют разную топографию регистрации и, возможно, разный генез [38].

Потенциал P300 имеет высокую амплитуду пика и легко выделяется при усреднении. Как правило, для выделения P300 из шума достаточно 35–60 эпох анализа, что относительно немного, если сравнивать с более низкоамплитудными компонентами типа N2 [37]. Однако самым существенным качеством P300 (P3b) является то, что амплитуда потенциала модулируется вниманием участника. В качестве примера можно привести рис. 4, взятый из статьи Пиктона.

На рисунке показаны различия амплитуды P300 в ситуации, когда участник обращает внимание на стимул и когда его игнорирует. Следовательно, предъявляя участникам различные стимулы, можно понять, на какой из них человек обращает внимание. Участника, в свою очередь, можно попросить обращать внимание на тот стимул, который требуется ИМК в качестве команды. Этот принцип

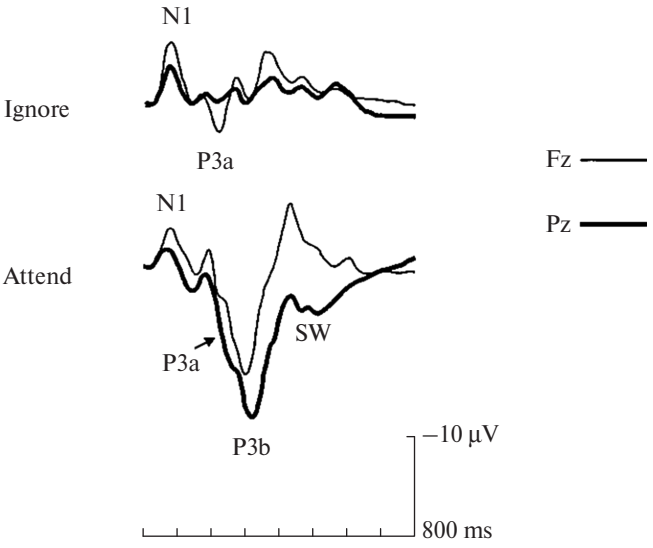


Рис. 4. Амплитуда компонента P3b (толстая черная линия) в ситуации, когда участник обращает внимание на стимул и когда игнорирует его (взято из [28])

и лег в основу ИМК, основанного на выделении P300.

В качестве примера можно привести одну из первых работ в этом направлении, работу Farwell и Donchin. В данном исследовании участнику на экране монитора компьютера предъявлялась матрица из букв и знаков 6 на 6 (рис. 5).

В течение каждых 124 мс колонка или строка матрицы подсвечивалась на 100 мс (выглядит как однократное мигание). Участника просили подсчитывать, сколько раз мигнула колонка или строка, содержащая выбранную букву. Связанная с миганием активность мозга регистрировалась в отведении Pz (теменная область) и усреднялась для каждой полосы и колонки. На основании разности амплитуд выдавалось решение о том, какая из букв

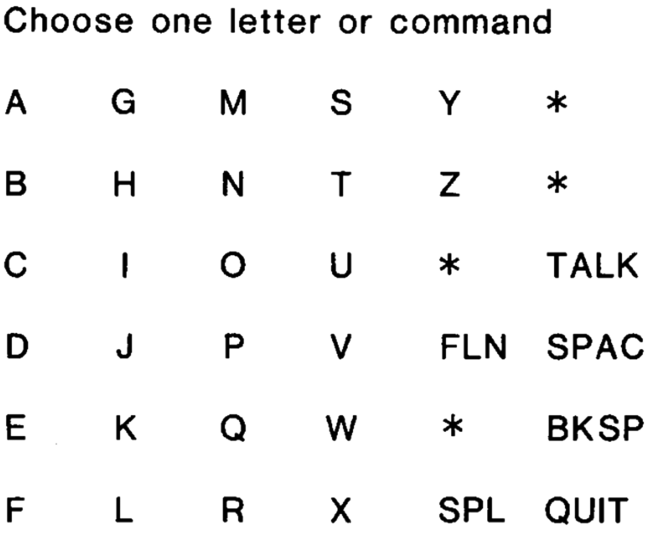


Рис. 5. Матрица для набора слов (взято из [9])

была выбрана [9]. В этой работе авторами была проанализирована взаимосвязь скорости набора букв и точности опознания команд (которая напрямую зависит от количества эпох анализа и, следовательно, от времени предъявления). Оказалось, что при достижении скорости 1 стимул в 20.9 с точность опознания будет равняться 80%, в то время как увеличив точность до 95%, на выбор одной буквы потребуется 26 с [9].

Появление современных возможностей обработки сигнала позволило улучшить показатель точности без увеличения времени набора. В работе Speier с соавторами участники, используя P300, могли печатать не менее шести символов в минуту с точностью более 84% [31].

В процессе многочисленных исследований ИМК, основанных на P300, были выявлены некоторые недостатки. В частности, оказалось, что амплитуда потенциала может редуцироваться со временем вследствие привыкания к знакомым стимулам [29]. Это уменьшает возможности выделения потенциала и сказывается на точности. Кроме того, обнаружилась проблема “смежности”, вызванная миганием строк или столбцов, которые находятся рядом, с целью, которую выбрал участник исследования. Это приводит к непреднамеренному увеличению амплитуды P300 [10]. Современные исследователи пытаются решать эти проблемы разными способами. Например, в недавней работе Yu с соавторами в качестве указателя для букв использовалось изображение человеческого лица. В исследовании с участием 15 участников (8 из которых были пациентами с синдромом деэфферентации) проводилось сравнение между стандартной формой выделения букв (путем подсвечивания) и нестандартной (буквы закрывались изображениями лиц). Для решения проблемы смежности вместо выделения строк и колонок букв использовалась подсветка их случайного набора (рис. 6).

В первом случае от участника требовалось подсчитывать число раз, когда целевая буква подсвечивается. Во втором — число раз, когда целевую букву закрывает лицо. Полученные данные показали, что при работе с “лицевым” интерфейсом в течение получаса редукции амплитуды P300 не наблюдалось [40].

Спектральные характеристики ЭЭГ. Помимо выделения потенциалов, связанных с событием, в разработке ИМК используются и другие электрофизиологические феномены. В настоящем разделе речь пойдет о выделении связанной с событием десинхронизации (event related desynchronization, ERD) и связанной с событием синхронизации (event related synchronization ERS) ритмов.

Частотный (а иногда и визуальный) анализ электрической активности мозга позволяет выделить в ней ритмики, характеризующиеся разной частотой. Помимо этого определенные события могут привести к явлению десинхронизации — подавлению ритмики. Так, в ситуации спокойного бодрствования резкий звук или громкий хлопок может привести к исчезновению альфа-ритма. Это самый простой пример связанной с событиями десинхронизации (ССД).

Существуют критерии определения ССД, поэтому не каждое изменение в ритмике ЭЭГ может им называться. Данное понятие применимо только в том случае, если мощность ритма ярко выражена за несколько секунд до события и исчезает после него. То же самое можно говорить и о связанной с событиями синхронизации: мощность ритма не должна быть значительной за несколько секунд до события и должна появиться после него [26].

Необходимость анализа спектра налагает определенные условия на процедуру выявления ССД. Для оценки спектра следует анализировать достаточно продолжительные интервалы до и после

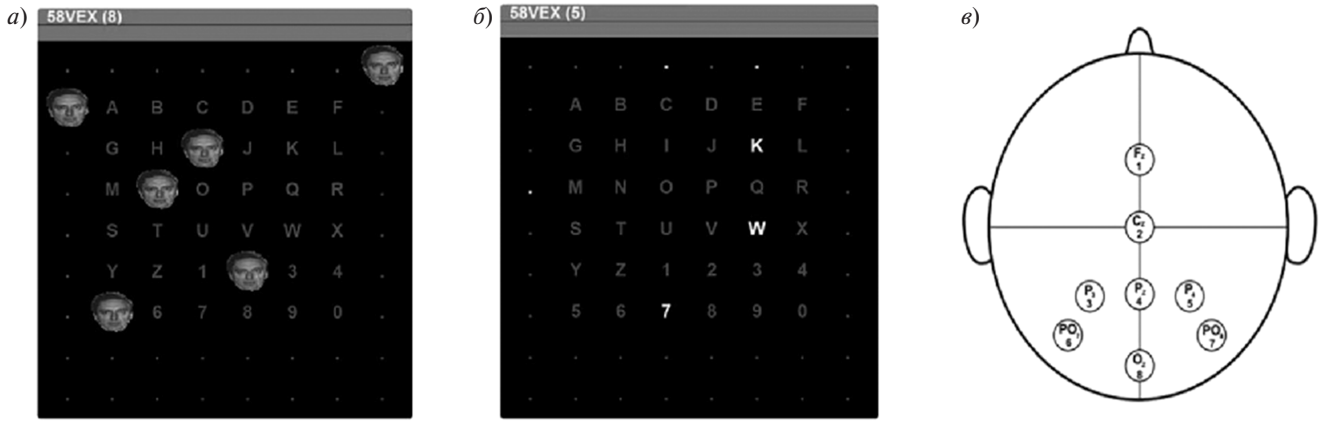


Рис. 6. Экран с ИМК, основанном на выделении P300: *а* — серия с использованием лиц; *б* — серия с использованием подсветки; *в* — области регистрации вызванной активности (взято из [40])

события. В ситуации, когда стимуляция осуществляется неоднократно, неотъемлемой частью анализа данных является усреднение [26].

Применительно к ИМК в литературе, как правило, упоминается роландический (мю) ритм. По частоте данный ритм входит в альфа-диапазон (частота роландического ритма составляет 8–13 Гц). Топографически роландический ритм регистрируется только над центральной (роландовой) бороздой коры больших полушарий [26].

Важнейшим свойством данного ритма является его десинхронизация при произвольном движении. При этом полушарие, где наблюдается десинхронизация, контрлатерально конечности, производящей это движение [26].

Помимо этого ССД роландического ритма наблюдается не только при реальном, но и при воображаемом движении [27].

Именно эти свойства и сделали данный ритм объектом в исследованиях ИМК.

В работе Wolpaw с соавторами люди обучались произвольно контролировать роландический ритм для управления курсором на экране монитора компьютера. Регистрация осуществлялась при помощи 64 электродов. Полученные данные обрабатывались при помощи компьютерной программы (рис. 7).

В ходе 5–10 занятий по 30 мин, проводившихся в течение 2–3 недель, участники исследования смогли обучиться эффективному управлению собственными ритмами. Авторы отмечают, что вначале участникам требовалось воображать некое движение, чтобы взять ритмы под контроль. По мере дальнейшего обучения образы использовались все

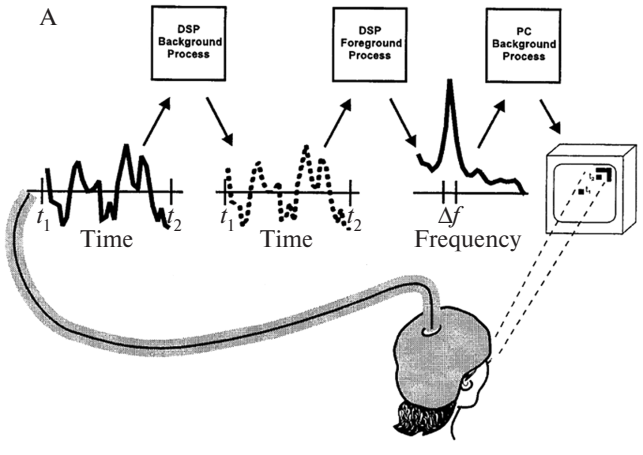


Рис. 7. Организация исследования Wolpaw с соавторами. На рисунке схематично отображен процесс цифровой обработки сигнала ЭЭГ (DSP): разложение ритмики мозга в спектр и преобразование в команду управления курсором. Для удобства показано одно отведение (взято из [36])

реже, а пользователи перемещали курсор так, как выполняли бы обычные действия [36].

Помимо роландического ритма во многих исследованиях также показана эффективность использования бета-ритмики. Так, в исследовании McFarland с соавторами для управления курсором на экране компьютера использовался роландический и бета-ритмы (частоты от 18 до 25 Гц). Аналогично исследованию Wolpaw с соавторами участникам нужно было воображать движение. При воображении была показана десинхронизация как мю-, так и бета-ритмов [24].

Одной из перспективных областей применения ИМК на основе анализа ритмов является нейропротезирование — создание приборов, которые позволят ограниченному в подвижности человеку выполнять различные действия. Анализ связанных с воображением движений изменений ритма над сенсомоторными областями коры показывают принципиальную возможность выделить и классифицировать паттерны активности мозга, характерные для достаточно сложных движений [39]. В работе Mishchenko с соавторами была предпринята попытка использовать воображение движений для управления роботом-манипулятором. Участников просили воображать движения руками и ногами. Нейрональный паттерн, связанный с воображением определенного движения, служил командным сигналом для управления роботом. Так, воображение движения правой и левой рукой использовалось для поворота робота-манипулятора вправо и влево, а воображение движения левой и правой ногой служило командами к движению манипулятора вперед и назад. Для сжимания и разжимания клешни манипулятора были использованы паттерны, связанные с воображением движения языка. Следует отметить, что для эффективного выделения паттернов требовалось 15-минутное обучение классификатора. В эксперименте участвовало 12 человек. Точность распознавания команд у всех участников оказалось высокой. У троих она достигла 80–90%. Для некоторых участников при выполнении тестового задания (было необходимо, чтобы робот выполнил некоторые действия) требовалось 5–10 с для генерации команды на выполнение одного движения [25].

В работе Rodríguez-Bermúdez с соавторами схожая методика был использована для “управления самолетом”. По указанию стрелки на экране компьютера участники должны были представить те движения, которые надо было производить для направления самолета вправо (перемещение руля вправо правой рукой и одновременное нажатие

правой ногой на педаль) или влево. Анализировалась электрическая активность мозга в альфа- (8–12 Гц) и бета-диапазоне (полоса 16–24 Гц). В ходе обучения некоторые участники смогли достичь высокой точности в управлении. Интересно отметить, что бывшие пилоты (которые были в числе участников) справлялись с заданием более эффективно, чем те, кто пилотами не был [30].

Одним из существенных ограничений в использовании подобного ИМК для нейропротезирования является необходимость визуальной обратной связи при обучении управлению движениями. Как в случае с роботом-манипулятором, так и в случае с курсором пользователь должен видеть результат собственных усилий. Между тем для обучения управлению гипотетической роботизированной конечностью подобная обратная связь вряд ли будет очень эффективной. Целый ряд исследований был посвящен замене визуальной обратной связи на вибротактильную, при которой сигнал об успешности управления передается при помощи вибромоторчика, установленного на поверхности тела пользователя.

В работе Chatterjee с соавторами для управления курсором мыши на экране монитора компьютера было использовано воображение движения. Однако изображение курсора не только отображалось визуально, но и передавалось тактильно при помощи вибротактильного раздражителя, установленного на верхнюю конечность. Было показано, что участники способны управлять курсором, используя только вибротактильную обратную связь. При этом точность верного опознания сигнала составляла в среднем от 56 до 72% [7].

Способность к обучению управлению движениями на основе только вибротактильной обратной связи без визуальной обратной связи (участники были с закрытыми глазами) показана в работе Либуркиной и коллег [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой части обзора были описаны наиболее распространенные принципы ИМК технологий, основанных на регистрации ЭЭГ. Их применение обеспечивает достаточно высокий процент опознания управляющего сигнала. В исследованиях большинства авторов средняя точность опознания команды колеблется от 56 до 72% [7], а также 80.2% [12] и даже более [32]. При этом опыт пользователя оказывает значительное влияние на точность опознания [30]. Так, при использовании МПК обучение оператора может повысить его точность до уровня 90% и более [20].

Значительно хуже обстоит дело со скоростью передачи команд от пользователя. Генерацию одной команды управления длительностью от 5 до 10 с [25] и скорость набора на виртуальной клавиатуре от девяти [17] до шести символов в минуту [32] быстрыми назвать нельзя. Если учесть, что в некоторых случаях требуется время для обучения и самого классификатора управляющих сигналов [25], то можно констатировать, что основной проблемой ИМК-технологий, основанных на регистрации ЭЭГ, является медленная скорость генерации команд. Применение столь медленных средств генерации команд непривлекательно для обычного пользователя. Высокие показатели точности ситуацию исправить не могут.

В связи с этим наряду с ИМК, основанными на регистрации ЭЭГ, многие исследователи пытаются создать зависимые ИМК: интерфейсы, основанные на регистрации движений глаз, и их “гибридные” варианты. Такие ИМК требуют меньше времени для обучения и отличаются относительно более высокой скоростью генерации команд. О них и пойдет речь в следующей части обзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
REFERENCES

1. *Akbari H.*, *Khalighinejad B.*, *Herrero J.*, *Mehta A.*, *Mesgarani N.* Towards reconstructing intelligible speech from the human auditory cortex // Sci rep. 2019. № 9 (1). P. 1–12. DOI: 10.1038/s41598-018-37359-z
2. *Allison T.* Recovery functions of somatosensory evoked responses in man // Electroencephalogr Clin Neurophysiol. 1962. № 14. P. 331–343. DOI: 10.1016/0013-4694(62)90110-4
3. *Banerjee A.*, *Monalisa P.*, *Datta S.*, *Tibarewala D.*, *Konar A.* Voluntary eye movement controlled electrooculogram based multitasking graphical user interface // International Journal of Biomedical Engineering and Technology. 2015. № 18 (3). P. 254–271. DOI: 10.1504/IJBET.2015.070574.
4. *Belkacem A.*, *Jamil N.*, *Palmer J.*, *Ouhbi S.*, *Chen C.* Brain computer interfaces for improving the quality of life of older adults and elderly patients // Frontiers in neuroscience. 2020. № 14 (692). P. 1–11. DOI: https://doi.org/10.3389/fnins.2020.00692
5. *Birbaumer N.*, *Elbert T.*, *Canavan A.G.*, *Rockstroh B.* Slow potentials of the cerebral cortex and behavior // Physiological Reviews. 1990. № 70 (1). P. 1–41. DOI: 10.1152/physrev.1990.70.1.1
6. *Birbaumer N.*, *Kubler A.*, *Ghanayim N.*, *Hinterberger T.*, *Perelmouter J.*, *Kaiser J.*, *Iversen I.*, *Kotchoubey B.*,

Neumann N., *Flor H.* The thought translation device (TTD) for completely paralyzed patients // IEEE Trans Rehabil Eng. 2000. № 8. P. 190–192.

7. *Chatterjee A.*, *Aggarwal V.*, *Ramos A.*, *Acharya S.*, *Thakor N.V.* A brain-computer interface with vibrotactile biofeedback for haptic information // Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation // 2007. № 4 (40). P. 1–12. DOI: 10.1186/1743-0003-4-40
8. *Elbert T.*, *Rockstroh B.*, *Lutzenberger W.*, *Birbaumer N.* Biofeedback of slow cortical potentials // Electroencephalography and Clinical Neurophysiology. 1980. № 48 (3). P. 293–301. DOI: 10.1016/0013-4694(80)90265-5
9. *Farwell L.*, *Donchin E.* Talking off the top of your head: toward a mental prosthesis utilizing event-related brain potentials // Electroencephalogr Clin Neurophysiol. 1988. № 70 (6). P. 510–523. DOI: 10.1016/0013-4694(88)90149-6
10. *Fazel-Rezai R.* Human error in P300 speller paradigm for brain-computer interface // Annu Int Conf IEEE Eng Med Biol Soc. 2007. P. 2516–2519. DOI: 10.1109/IEMBS.2007.4352840
11. *Fenn J.*, *Raskino M.* Mastering the hype cycle: how to choose the right innovation at the right time. Harvard Business School Press, 2008.
12. *Guger C.*, *Allison B.*, *Growindhager B.*, *Pruckl R.*, *Hintermuller C.*, *Kapeller C.*, *Bruckner M.*, *Krausz G.*, *Edlinger G.* How many people could use an SSVEP BCI? // Front Neurosci. 2012. № 6 (169). P. 1–6. DOI: 10.3389/fnins.2012.00169
13. *Herrmann C.* Human EEG responses to 1–100 Hz flicker: resonance phenomena in visual cortex and their potential correlation to cognitive phenomena // Exp. Brain Res. 2001. № 137 (3–4). P. 346–53. DOI: 10.1007/s002210100682
14. *Hongmei C.*, *Qin J.*, *Wenzhang L.*, *Xiujun L.* Review article: the key technologies of brain-computer interface // Journal of Physics: Conference Series. 2020. DOI: 10.1088/1742-6596/1544/1/012190
15. *Hotson G.*, *Mcmullen D.*, *Matthew F.*, *Johannes M.*, *Katyal K.*, *Para M.*, *Armiger R.*, *Anderson W.*, *Thakor N.*, *Wester B.* Individual finger control of a modular prosthetic limb using high-density electrocorticography in a human subject // Journal of neural engineering. 2016. № 13 (2). DOI: 10.1088/1741-2560/13/2/026017
16. *Huggins J.*, *Wren P.*, *Gruis K.* What would brain-computer interface users want? Opinions and priorities of potential users with amyotrophic lateral sclerosis // Amyotrophic lateral sclerosis, 2011. № 12 (5). P. 318–324. DOI: 10.3109/17482968.2011.572978
17. *Hwang H.*, *Lim J.*, *Jung Y.*, *Choi H.*, *Lee S.*, *Iim C.* Development of an SSVEP-based BCI spelling system adopting a QWERTY-style LED keyboard // J Neurosci Methods. 2012. № 208 (1). P. 59–65. DOI: 10.1016/j.jneumeth.2012.04.011
18. *Jacob R.* Eye movement-based human-computer interaction techniques: toward non-command interfaces // Advances in human-computer interaction. 1993. V. 1. № 4. P. 151–190.
19. *Kelly S.*, *Lalor E.*, *Finucane C.*, *Mcdarby G.*, *Reilly R.* Visual spatial attention control in an independent brain-computer interface // EEE trans biomed eng. 2005. V. 9. № 52. P. 1588–1596. DOI: 10.1109/TBME.2005.851510
20. *Kubler A.*, *Neumann N.*, *Kaiser J.*, *Kotchoubey B.* Brain-computer communication: self-regulation of slow cortical potentials for verbal communication // Archives of physical medicine and rehabilitation. 2001. V. 11. № 82. P. 1533–1539. DOI: 10.1053/apmr.2001.26621
21. *Liburkina S.*, *Vasilyev A.*, *Yakovlev L.*, *Gordleeva S.*, *Kaplan A.* A motor imagery-based brain–computer interface with vibrotactile stimuli // Neuroscience and behavioral physiology. 2018. V. 1. № 48. P. 1067–1077. DOI: 10.1007/s11055-018-0669-2
22. *Lim J.*, *Kim Y.*, *Lee J.*, *An K.*, *Hwang H.*, *Cha H.*, *Han C.*, *Im C.* An emergency call system for patients in locked-in state using an SSVEP-based brain switch // Psychophysiology. 2017. V. 11. № 54. P. 1632–1643. DOI: 10.1111/psyp.12916
23. *Lyskov E.*, *Ponomarev V.*, *Sandstrom M.*, *Mild K.*, *Medvedev S.* Steady-state visual evoked potentials to computer monitor flicker // Int j psychophysiol. 1998. V. 3. № 28. P. 285–290. DOI: 10.1016/s0167-8760(97)00074-3
24. *Mcfarland D.*, *Sarnacki W.*, *Wolpaw J.* Electroencephalographic (EEG) control of three-dimensional movement // J neural eng. 2010. V. 3. № 7. DOI: 10.1088/1741-2560/7/3/036007
25. *Mishchenko Y.*, *Kaya M.*, *Ozbay E.*, *Yanar H.* Developing a three- to six-state EEG-based brain-computer interface for a virtual robotic manipulator control // IEEE trans biomed eng. 2019. V. 4. № 66. P. 977–987. DOI: 10.1109/TBME.2018.2865941
26. *Pfurtscheller G.*, *Da Silva L.* Event-related EEG/MEG synchronization and desynchronization: basic principles // Clin neurophysiol. 1999. V. 11. № 110. P. 1842–1857. DOI: 10.1016/s1388-2457(99)00141-8
27. *Pfurtscheller G.*, *Neuper C.* Motor imagery activates primary sensorimotor area in humans // Neurosci lett. 1997. V. 2. № 239. DOI: 10.1016/s0304-3940(97)00889-6
28. *Picton T.* The P300 wave of the human event-related potential // Journal of clinical neurophysiology: official publication of the American electroencephalographic society. 1992. № 9. P. 456–479. DOI: 10.1097/00004691-199210000-00002
29. *Ravden D.*, *Polich J.* Habituation of P300 from visual stimuli // Int j psychophysiol. 1998. V. 3. № 30. P. 359–365. DOI: 10.1016/s0167-8760(98)00039-7
30. *Rodriguez-Bermudez G.*, *Lopez-Belchi A.*, *Girault A.* Testing brain-computer interfaces with airplane pilots under new motor imagery tasks // International journal of computational intelligence systems. 2019. P. 1–10. DOI: 10.1016/s0167-8760(98)00039-7
31. *Schalk G.*, *Leuthardt E.* Brain-computer interfaces using electrocorticographic signals // IEEE reviews in

biomedical engineering. 2011. № 4. P. 140–154. DOI: 10.1109/RBME.2011.2172408

32. *Speier W.*, *Chandravadia N.*, *Roberts D.*, *Pendekanti S.*, *Pouratian N.* Online BCI typing using language model classifiers by ALS patients in their homes // Brain-computer interfaces. 2016. V. 1. № 4. P. 114–121. DOI: 10.1080/2326263x.2016.1252143
33. *Vidal J.* Real-time detection of brain events in EEG // Proceedings of the IEEE. 1977. V. 5. № 65. P. 633–641. DOI: 10.1109/PROC.1977.10542
34. *Walter W.*, *Cooper R.*, *Aldrige V.*, *Mccallum W.*, *Wintter A.* Contingent negative variation: an electric sign of sensorimotor association and expectancy in the human brain // Nature. 1964. V. 203. № 25. P. 380–384. DOI: 10.1038/203380a0
35. *Wolpaw J.*, *Birbaumer N.*, *Mcfarland D.*, *Pfurtscheller G.*, *Vaughan T.* Brain-computer interfaces for communication and control // Clinical neurophysiology. 2002. V. 6. № 113. P. 767–791. DOI: 10.1016/s1388-2457(02)00057-3
36. *Wolpaw J.*, *Mcfarland D.*, *Vaughan T.* Brain-computer interface research at the Wadsworth Center // IEEE trans rehabil eng. 2000. V. 2. № 8. P. 222–225. DOI: 10.1109/86.847823
37. *Woodman G.* A brief introduction to the use of event-related potentials in studies of perception and attention // Atten percept psychophys. 2010. V. 8. № 72. P. 2031–2046. DOI: 10.3758/APP.72.8.2031
38. *Wronka E.*, *Kaiser J.*, *Coenen A.* Neural generators of the auditory evoked potential components P3a and P3b // Acta neurobiol exp (wars). 2012. V. 1. № 72. P. 51–64.
39. *Yi W.*, *Qiu S.*, *Qi H.*, *Zhang L.*, *Wan B.*, *Ming D.* EEG feature comparison and classification of simple and compound limb motor imagery // Journal of neuroengineering and rehabilitation. 2013. V. 1. № 10. DOI: 10.1186/1743-0003-10-106
40. *Yu X.*, *Da Silva-Sauer L.*, *Donchin E.* Habituation of P300 in the use of P300-based brain-computer interface spellers: individuals with amyotrophic lateral sclerosis versus age-matched controls // Clinical EEG and neuroscience. 2020. V. 3. № 52. P. 221–230. DOI: 10.1177/1550059420918755
41. *Zander T.*, *Kothe C.* Towards passive brain-computer interfaces: applying brain-computer interface technology to human-machine systems in general // J neural eng. 2011. V. 2. № 8. DOI: 10.1088/1741-2560/8/2/025005
42. *Zhu D.*, *Bieger J.*, *Molina G.*, *Aarts R.* A survey of stimulation methods used in SSVEP-based BCIs // Computational intelligence and neuroscience. 2010. № 1. P. 1–12. DOI: 10.1155/2010/702357

BRAIN-COMPUTER INTERFACE: BASIC APPROACHES PART I. BCI BASED ON REGISTRATION OF BRAIN ELECTRICAL ACTIVITY[2]

A. A. Medyntsev

Institute of Psychology, *Russian Academy of Sciences*;
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bldg. 1*, *Russia*.
Researcher.
E-mail: *MedyncevAA@ipran.ru*

Received 27.05.2021

Abstract. An informative and analytical review of the basic principles underlying the development of brain-computer interfaces is presented. Analysis of principles underlying interfaces using brain electrical activity recording is made in the first part of the review. As such, the following principles are considered: the use of sustained visual evoked potentials, slow cortical potentials, the P300 component, and the characteristics of the electrical activity spectrum of the brain. An analysis of contemporary works on this subject shows that modern technology allows for a sufficiently high accuracy of control signal recognition in such interfaces. However, the main problem is the slow (compared to traditional interfaces) speed of command generation. This problem is a serious obstacle in the way of introduction of non-invasive neuro-interfaces technology into the field of practical application.

Keywords: brain-computer interface, EEG, P300, slow cortical potentials.

[2] The work was carried out under Government Order No. 0138-2022-0009.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 83-94

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.019

ИСТОКИ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАБОТЕ В. М. БЕХТЕРЕВА "СОЗНАНИЕ И ЕГО ГРАНИЦЫ"[1]

© 2022 г. Л. М. Попов*, П. Н. Устин**

Казанский (Приволжский) федеральный университет;
420021, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 1, Республика Татарстан, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор кафедры клинической психологии и психологии личности Института психологии и образования.*
E-mail: Leonid.Popov@inbox.ru
***Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Института психологии и образования.*
E-mail: pavust@mail.ru

Поступила 03.08.2021

Аннотация. Показаны основные этапы научной работы В.М. Бехтерева, связанные с построением им модели сознания. В.М. Бехтерев как основатель нейронаук рассматривал человека как психофизиологический феномен и определил мозг с его нейроорганизацией в качестве центрального психофизиологического органа, познание которого следует делать комплексно. Сознание как функция мозга с его способностью отражать окружающий мир, адаптироваться к нему и преобразовать его было определено им как важнейший фактор поведения. Модель сознания, предложенная В.М. Бехтеревым, включала шесть форм его проявления, создающих шестиступенчатую структуру. С позиций современной когнитивно-поведенческой психологии в ней следует выделить пространственно-временную, личностно-нравственную и рефлексивную составляющие (слои) сознания. Представления пространства и сознание времени создают пространственно-временной слой сознания. Временная часть этого слоя отражает действенную, а пространственная — продуктную стороны сознания. Представление — это общий элемент сознания, который в понимании В.М. Бехтерева соединяет в себе и образ восприятия, и воспоминательный образ, и понятие, и состояние. Источником активности всего живого, в том числе сознания и бессознательной сферы, определена скрытая энергия — потенциал, который накапливается в организме при воздействии на живое существо извне и изнутри. Концепция сознания В.М. Бехтерева в сжатом виде содержит представления о будущих элементах когнитивно-поведенческой теории. Это пространственно-временные представления, выход сознания за пределы человека, детерминация познания и поведения внешними и внутренними условиями, энергетический источник активности, трансформация ступеней в уровневую организацию, подверженность когнитивных структур развитию и разрушению ("обратный метаморфоз"), сочетание аналитичности и целостности, отраженные в его лозунге — "Познать человека и помочь ему".

Ключевые слова: история психологи, когнитивно-поведенческая психология, В.М. Бехтерев, сознание, модель, пространство, время, энергия.

DOI: 10.31857/S020595920018770-3

Предметом нашего исследования в год 165-летней годовщины со дня рождения В.М. Бехтерева стала его статья "Сознание и его границы" [5, с. 274–301].

Поводом обращения стал вопрос о том, в какой мере и какие идеи современной когнитивно-поведенческой психологии были представлены в творчестве Бехтерева периода осмысления места психологии в жизнедеятельности человека, что нашло отражение в его книге "Психика и жизнь" [5], куда вошла и данная статья.

Ранее при обосновании концептуальных основ когнитивно-поведенческой психологии студентов [23] были приняты во внимание следующие методологические положения работ отечественных психологов:

— познавательная сфера субъекта всегда обусловлена эффектом субъект-объектного и субъект-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00253 "Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности на базе социальных сетей").

субъектного взаимодействия (П.К. Анохин, Я.А. Пономарев, С.Л. Рубинштейн);

— наибольший эффект в реализации действия в сложных функциональных системах достигается взаимоСОдействием всех структур организма и подчинением их действий решению главной на данный момент проблемы (П.К. Анохин, Ю.И. Александров);

— любое взаимодействие сопряжено с "субъективной окраской" действующих субъектов (В.М. Бехтерев) и их психологическим пространством (А.Л. Журавлев);

— познавательное действие строится с учетом меры включения психологического механизма интеллектуально-деятельностного развития инициатора действия (Я.А. Пономарев, Л.М. Попов);

— интеллектуально-деятельностные процессы осуществляются в соответствии с законом ритма (В.М. Бехтерев), в виде постоянных взаимопереходов друг в друга (А.Н. Леонтьев) и движений в зоны потенциального развития (Л.С. Выготский).

В психологии имеются различные теории и практики, связанные с когнитивно-поведенческим подходом. Это когнитивная психология (Д. Миллер, Д. Брунер, У. Найссер [27] и др.); поведенческая психология (Д.Б. Уотсон, Б.Ф. Скиннер, Дж. Роттер [27] и др.); социально-когнитивная психология (А. Бандура [27]); когнитивно-поведенческая психотерапия (А. Бек [29] и др.). Однако собственно когнитивно-поведенческая психология к настоящему времени не зафиксирована как отдельная теория и находится на стадии своего формирования [23]. По мнению авторов, современная когнитивно-поведенческая психология должна включать в предмет своего исследования прежде всего: явления интеллекта; его проявления на нейронном уровне; выраженность интеллектуальных действий во вне (деятельность, общение, поведение), что чаще всего выражается обобщенным термином "поведение". В интеллекте как аппарате живой системы по специфической ориентации субъекта во времени и пространстве процесс является временной характеристикой, а продукт — пространственной характеристикой. Функционирование системы осуществляется путем перехода процесса в продукт и обратно: "процесс угасает в продукте" [21]. Детерминация любого интеллектуального акта внешними и внутренними (самодетерминация) условиями — также предмет когнитивно-поведенческой психологии. Наконец, способность субъекта осознавать процесс решения проблемы, характер детерминант и свои возможности (интеллектуальные, волевые) соотносится с рефлексией [11] и является необходимым звеном обратной связи в когнитивно-поведенческой психологии.

Сознание — это интегральная характеристика когнитивных, регулятивных, коммуникативных способностей субъекта [16], составляющих взаимосвязанное единство, проявляемое при необходимости осознать какое-либо явление или принять действенное решение. Актуальность изучения сознания — предмета изучения социально-гуманитарных (психология, лингвистика, социология, философия) и естественных (физиология, физика) наук — обусловлена поиском нейропсихологических механизмов "управления массовым сознанием" [9], а также методами воздействия на "психогенно обусловленные нарушения сознания" [9]. Актуальность обращения В.М. Бехтерева к необходимости единения наук о мозге как основном физиологическом органе функционирования сознания отражает один из основных вызовов "духа времени" (конец XIX и начало XX в.) — понять сознание в рамках естественнонаучной (экспериментальной) парадигмы. В настоящее время данный подход также не теряет своей актуальности и находит отражение прежде всего в зарубежных экспериментальных исследованиях по поиску нейронных коррелятов сознания (Б. Баарс [27], С. Деан, Л. Наккаш [30] и др.).

Цель состоит в том, чтобы на основе содержания статьи В.М. Бехтерева "Сознание и его границы" и сопряженных с ней материалов книги "Психика и жизнь" выявить элементы когнитивно-поведенческой психологии задолго до того, как они стали составлять ее каркас в настоящее время. Осуществление цели представлено в следующих четырех направлениях:

— фон и итоги научной социализации В.М. Бехтерева в условиях неопределенности;

— неоднозначность оценки энергетизма в психологии;

— истоки когнитивно-поведенческой концепции сознания В.М. Бехтерева с учетом форм представлений, уровневой трансформации и тенденции "развитие—разрушение";

— основные составляющие (слои) сознания по В.М. Бехтереву в соотнесении с современной позицией отечественной психологии.

НАУЧНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В.М. БЕХТЕРЕВА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.М. Бехтерев — сторонник эволюционного происхождения человека — считал, что на человека и его психику, сознание распространяются все законы Вселенной. В определенной степени он следовал физико-математической парадигме устройства мира, в котором при всей его неопределенности шла опора на общенаучные категории пространства и времени, материи, энергии и информации [3]. Сторонники биологической эволюции считают, что психика возникла как инструмент адаптации животных к среде, а среда, по заключениям А. Эйнштейна и В. Гейзенберга, настолько неопределенна, что нельзя найти единственно правильную точку отсчета [3; 7].

В психологии явление неопределенности было охарактеризовано еще в 40-е годы прошлого столетия Э. Френкель-Бруневик [25]. Отмечалось, что часть людей, толерантных к неопределенности, принимают ее, даже ведут "активный поиск ее, ибо она воспринимается как желанная, стимулирующая, создающая чувство комфорта и удовольствия... удовлетворяя потребности в самореализации и самоактуализации" [Там же, с. 5]. Для людей, толерантных к неопределенности, свойственно размышлять над проблемой, принимать конфликты и напряжение, быть способным воспринимать неизвестное и выдерживать напряжение в кризисных ситуациях. В то время как интолерантная к неопределенности личность воспринимает неопределенность как угрозу, видит мир в черно-белых тонах, предпочитает знакомое незнакомому, стремится избегать неясного и неконкретного [Там же, с. 10].

Принятие *принципа неопределенности* предполагает, что субъект деятельности, принимая решение, задействует все когнитивные и личностные ресурсы, необходимые для достижения результата [12]. Человек при этом выходит за пределы себя, становится тем, кому "больше всех надо " [14, с. 130], происходит его становление, связанное "не столько с работой над собой, сколько с работой над чем-то в мире, что имеет смысл" [Там же, с. 132], вкладывает свои ресурсы: время, деньги, здоровье [14, с. 135].

В жизни человека определенность и неопределенность взаимопереходящи. Жизнь и научное творчество В.М. Бехтерева — наглядный пример того, как надо строить свою жизнь в условиях, когда определенность сменяется неопределенностью. Постоянное движение от неопределенности к определенности и вновь к неопределенности ("я знаю, что ничего не знаю") — путь неутомимого ученого, что уместно связать с понятием "научная социализация". Согласно позиции теоретика социологии Т. Парсонса, социализация — это процесс, посредством которого личность становится членом социального сообщества и поддерживает этот статус. Э. Эриксон подчеркивал в социализации момент идентичности как осознания личностью чувства значимости своего бытия с позиции общества [20].

Введение понятия "*научная социализация*" позволяет понимать ее как вхождение человека в научное сообщество, с которым он стремится идентифицироваться, добиться определенного статуса, подтвержденного его компетенцией и способностью создавать оригинальную научную продукцию, которая признается как нечто значимое научным сообществом.

Научная социализация Бехтерева проходила в постоянно изменяющихся условиях, в которых он проявлял себя как личность, толерантная к неопределенности. Так, после окончания академии и защиты диссертации В.М. Бехтерев выиграл конкурс на получение стипендии для стажировки в Европейских научных центрах. Он отправляется в неизвестную ему Европу, где знакомится (социализируется) с состоянием психиатрии и экспериментальной психологии Вестфаля и Менделя в Берлине, Шарко в Париже, в физиологическом институте Дюбуа-Раймона в Берлине, в лаборатории Флексига, в институте Людвига в Лейпциге, в лаборатории экспериментальной психологии профессора В. Вундта, в лабораториях анатома и психиатра Гуддена в Мюнхене и знатока мозга Мейнерта в Вене [10].

В.М. Бехтерев жадно впитывал в себя сведения о морфологии, анатомии, психиатрии и психологии, физиологии нервной системы человека, методах воздействия на него. Синтез полученных представлений привел его к определенному выводу — в основе управления жизнедеятельностью организма лежит деятельность мозга, которую можно постигнуть только путем объединения наук. Понять работу мозга — значит понять поведение [15].

Определенность научной позиции пришла в соприкосновении с неопределенностью новой жизни, когда он после европейской стажировки начал работать в новом для себя Казанском университете, где впервые в России создал психофизиологическую лабораторию (1885), впервые организовал научный журнал "Неврологический вестник" (1893). На основе идеи *единства наук о мозге* в Казани оформилась первая научная школа В.М. Бехтерева, объединяющая специалистов

по физиологии, гистологии, биохимии, фармакологии, зоологии [10].

Полная неопределенность в сочетании со склонностью к созданию амбициозных проектов у Бехтерева была и с идеей создания научно-учебного Психоневрологического института (1908 г.), когда “средств не было... ничего не было, кроме хорошо устроенной головы инициатора” [Там же, с. 12]. Благодаря организаторскому таланту ученого в короткое время на пустыре выросло 10 корпусов с обширной лабораторией, противоалкогольным, нервно-хирургическим, анатомическим, педагогическим институтами, клиникой нервных и душевных болезней, клиникой для эпилептиков, медицинским, юридическим и педагогическим факультетами [10].

ЭНЕРГЕТИЗМ БЕХТЕРЕВА

Оценивая научную деятельность Бехтерева, А.А. Смирнов посчитал, что одной из его крупных принципиальных ошибок был переход к энергетизму. Ошибочными были и его попытки свести законы развития природы и общества к единым принципам мирового процесса [25]. Но меняется время, меняются и оценки. С.Л. Рубинштейн на основе трудов П.Л. Капицы и А.Н. Колмогорова заключает, что на психическое распространяются всеобщие законы бытия [1]. Философ В.С. Степин также считает, что принципы познания в естественных и гуманитарных науках едины, а современная психология сознания должна рассматриваться во взаимосвязи с квантовой физикой [19]. А.Р. Лурия [17], Д.Б. Богоявленская [6], Н.И. Чуприкова [26] включают энергетическую составляющую в качестве подсистемы для энергетического и метаболического обеспечения отражательно-регулирующей функции мозга. Конструктивность концепции сознания Бехтерева и ее энергетической составляющей отмечает Г.В. Акопов [2]. В связи с этим считаем необходимым еще раз обратиться к дискуссионной проблеме энергетизма В.М. Бехтерева как того феномена, наличие которого создает возможности сближения психологии с естественными науками.

В конце XIX в. явление энергии стало соотноситься не только с миром физических объектов и процессов, но и с психикой. Психическая энергия стала предметом размышлений философа с психологическим уклоном Н.Я. Грота [5]. Он ввел понятие “психическая энергия” в психологию, определил, что она вместе с физической энергией составляет “единую мировую энергию” и что данные энергии взаимопереходят друг в друга. Психическая энергия проявляется в виде сознания, ощущения, чувствования, стремления и т.п. Человек как субъект и носитель сознания является непосредственным источником психической энергии. Н.Я. Грот также предположил, что энергия, не будучи “истощена жизнью”, переходит со всеми ее основными свойствами (сознанием и самосознанием) в другие тела или пространства.

Дискутируя с Н.Я. Гротом, В.М. Бехтерев признает наличие психического и физического, но не допускает переходов одного в другое. Он считает, что оба явления имеют “одну общую производящую их причину”, условно называемую “скрытой энергией” [5, с. 52]. Скрытая энергия “обнимает собой” как сознательные, так и бессознательные процессы, которые переходят друг в друга. Сознание проявляется тогда, когда скрытая энергия нервных центров “достигает наивысшего напряжения”, что обусловлено или силой внешних воздействий, или препятствиями в нервной системе [Там же, с. 54–55]. Источниками скрытой энергии являются как внешние источники, так и внутренние процессы питания и химизма тканей [Там же, с. 58–59]. При смерти организма скрытая энергия переходит в другие энергии природы. Бехтерев считал, что непознаваемая нами скрытая энергия является основной причиной стремлений, действий, поступков, и это в определенной степени сближает Бехтерева с З. Фрейдом [27], его понятием либидо как источником бессознательной (сексуальной) энергии.

Обращение к энергетической составляющей жизнедеятельности живого у Бехтерева обусловлено ее оценкой с позиции научных открытий в области поведения малейших частиц. Бехтерев вслед за Аристотелем, Спинозой придерживался позиции единства души (сознания) и тела, которые являются одной и той же субстанцией, неделимым целым и проявляются “то, как мышление, то, как протяженность”. Отсюда возникает интерес к малейшим частицам, которые, как, например, фотон, обладают одновременно двумя разными атрибутами — свойством волны и свойством частицы [26].

Признание наличия *психической энергии* и взаимопревращений энергии и материи дает основание взглянуть по-новому на сознание как “идеальное”. В этом случае идеальное можно трактовать как энергетическое проявление материальных процессов, проходящих в мозге. Сложность состоит в том, чтобы интерпретировать знания — главный атрибут когнитивной стороны сознания — как образно-знаковую форму энергетического воплощения всего того, что является результатом взаимодействия человека с миром и с самим собой.

Возвращаясь к критике А.А. Смирнова [24] по поводу энергетизма и подверженности жизнедеятельности человека основным природным законам, а также упреков в двойственности позиции Бехтерева [15] о признании им одновременно объективной (рефлексологической) и субъективной психологии, следует сказать, что Бехтерев как ученый и личность имел право на своего рода колебания, двойственность в вопросах о психологии как науки и практики. Он признавал, что личность есть "колеблющаяся величина" [4, с. 7], и каждый день дает ей новые возможности для осмысления бытия и своей позиции по отношению к нему. При всей колеблющейся позиции Бехтерев всегда был сторонником того, что человеческое поведение должно строиться с учетом деятельности мозга человека как субъекта познания, адаптации и преобразования Мира.

Прав американский философ С. Прист, который, являясь специалистом по сознанию, ратует за то, чтобы новая наука о человеке должна быть всесторонней и реалистичной. От нее будет требоваться понимание человеческого существа как "одновременно ментального и физического, индивидуального и социального, свободного и детерминированного, внутреннего и внешнего, предсказуемого и непредсказуемого" [13, с. 44]. Особенно эта двойственность — быть объективным ученым и действенным, помогающим врачом — была осознана Бехтеревым, принята и воплотилась в девизе, сформулированном им при открытии "Психоневрологического института" (1908): "Познать человека и помочь человеку".

КОНЦЕПЦИЯ СОЗНАНИЯ БЕХТЕРЕВА

Создавая свое понимание сознания [5, с. 274–301), Бехтерев анализирует представления о сознании Г.В. Лейбница, И.Г. Фихте, И.Ф. Гербарта, В. Вундта, Г. Спенсера, У. Гамильтона и др. В итоге, не претендуя на постижение сущности сознания, а стремясь прежде всего охарактеризовать его как некоторое "явление в природе", Бехтерев под *сознанием* понимал "ту субъективную окраску", состояние которой сопровождает многие психические процессы и благодаря которой можно различать эти процессы по их сложности и тем или другим присущим им особенностям. "Таким образом, — писал он, — мы различаем в нашем восприятии ощущение, представление, стремление, желание, хотение и пр., то есть те явления, сумма которых и составляет содержание нашего сознания" [Там же, с. 276]. Наряду с сознательными есть и бессознательные процессы, плюсом первых является то, что "они становятся явлениями субъективными, чего нет во-вторых" [5, с. 277].

В своей конструкции форм (видов) сознания Бехтерев выделяет шесть таких форм, "по присутствию в сознательной сфере тех или других представлений" [Там же, с. 278] нарастающей сложности.

Первая форма. Простейшая форма сознания, в которой нет ни одного более или менее ясного представления, есть лишь неясное безотносительное чувствование собственного существования.

Вторая форма. Это наиболее элементарная форма сознания, при которой в нем присутствует одна группа представлений о Я как субъекте в отличие от не-Я или объекте.

Третья форма. Сознание пространства как следующая по сложности форма сознания, когда человек может уже создавать пространственные представления об окружающем его мире, ориентироваться в окружающей обстановке.

Четвертая форма — сознание времени, когда человек улавливает последовательность внешних явлений.

Пятая форма — сознание своей личности. Это состояние сознания, когда в его сферу вводятся те ряды представлений, которые составляют интимное ядро личности: нравственные, религиозные, правовые и др. Здесь проявляется воля субъекта.

Шестая форма — самосознание, самопознавание. Это высшая ступень сознания, как состояние внутреннего мира, при котором человек обладает способностью произвольно вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, а также давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы [Там же, с. 278–279].

Общим и центральным для характеристики всех форм сознания является *понятие "представление"*: представление о Я как субъекте; пространственно-временные, нравственные, религиозные, правовые представления; рефлексивное представление, т.е. самопознавание (самосознание). В контексте анализируемых материалов представление как важнейшая характеристика сознания означает и процесс, и состояние, и результат (образ) жизнедеятельности субъекта.

Это говорит о многофункциональной нагрузке на данную категорию и слабой степени ее научно-психологической проработанности. В большей степени представление рассматривается как

характеристика содержания сознания на разных ступенях его развития в виде “воспоминательных образов”. Сознание в таком случае является хранилищем того, что когда-то было предметом перцепции и осталось в поле “общего” или “темного” сознания. Семантическая и действенная характеристика представлений многообразна. Представления “присутствуют”, “вырабатываются”, “вызываются”, “создаются”, “вводятся”, “меняются местами” во взаимодействии сознательного и бессознательного. Заметно, что действия субъекта по манипуляциям с представлениями имеют созерцательный (“присутствуют”), адаптационный (“вызываются”), преобразующий (“создаются”) характер. Тем самым в данной концепции сознания просматриваются его отражательно-регулятивная и преобразующая функции, что в последующем в “Философских тетрадях” В.И. Ленина (1908) связывается с изречением: “Сознание не только отражает, но и творит окружающий мир”.

Если Бехтерев рассматривает психику сквозь призму объективности, то сознание как индивидуальная характеристика человека связывается у него с “субъективной окраской” жизнедеятельности человека, с непосредственными “впечатлениями”. Впечатления как “первичные” образы, возникающие в процессе ощущений, могут поступать в мозг в виде “перцепированных” и “аперцепированных” представлений. Первые едва лишь достигают сферы сознания и часто остаются в общем, “темном поле сознания”. Вторые возникают в результате тех впечатлений, которые “припоминаются с особой живостью” и включаются субъектом в поле “ясного сознания”.

Бехтерев определяет ряд внутренних условий для внешних факторов, которые в качестве аперцепированных представлений могут войти в поле ясного сознания: сила чувств; резкость и новизна впечатлений; это то, что связано с “нравственным ядром” личности; то, что ожидается субъектом, когда “мнимое впечатление” аперцепируется прежде, чем происходит действительное [Там же, с. 295–296]. При этом Бехтерев поясняет, что внутренние условия срабатывают лишь в том случае, когда субъектом проявляется “чрезмерное напряжение внимания”.

В силу того что, по мысли Бехтерева, наше сознание имеет “тесные пределы” и не может реагировать одновременно “на множество внешних впечатлений”, в поле ясного сознания их вводится ограниченное число, порядка шести-семи. Если рассматривать сознание с позиций памяти (“представления”) как его доминирующей характеристики, то здесь речь идет об экспериментально установленном Бехтеревым объеме кратковременной памяти, т.е. объеме аперцепированного сознания.

Для полной картины сознания Бехтерев вместе с понятиями “ясное”, “темное”, “общее” поле сознания фиксирует внимание на роли и функциях бессознательной сферы. Отмечается динамическое *движение представлений*: многие из “раз возникших” и “поблекших затем” представлений исчезают из психической сферы лишь на время. Они переходят в бессознательную сферу, а при случае могут всплыть в виде “воспоминательных образов” [Там же, с. 298]. Бессознательная сфера, объем которой может быть очень обширным, сохраняет большинство “некогда ярко блиставших в сознании представлений”.

Важно зафиксировать то, что Бехтерев раньше З. Фрейда включил бессознательное как оно (id) в общую структуру психологической организации личности и показал его роль как “сокровищницу нашей души”, которой “великие творческие мысли обязаны” более бессознательной, нежели сознательной сфере [Там же, с. 299]. Именно неизученные до сих пор возможности бессознательной сферы, спрогнозированные Бехтеревым более 130 лет назад, привлекают внимание специалистов по изучению сознания (Г.В. Акопов [2], А.В. Карпов [11], В.Ф. Петренко, А.П. Супрун [19]), по поиску механизмов интуитивного озарения в когнитивистике (Я.А. Пономарев [21] и др.).

Все выделенные Бехтеревым шесть форм (видов) сознания представляют “различные степени развития его содержания” [5, с. 279]. При этом каждая последующая форма “предполагает и присутствие представлений, характеризующих все предшествующие формы сознания” [Там же, с. 279]. В данном случае впервые вводится в психологию идея философского закона отрицания отрицания, когда осуществляется явление “снятия” каждой следующей ступенью сознания информации предшествующих ступеней. Более законченно для методологии психологии этот закон был сформулирован Я.А. Пономаревым как принцип трансформации этапов развития явления в структурные уровни его организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий [21].

С позиции принципа трансформации концепция форм (ступеней) сознания, предложенная В.М. Бехтеревым, в нашей интерпретации может быть представлена на рис. 1. Здесь в системе пространственно-временных координат ось Y служит осью развития “чистого бытия” как его пространственной выраженности (Г. Гегель), а ось X — ось его временной развертки. При этом все шесть форм (ступеней)

сознания представляют структурно-уровневую организацию сознания с ее ярко выраженными пространственно-временным, личностно-нравственным и рефлексивным (самопознавание) уровнями организации. Первая ступень — это ступень предсознания, а относительно второй, особой группы — представлений Бехтерев отметил, что каждая из форм сознания предполагает "присутствие представлений, характеризующих все предшествующие формы сознания", кроме особой группы [5, с. 279]. Под особой группой, скорее всего, имелась в виду "группа представлений о Я" как субъекте в отличие от не-Я. Во всех остальных формах словосочетание "группа представлений" не использована.

Вместе с развитием сознания Бехтерев упоминает и "обратный метаморфоз", т.е. разрушение сознания. Это происходит в патологических случаях в виде прогрессирующего ослабления умственной сферы. При этом первоначально утрачивается способность самопознавания. Это верхняя ступень структуры сознания. Затем расстраиваются представления нравственной сферы, за ней — сознание времени, далее — осознание места [там же, с. 280]. Бехтерев отмечает, что сознание о я как субъекте остается ненарушенным. Следует еще раз заметить, что *идея взаимосвязи развития и разрушения* (регресса) впервые в психологии была представлена В.М. Бехтеревым в 1887 г. В последующем она нашла отражение в работах З. Фрейда (инстинкты жизни и смерти) и Э. Фромма (типология людей с биофильной и некрофильной ориентацией) [27].

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ (СЛОИ) СОЗНАНИЯ ПО В.М. БЕХТЕРЕВУ

На наш взгляд, целесообразно на базе двух форм представлений по Бехтереву (представление пространства и сознание времени) предложить пространственно-временную составляющую сознания как когнитивную характеристику сознания.

В действительности категории пространства и времени разделяются только в абстракции. По утверждению Я.А. Пономарева, пространственная составляющая когнитивности дает представление о продуктах взаимодействия субъекта с миром и с самим собой, а временная составляющая как сознание времени отражает процесс создания продукта: "процесс угасает в продукте" [21].

Бехтерев в рамках пространственно-временного континуума лишь наметил основные ориентиры когнитивных исследований сознания, однако в этом состоит его приоритетность в развитии когнитивистики. Границы современного представления

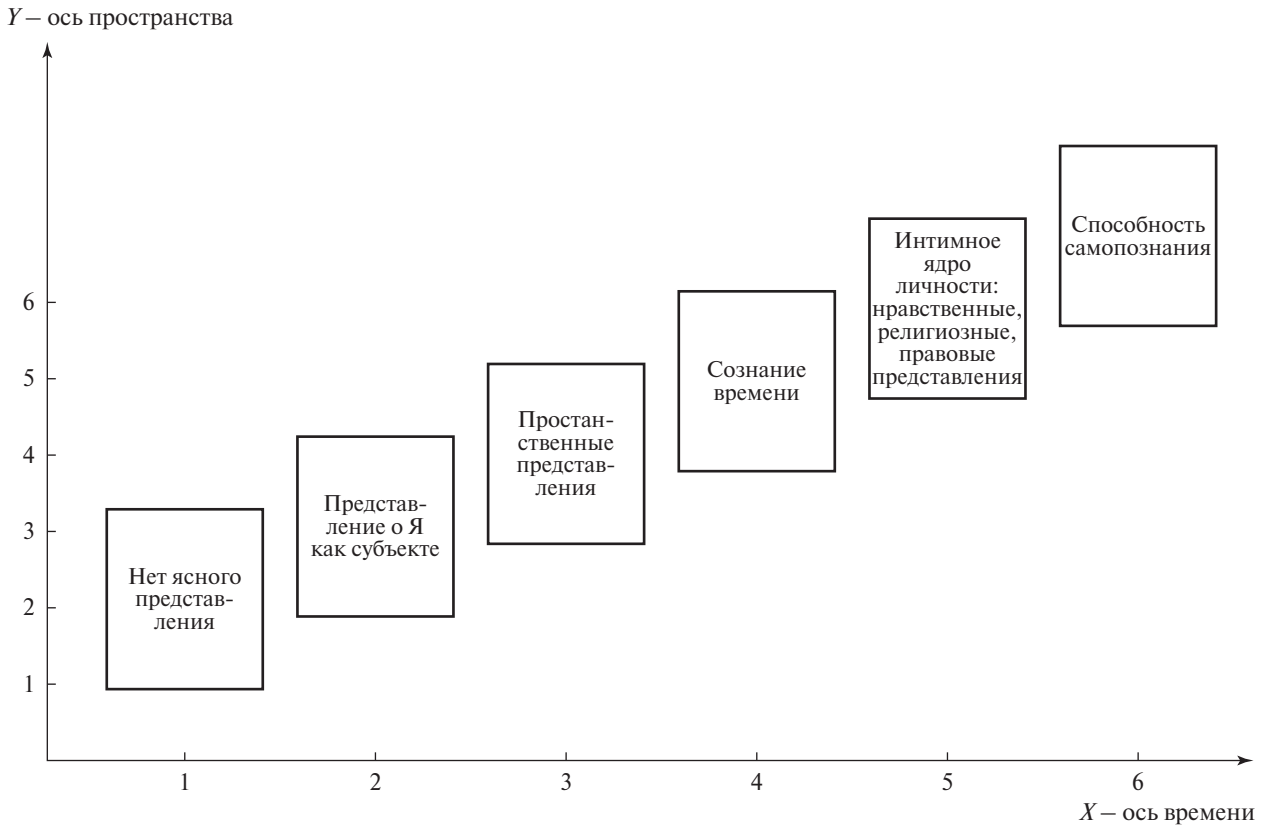


Рис. 1. Структурно-уровневая модель развития сознания по В.М. Бехтереву

пространственно-временных характеристик сознания определяются мерой разработки их содержания и новых способов, технологий исследования чувственного познания, памяти, мышления, творчества с их сферами сознательного и бессознательного.

Отметим, что, следуя Бехтереву, в наших исследованиях человека как субъекта саморазвития было введено понятие "пространственно-временной комплекс" [22] с динамической и статической составляющими. Сделана детальная проработка динамической составляющей пространственно-временного комплекса и его интеллектуально-деятельностного механизма. В функционировании комплекса нашли идеи ритма (взаимопереходов) В.М. Бехтерева и А.Н. Леонтьева. На основе идеи Л.С. Выготского о зонах ближайшего развития в комплексе представлены зоны развития: от репродуктивной до созидательной [Там же].

Предельной границей когнитивных действий субъекта в данной модели являются действия по созданию продукта и технологии уровня "для общечеловеческой культуры". Дальнейшее расширение границ сознания в части когнитивной составляющей может быть связано с погружением в нейропсихологические механизмы пространственно-временной жизнедеятельности субъекта. Такое направление обосновывается переходом от привычной пространственно-временной, объектной картины мира к квантовой парадигме мироустройства, где в центре внимания находится поведение микрочастиц материи и их переход в энергию [19].

В 90-е годы XIX в. В.М. Бехтерев погрузился в изучение жизнедеятельности и нейроустройства низкоорганизованных существ с целью найти начала проявления сознания. Аналогичные поиски вели известные ученые того времени (В. Вагнер, А.Я. Данилевский, А. Фаминцин и др.). В 1896 г. Бехтерев написал статью, где обосновал наличие "сознательности" даже у низкоорганизованных животных, а явления сознания рассматривал как продукт скрытой энергии [5, с. 53].

При этом он предложил рассматривать сознание в узком смысле (человеческое сознание) и в широком смысле, как сознание, выходящее за пределы человека. Под сознанием в широком смысле он понимал "все то, что вызывает внутреннюю или субъективную реакцию, как в форме самого элементарного и общего, то есть недифференцированного самоощущения, так и в форме сложных внутренних состояний, открываемых в нас путем самоанализа и называемых представлениями, понятиями, суждениями. Мы без сомнения не можем отказать в проявлениях элементарных проявлений сознания ... самым низшим из животных и даже растениям" [Там же, с. 76–77].

Стремясь понять *явление активности* на уровне живой клетки, Бехтерев, ссылаясь на позицию академика С.И. Коржинского, говорит о свойстве всех живых организмов — отвечать на внешнее раздражение. Это свойство, присущее плазме клетки, "творит явления, не имеющие аналогии среди мира неорганического" [Там же, с. 109].

Протоплазма состоит из множества элементов и является органом питания, воспроизведения и элементарной психики в форме простого самоощущения [Там же, с. 80]. Роль протоплазмы клетки состоит в способности принимать воздействия из окружающей среды и реагировать движением на ее малейшие изменения.

В стремлении Бехтерева распространить на простейших животных способность "осознавать" свои действия в виде самоощущения, мы сталкиваемся с антропоморфизмом, т.е. наделением поведения "самомалейших частиц" зачатками сознания. Эта проблема существует постоянно, когда идет анализ поведения не только в живом мире, но и в мире неживой материи. Более того, отсутствует понятийный аппарат, который мог бы раскрыть данную проблему. Примером выхода из такого положения является позиция В.Ф. Петренко и А.П. Супруна. Они также считают, что у животных есть сознание, но для этого действие осознанности передают словосочетанием "репрезентация реальности" [19, с. 74]. Введение данного термина — вполне компромиссное решение вопроса о том, есть ли сознание у животных. Невозможно возражать против утверждения, что все живое имеет способность каким-то способом (видимо, через плазму) отражать (репрезентировать) реальность и с учетом отраженного "принимать решение" двигаться.

Это все характеризует два типа активности животного: созерцательный и адаптационный. Бехтерев, наделив сознанием животных, распространил на них то действие, которое изначально характеризовало чисто человеческую способность — творить, преобразовывать мир. Он не без оснований считал, что у животных имеется внутренняя созидающая работа организма в виде обмена веществ, роста, размножения. Она сводится не только к приспособлению, но и к "преобразованию окружающего материала", где высшим развитием приспособляемости является "преобразование окружающих условий соответственно своим личным потребностям". Это уже "сознательные преобразования для своих целей окружающей среды" [5, с. 127–128]. Согласившись с наличием преобразовательной способности

животных, можно только подчеркнуть предельную границу ее реализации. Она в пределах весьма ограниченного субъектного пространства любого животного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения научных представлений В.М. Бехтерева о структуре и границах сознания, важно выделить то, что наряду с пространственно-временной характеристикой общая картина сознания, по Бехтереву, дополняется личностной и рефлексивной составляющими.

Бехтерев, вводя в структуру сознания личностную составляющую (аффективную по Л.С. Выготскому) в ее нравственном варианте, до сих пор является одним из немногих авторов, которые когнитивность сознания дополняют духовно-нравственным началом. Это в работе В.П. Зинченко предстало самостоятельным, духовным слоем сознания [9, с. 518]. Границы этого слоя гипотетически уходят в ноосферу, которая является особой формой сознания, онтологическим субъектом “человечество-планета”, реализующим в своем становлении единые универсальные принципы эволюции [18, с. 158].

Рефлексивная составляющая сознания представлена у Бехтерева формой самопознавания, которая является итогом развития предыдущих ступеней сознания и с которой у душевнобольных начинается “обратный метаморфоз”, что было отмечено выше. Если все предшествующие формы сознания свойственны не только человеку, но и животным, включая многие нравственные характеристики, то самосознание есть только у человека. Бехтерев считал, что самопознавание с его методом самонаблюдения, неисчерпанные возможности которого отмечает А.В. Карпов [11], в сочетании с объективными методами дадут достаточно полную картину психологии человека.

Современный подход к определению структуры сознания наиболее полно дается В.П. Зинченко [9]. На основе работ российских ученых им представлено три слоя сознания: духовный, бытийный, рефлексивный. Путем соотнесения содержания каждого из названных слоев с основными составляющими сознания по Бехтереву есть основания говорить, что здесь много общего. Так, духовный слой сознания имеет общую позицию по фактору духовно-нравственной характеристики сознания по Бехтереву. Бытийный слой вполне соотносим с пространственно-временной составляющей Бехтерева, которая по своим потенциальным возможностям более перспективна. Рефлексивный слой соотносится с формой (ступенью) самопознавания Бехтерева, которую мы, исходя из контекста его публикации, определили рефлексивной составляющей сознания.

Исходя из этого следует заключить, что концепция сознания Бехтерева вполне актуальна, в ней прослеживаются истоки современной когнитивно-поведенческой психологии и заложены идеи перспективных исследований, в частности: по изучению нижних и верхних границ пространственно-временного слоя; по усилению роли духовно-нравственного слоя, степени его проработки не только в психологии, но и в религии; по переводу рефлексивного слоя из его созерцательного состояния в действенно-преобразующее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова-Славская К.А.*, *Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
2. *Акопов Г.В.* Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
3. *Балин В.Д.* Введение в теоретическую психологию. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2012.
4. *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
5. *Бехтерев В.М.* Психика и жизнь. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012.
6. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. Самара: Федоров, 2009.
7. *Журавлев А.Л.* Роль В.М. Бехтерева в становлении общественной (социальной) психологии в России (к 155-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 122–134.
8. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.*, *Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
9. *Зинченко В.П.* Сознание // Большой психологический словарь. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/17.php / (дата обращения: 30.07.2021).
10. Знаменитые земляки. Владимир Михайлович Бехтерев: Сборник статей / Сост. Н.А. Крапоткина. Елабуга, 2017.
11. *Карпов А.В.* Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011.
12. *Корнилова Т.В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции

решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 89–100.

13. *Косилова Е.В.* Философия и психология сознания // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 1. С. 25–46.
14. *Леонтьев Д.А.* Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 120–140.
15. *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
16. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
17. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Изд-во Московского университета, 1973.
18. *Панов В.И.* Экопсихология: парадигмальный поиск. СПб.: Нестор-История, 2014.
19. *Петренко В.Ф.*, *Супрун А.П.* Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69–86.
20. *Поликанова Е.П.* Социализация личности // Философия и общество. 2003. № 2. С. 84–106.
21. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
22. *Попов Л.М.*, *Ибрагимова Е.Н.*, *Устин П.Н.* Концепция психологии творчества Я.А. Пономарева и ее приложение к изучению психологии саморазвития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 35–47.
23. *Попов Л.М.*, *Устин П.Н.* Когнитивно-поведенческая концепция и возможности ее реализации в жизненной активности студентов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 26–35.
24. *Смирнов А.А.* Развитие и состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.
25. *Смирнов С.Д.* Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13.
26. *Чуприкова Н.И.* Психическая реальность и предмет психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 92–104.
27. *Шульц Д.П.*, *Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.
28. *Baars B.J.* The conscious access hypothesis: origins and recent evidence // Trends in Cognitive Sciences. 2002. V. 6. Iss. 1. P. 47–52.
29. *Beck A.T.* Cognitive therapy and the emotional disorders. N.Y.: International Universities Press, 1976.
30. *Dehaene S.*, *Naccache L.* Towards a cognitive neuroscience of consciousness: basic evidence and a workspace framework // Cognition. 2001. V. 79. Iss. 1–2. P. 1–37.

THE ORIGINS OF COGNITIVE-BEHAVIORAL PSYCHOLOGY IN THE WORK OF V. M. BEKHTEREV “CONSCIOUSNESS AND ITS BOUNDARIES”[2]

L. M. Popov*, P. N. Ustin**

Kazan (*Privolzhsky*) *Federal University*;
420021, *Kazan*, *str. M. Mezhlauka*, *1*, *Republic of Tatarstan*, *Russia*.
**Doctor of Psychology*, *Professor of the Department of Clinical and Personality Psychology*, *Institute of Psychology and Education*.
E-mail: *Leonid.Popov@inbox.ru*
***Candidate of Psychological Sciences*, *Associate Professor of the Department of General Psychology of the Institute of Psychology and Education*.
E-mail: *pavust@mail.ru*

Received 03.08.2021

Abstract. The main stages of V.M. Bekhterev’s scientific work related to the construction of a model of consciousness are shown. V.M. Bekhterev, as the founder of neuroscience, considered a person as a psychophysiological phenomenon and defined the brain with its neural organization as a central psychophysiological

[2] The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00253 “Neural network psychometric model of cognitive-behavioral predictors of life activity of a person on the basis of social networks”).

organ, the cognition of which should be done comprehensively. Consciousness, with its ability to reflect the surrounding world, adapt to it and transform it, was defined by him as the most important factor of behavior. The model of consciousness proposed by V.M. Bekhterev included six forms of its manifestation, creating a six-stage structure. From the standpoint of modern cognitive-behavioral psychology, it is necessary to distinguish the spatial-temporal, personal-moral and reflexive substructures (layers) of consciousness. The representations of space and the consciousness of time create a space-time layer of consciousness. The temporal part of this layer reflects the effective, and the spatial part reflects the productive side of consciousness. Representation is a common element of consciousness. In the understanding of V.M. Bekhterev's representation combines both the image of perception, and the memory image, and the concept, and the state. The source of activity of all living things, including consciousness and the unconscious sphere, is determined by the hidden energy-the potential that accumulates in the body when exposed to a living being from outside and from within. The concept of consciousness by V.M. Bekhterev in a compressed form contains ideas about the future elements of the cognitive-behavioral theory. These are spatial-temporal representations, the determination of cognition and behavior by external and internal conditions, the energy source of activity, the transformation of steps into a level organization, the susceptibility of cognitive structures to development and destruction ("reverse metamorphosis"), the combination of analyticity and integrity, reflected in his slogan — "To know a person and help him".

Keywords: history of psychology, cognitive-behavioral psychology, V.M. Bekhterev, consciousness, model, space, time, energy.

REFERENCES

1. *Abul'hanova-Slavskaya K.A.*, *Brushlinskij A.V.* Filosofsko-psihologicheskaya koncepciya S.L. Rubinshtejna: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
2. *Akopov G.V.* Psihologiya soznaniya. Voprosy metodologii, teorii i prikladnyh issledovanij. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (In Russian)
3. *Balin V.D.* Vvedenie v teoreticheskuyu psihologiyu. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. (In Russian)
4. *Bekhterev V.M.* Izbrannye raboty po social'noj psihologii. Moscow: Nauka, 1994. (In Russian)
5. *Bekhterev V.M.* Psihika i zhizn'. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek, 2012. (In Russian)
6. *Bogoyavlenskaya D.B.* Psihologiya tvorcheskih sposobnostej. Samara: Fedorov, 2009. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L.* Rol' V.M. Bekhtereva v stanovlenii obshchestvennoj (social'noj) psihologii v Rossii (k 155-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskii zhurnal. 2012. V. 33. № 3. P. 122–134. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.*, *Yurevich A.V.* Prognoz razvitiya psihologicheskoj nauki i praktiki k 2030 godu. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 5. P. 45–64. (In Russian)
9. *Zinchenko V.P.* Soznanie. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/17.php. (data obrashcheniya: 30.07.2021). (In Russian)
10. Znamenitye zemlyaki. Vladimir Mihajlovich Bekhterev. Sbornik statej. Sostavitel': Krapotkina N.A. Elabuga, 2017. (In Russian)
11. *Karpov A.V.* Psihologiya soznaniya: Metasistemnyj podhod. Moscow: RAO, 2011. (In Russian)
12. *Kornilova T.V.* Psihologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoj regulyacii reshenij i vyborov. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 3. P. 89–100. (In Russian)
13. *Kosilova E.V.* Filosofiya i psihologiya soznaniya. Metodologiya i istoriya psihologii. 2009. V. 4. Iss. 1. P. 25–46. (In Russian)
14. *Leont'ev D.A.* Lichnost' v nepredskazuemom mire. Metodologiya i istoriya psihologii. 2010. V. 5. Iss. 3. P. 120–140. (In Russian)
15. *Loginova N.A.* Opyt chelovekoznaniya: Istoriya kompleksnogo podhoda v psihologicheskih shkolah V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. (In Russian)
16. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Moscow: Nauka, 1999. (In Russian)
17. *Luriya A.R.* Osnovy nejropsihologii. Moscow. Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1973. (In Russian)
18. *Panov V.I.* Ekopsihologiya: paradigmal'nyj poisk. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. (In Russian)
19. *Petrenko V.F.*, *Suprun A.P.* Vzaimosvyaz' kvantovoj fiziki i psihologii soznaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2014. V. 35. № 6. P. 69–86. (In Russian)
20. *Polikanova E.P.* Socializaciya lichnosti. Filosofiya i obshchestvo. 2003. № 2. P. 84–106. (In Russian)
21. *Ponomarev Ya.A.* Psihologiya tvorchestva. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian)
22. *Popov L.M.*, *Ibragimova E.N.*, *Ustin P.N.* Koncepciya psihologii tvorchestva Ya.A. Ponomareva i ee prilozhenie k izucheniyu psihologii samorazvitiya. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 1. P. 35–47. (In Russian)

23. *Popov L.M.*, *Ustin P.N.* Kognitivno-povedencheskaya koncepciya i vozmozhnosti ee realizacii v zhiznennoj aktivnosti studentov. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 1. P. 26–35. (In Russian)

24. *Smirnov A.A.* Razvitie i sostoyanie psihologicheskoj nauki v SSSR. Moscow: Pedagogika, 1975. (In Russian)

25. *Smirnov S.D.* Prognosticheskaya napravlennost' obraza mira kak osnova dinamicheskogo kontrolya neopredelennosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 5. P. 5–13. (In Russian)

26. *Chuprikova N.I.* Psihicheskaya real'nost' i predmet psihologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 4. P. 92–104. (In Russian)

27. *Shul'c D.P.*, *Shul'c S.E.* Istoriya sovremennoj psihologii. St. Petersburg: Izd-vo "Evraziya", 2002. (In Russian)

28. *Baars B.J.* The conscious access hypothesis: origins and recent evidence. Trends in Cognitive Sciences. 2002. V. 6. Iss. 1. P. 47–52.

29. *Dehaene S.*, *Naccache L.* Towards a cognitive neuroscience of consciousness: basic evidence and a workspace framework. Cognition. 2001. V. 79. Iss. 1–2. P. 1–37.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 95–108

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

УДК 159.9.072.59

АПРОБАЦИЯ КРАТКОЙ И СВЕРХКРАТКОЙ ВЕРСИЙ ВОПРОСНИКА BIG FIVE INVENTORY-2: BFI-2-S И BFI-2-XS[1]

© 2022 г. А. М. Мишкевич[1,*], С. А. Щебетенко[1,2,], А. Ю. Калугин[3,***], К. Дж. Сото[4,****], О. П. Джон[5,*****]**

[1]ФГБОУ ВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет"; 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Россия.

[2]Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

[3]ФГБОУ ВО "Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет"; 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24, Россия.

[4]Колледж Колби; 04901, 4000 Мэйфлауэр Хилл, Уотервилл, штат Мэн, США.

[5]Калифорнийский университет в Беркли; 94720, 2227 Пьемонт Авеню, Беркли, штат Калифорния, США.

[*]Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития.
E-mail: arinamishkevich@ya.ru

[**]Доктор психологических наук, профессор департамента психологии.
E-mail: sshchebetenko@hse.ru

[***]Кандидат психологических наук, заведующий кафедрой практической психологии.
E-mail: kaluginau@yandex.ru

[****]PhD, доцент факультета психологии.
E-mail: christopher.soto@colby.edu

[*****]PhD, профессор факультета психологии.
E-mail: o_johnx5@berkeley.edu

Поступила 10.12.2020

Аннотация. Статья посвящена проверке психометрических свойств краткой (BFI-2-S; 30 пунктов) и сверхкраткой (BFI-2-XS; 15 пунктов) версий вопросника Big Five Inventory-2. Проверка была проведена на двух выборках: на интернет-пользователях ($N = 1787$) и студентах ($N = 1024$). Шкалы и субшкалы BFI-2-X/BFI-2-XS имели нормальное распределение. Была показана достаточная надежность этих методик, в том числе продемонстрирована их ретестовая надежность ($n = 90$). Факторная структура, проверенная с помощью анализа главных компонент и метода Random Intercept Exploratory Factor Analysis, показала соответствие методик теоретическим предположениям. Корреляции шкал тестов со шкалами «Маркеров факторов "Большой пятерки"» свидетельствуют о конвергентной и дискриминантной валидности BFI-2-S/BFI-2-XS. Таким образом, русскоязычные версии краткого и сверхкраткого BFI-2 являются надежными и валидными.

Ключевые слова: личность, пятифакторная теория, психометрика, надежность, валидность, Big Five Inventory-2, краткие версии вопросников.

DOI: 10.31857/S020595920017744-4

В последние десятилетия при определении структуры личности в дифференциальной психологии доминируют пятифакторная модель [30] и ее близкая родственница "Большая пятерка" (БП) [17; 21 и др.]. Согласно этим моделям, индивидуальные различия в поведении, мотивации, эмоциях и когнициях могут быть описаны пятью основными чертами: экстраверсией, доброжелательностью, добросовестностью, нейротизмом, открытостью опыту. Изначально БП была получена на материале

[1] Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 19-01-003) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5–100".

английского языка в культурном контексте США. Анализировались лексические единицы и то, как они используются при описании человека. Сегодня БП пользуется популярностью среди исследователей самых разных стран. Отечественные ученые измеряют черты БП при решении различных прикладных проблем, например, успешности освоения иностранного языка [1], мотивов использования социальных сетей [8], обращаемости за медицинской помощью [9] и др. Широкий интерес к этой модели сопровождался адаптацией на русский язык целого ряда измеряющих БП вопросников (см., напр., [2; 4; 5; 6; 7; 10; 11; 37; 38 и др.]).

В исследовательской практике вопросники, измеряющие черты, зачастую используют совместно с другими тестами, и время на проведение таких замеров ограничено. При изучении многих специфических выборок временные и когнитивные ресурсы строго ограничены, что делает выполнение традиционных, объемных методик противопоказанным. На этом фоне создание компактной, но при этом надежной и валидной методики БП не выглядит тривиальным.

В последние годы было опубликовано несколько кратких (по 10 пунктов) вопросников, измеряющих БП [5; 10]. Стоит учесть, что они измеряют только черты и не измеряют составляющие их компоненты (фасеты). Методики БП, "работающие" на этих двух уровнях одновременно, как правило, достаточно громоздки и содержат не менее 75 пунктов (напр., [6; 7; 11]). Таким образом, русскоязычные исследователи, заинтересованные в экспресс-диагностике черт БП на двух уровнях, лишены психометрически адекватного инструмента. Этот вопрос может быть решен при помощи двух кратких версий одного теста — Big Five Inventory-2 (BFI-2; [40]).

Первоначально двое из нас разработали новую версию популярного вопросника Big Five Inventory [26; 27], BFI-2 [40]. BFI-2 состоит из 60 пунктов, численно сбалансированных между чертами, фасетами, положительными и отрицательными полюсами шкал. Инструкция методики содержит ключевую фразу "*Я — человек, который...*", а пункты представляют собой словосочетания (напр., "*склонный быть молчаливым*"), которые респонденту необходимо оценить по 5-балльной шкале (от "*совершенно не согласен*" до "*совершенно согласен*").

BFI-2 позволяет измерить 5 черт личности, а также 15 фасетов — по три фасета каждой черты. Как отмечалось ранее, структура методики строго сбалансирована: из 60 пунктов половина является реверсивными, каждая черта замеряется 12 пунктами (6 реверсивных), а каждый фасет — 4 пунктами (2 реверсивных). По мнению авторов, это позволяет снизить эффекты согласия (acquiescence) респондентов, а также склонность к крайним ответам [40].

Впоследствии Сото и Джон разработали две более компактные версии BFI-2. Отбор пунктов из полной версии производился на основании ряда критериев, связанных как с математическими и статистическими процедурами, так и с теоретическим анализом пунктов. В ходе отбора целью было сохранение сбалансированной структуры вопросника (подробнее см. [39]). Краткая версия (BFI-2-S [39]) содержит 30 пунктов и также, как и полная версия, измеряет 5 черт и 15 фасетов личности. На каждую шкалу, измеряющую черту, в BFI-2-S приходится по 6 пунктов (3 реверсивных); на каждую шкалу, измеряющую фасет, приходится по 2 пункта (1 реверсивный). Сверхкраткая версия (BFI-2-XS [39]) содержит 15 пунктов и позволяет измерить 5 черт личности (по 3 пункта на черту; хотя бы один пункт — реверсивный).

BFI-2-X/BFI-2-XS продемонстрировали валидность и надежность на английском языке [39]. Кроме этого, хорошие психометрические свойства продемонстрировали немецкая [34], датская [42] и словацкая [29] адаптации кратких версий BFI-2.

Ранее нами была адаптирована на русский язык полная версия BFI-2 [38], показавшая адекватную надежность и валидность в нескольких исследованиях [3; 38]. Целью данной работы является проверка надежности и валидности BFI-2-X и BFI-2-XS.

МЕТОДИКА

Участники. В исследовании приняли участие две группы испытуемых. Первую выборку составили респонденты, отвечавшие на онлайн-версию BFI-2 в сети Интернет. Авторами статьи был создан сайт, на котором испытуемым предлагалось пройти вопросник личности и в результате узнать «Кто ты в "Игре престолов"?». В качестве информационного стимула использовались персонажи одноименного киносериала [23]. Всего тест прошли 2067 человек; после сокращения возрастного диапазона и удаления повторных попыток прохождения выборка сократилась до 1787 человек (подробнее о процедуре сбора данных см.: [3]). Возраст участников варьировал от 14 до 54 лет (M = 26.31; SD = 7.76). Среди испытуемых было 1217 женщин (68.1%). Данная выборка ранее была использована при анализе надежности и валидности русской адаптации полной версии BFI-2 (см. [3]).

Вторая выборка включала в себя 1024 студента пермских университетов разных специальностей. Возраст испытуемых варьировал от 17 до 44 лет (M = 21.14; SD = 4.54). Среди испытуемых было 753 женщины (73.5%). Часть респондентов этой выборки (n = 90) повторно заполняли BFI-2 спустя 6 недель. Данная выборка ранее была использована при адаптации полной версии BFI-2 на русский язык (см. [38, Study 1]).

Методики. Участники обеих выборок заполняли полую версию русскоязычной адаптации [38] BFI-2. Из нее были отобраны 30 пунктов, составивших BFI-2-S, и 15 пунктов, составивших BFI-2-XS. В силу психометрических показаний русской BFI-2 [38] в BFI-2-S вошли 3 альтернативных пункта, содержательно отличающихся от буквального перевода. Так, оригинальный пункт “чувствует себя защищенным, ему комфортно с собой” (англ. “feels secure, comfortable with self”) заменен на “гармоничен и доволен жизнью”; пункт “физически менее активен, чем другие” (“is less active than other people”) — на “пассивный, вялый”; пункт “не очень творческий” (“has little creativity”) — на “мыслит шаблонно, стереотипно”. Различия средних значений альтернативных и соответствующих буквальных пунктов были незначительными, все $d < |0.40|$. В BFI-2-XS альтернативные пункты не вошли. Участники студенческой выборки также заполняли методику «Маркеры факторов “Большой пятерки”» (МФБП [4; 22]).

Анализ данных. Проверка *нормальности распределения* осуществлялась несколькими путями. Был использован критерий Колмогорова—Смирнова, позволяющий проверить гипотезу о соответствии эмпирического распределения нормальному. При этом исследователи часто отмечают, что данный критерий (как и большинство других традиционных критериев) на больших выборках становится ненадежным из-за чрезмерной чувствительности к малейшим отклонениям от нормального распределения, что повышает опасность совершения ошибки II рода [18, p. 144; 20; 28; и др.]. Поэтому дополнительно мы проверили распределение путем анализа асимметрии и эксцесса. Данный метод часто рекомендуют использовать при большом объеме выборки (напр., [18, p. 139; 32; и др.]). Значения асимметрии и эксцесса в пределах ±1 говорят об отличном соответствии эмпирического распределения нормальному, а значения в пределах ±2 указывают на приемлемое соответствие [19, p. 114–115].

Надежность методик проверялась несколькими способами. Во-первых, был использован метод α Кронбаха, позволяющий оценить согласованность пунктов внутри шкал и субшкал. Приемлемым для личностных вопросников считается диапазон α от 0.70 до 0.80 [12, с. 307]. Однако жесткость допущений этого метода оценки надежности подвергается справедливой критике: α занижает согласованность (см., напр., [31]) и является скорее тестом нижней границы ее оценки [35]. Известно, что α зависит от числа пунктов в шкале, при малом количестве которых этот метод также склонен недооценивать надежность (напр., [33]). В нашем случае шкалы BFI-2-XS имеют по 3, а субшкалы BFI-2-S — по 2 пункта. В связи с этим мы ожидали, что показатели α для субшкал BFI-2-S и BFI-2-XS могут быть ниже общепринятой нормы $\alpha \geq 0.70$. Во-вторых, была оценена корреляцией Пирсона ретестовая надежность методик с интервалом тестирования в 6 недель.

Факторная структура методик проверялась двумя способами:

1) анализ главных компонент (principal component analysis, PCA) с установкой на 5 компонентов (по количеству черт) с вращением Варимакс;

2) метод random intercept exploratory factor analysis (RI-EFA [13]) — одна из модификаций эксплораторного моделирования структурными уравнениями [14]. RI-EFA сочетает в себе элементы эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. Мы проверяли соответствие полученных данных теоретической модели. Для BFI-2-S эта модель включала 5 взаимосвязанных латентных факторов и ковариации ошибок между пунктами субшкал, что фиксировало присутствие фасетов. Для BFI-2-XS была построена модель, включавшая 5 взаимосвязанных латентных факторов. Обе модели включали в себя общий фактор, представляющий “согласие” (acquiescence). Для оценки параметров модели использовался робастный метод максимального правдоподобия MLR, вращение Квартимин.

Для проверки соответствия данных теоретическим моделям использовались следующие критерии:

— хи-квадрат (χ^2): его статистически незначимые показатели говорят о соответствии модели имеющимся данным. Значения χ^2 становятся малоинформативными на сравнительно больших выборках [15; 24; 27], что относится к нашему исследованию;

— относительный хи-квадрат (χ^2/df) позволяет не учитывать размер выборки. $\chi^2/df < 5$ говорит о соответствии данных теоретической модели [36, p. 112]; $\chi^2/df < 2$ свидетельствует о хорошей согласованности модели [41, p. 715];

— сравнительный индекс соответствия (CFI) и индекс Такера—Льюиса (TLI): CFI/TLI > 0.90 говорит о приемлемой, а CFI/TLI > 0.95 — об отличной пригодности модели [36, p. 112; 21, p. 58 и др.];

— корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (RMSEA): RMSEA < 0.05 говорит о хорошем соответствии данных модели [36, p. 112].

Для проверки *конвергентной и дискриминантной валидности* были проанализированы коэффициенты корреляции Пирсона для шкал МФБП, BFI-2-S и BFI-2-XS. Размер эффекта оценивался по рекомендациям Коэна для социальных наук [16], а именно *r*: 0.1 — небольшой эффект, 0.3 — средний эффект, 0.5 — большой эффект. Дополнительно для оценки размера эффекта был посчитан коэффициент детерминации (R^2), который позволяет оценить общую долю дисперсии для двух переменных. Коэффициент детерминации варьирует от 0 до 1.

Также был проведен корреляционный анализ Пирсона для шкал и субшкал BFI-2-S/BFI-2-XS с соответствующими шкалами и субшкалами полной версии BFI-2.

Статистическая обработка данных производилась в IBM SPSS Statistics v. 23, Mplus v.8 и ряде пакетов R. Дополнительные материалы к статье представлены на сайте Open Science Framework: https://osf.io/a965z/.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательные статистики. На первом этапе мы проверили психометрические свойства BFI-2-S/BFI-2-XS, были вычислены средний балл, асимметрия и эксцесс по каждой шкале и субшкале (табл. 1) и рассчитан критерий Колмогорова—Смирнова (табл. 2). Согласно этому критерию, все шкалы и субшкалы обеих методик имели распределение, отличающееся от нормального (табл. 2). В то же время показатели асимметрии и эксцесса большинства шкал и субшкал методик не превышали единицу по модулю (см. табл. 1), что говорит об отличном соответствии нормальному распределению. Субшкала BFI-2-S "Эмоциональная изменчивость" на интернет-выборке имела значение эксцесса, превышающее единицу по модулю, но находилась в пределах ±2, что говорит о приемлемом соответствии нормальному распределению.

Проверка надежности. Показатели α (см. табл. 2) для шкал BFI-2-S на обеих выборках варьировали от 0.65 до 0.79 для обеих выборок. Согласованность пунктов в рамках субшкал на обеих выборках варьировала в диапазоне $0.22 \le \alpha \le 0.74$. Показатели α в рамках шкал BFI-2-XS варьировали от 0.49 до 0.65. В среднем ретестовая надежность (см. табл. 2) между первым и вторым замерами BFI-2-S составляла для шкал $r = 0.80$, для субшкал $r = 0.71$. Ретестовая корреляция шкал BFI-2-XS в среднем составляла $r = 0.75$.

Факторная структура. Результаты PCA представлены в дополнительных материалах (https://osf.io/a965z/, табл. Д1 и Д2). Все пункты методик имели максимальную нагрузку в "своем" факторе; только один пункт BFI-2-S на студенческой выборке имел максимальную нагрузку в "чужом" факторе. Суммарная доля объясненной дисперсии для обеих выборок составляла 48% для BFI-2-S. Суммарная доля объясненной дисперсии для BFI-2-XS составляла 58% для интернет-выборки и 48% — для студенческой выборки.

Индексы пригодности для моделей, построенных с помощью RI-EFA, представлены в табл. 3. Показатели χ^2/df говорили о соответствии теоретической модели реальным данным. Показатели CFI и RMSEA указывали на отличное соответствие модели эмпирическим данным. Показатели TLI на интернет-выборке говорили об отличной пригодности модели, а на студенческой выборке TLI демонстрировал приемлемое соответствие модели. Согласно RI-EFA все пункты BFI-2-XS и BFI-2-S имели максимальную нагрузку в "своих" факторах, и лишь один пункт BFI-2-S имел максимальную нагрузку в "чужом" факторе (табл. Д1 и Д2).

Конвергентная и дискриминантная валидность. Средний размер корреляций между соответствующими шкалами МФБП для BFI-2-S составил $r = 0.73$, для BFI-2-XS $r = 0.70$ (детали см. в табл. 4). Усредненная абсолютная корреляция между различными шкалами МФБП и BFI-2-S была $r = 0.32$, между шкалами МФБП и BFI-2-XS — $r = 0.29$.

Кроме того, были изучены корреляции шкал и субшкал BFI-2-S/BFI-2-XS с соответствующими шкалами и субшкалами полной версии BFI-2 (см. табл. 2). Средний размер корреляций для BFI-2-S был выше 0.90: средний размер корреляций для шкал черт составлял 0.93 и 0.92 — для интернет- и студенческой выборки соответственно; средняя корреляция для субшкал была 0.88 и 0.86 для интернет- и студенческой выборки соответственно. Корреляции между шкалами BFI-2-XS и шкалами BFI-2 были в среднем 0.87 и 0.86 для интернет- и студенческой выборки соответственно.

Таблица 1. Среднее, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс шкал и субшкал BFI-2-S и BFI-2-XS

	Среднее		SD		Асимметрия		Эксцесс	
	BFI-2-S	BFI-2-XS	BFI-2-S	BFI-2-XS	BFI-2-S	BFI-2-XS	BFI-2-S	BFI-2-XS
Экстраверсия	3.35/3.46	3.11/3.16	0.84/0.77	0.93/0.89	–0.32/–0.27	–0.11/–0.03	–0.43/–0.27	–0.52/–0.43
Общительность	3.10/3.36		1.10/0.99		–0.03/–0.18		–0.82/–0.65	
Настойчивость	3.39/3.29		1.07/0.97		–0.25/–0.17		–0.86/–0.52	
Энергичность	3.56/3.74		1.09/0.97		–0.49/–0.64		–0.66/–0.21	
Доброжелательность	3.07/3.33	3.18/3.40	0.74/0.67	0.86/0.80	–0.02/–0.11	–0.09/–0.19	–0.17/–0.34	–0.36/–0.37
Сочувствие	3.20/3.44		0.93/0.86		–0.02/–0.10		0.39/–0.52	
Уважительность	3.26/3.57		0.90/0.83		0.04/–0.06		–0.29/–0.46	
Доверие	2.75/2.98		1.00/0.90		0.15/–0.03		–0.58/–0.47	
Добросовестность	3.25/3.43	3.36/3.50	0.78/0.70	0.93/0.82	–0.15/0.02	–0.20/–0.07	–0.46/–0.35	–0.73/–0.53
Организованность	3.02/3.40		1.04/0.94		0.09/–0.15		–0.78/–0.62	
Продуктивность	3.45/3.49		1.09/0.88		–0.28/–0.13		–0.98/–0.55	
Ответственность	3.29/3.39		0.84/0.78		–0.03/0.16		0.08/–0.27	
Нейротизм	3.13/3.03	3.32/3.26	0.92/0.84	1.02/0.95	–0.07/–0.02	–0.26/–0.25	–0.66/–0.51	–0.65/–0.56
Тревожность	3.45/3.48		1.09/1.00		–0.39/–0.40		–0.70/–0.59	
Депрессивность	2.97/2.73		1.15/1.05		0.00/0.23		–0.97/–0.75	
Эмоциональная изменчивость	2.97/2.89		1.21/1.10		0.01/0.07		–1.05/–0.92	
Открытость	3.71/3.48	3.61/3.41	0.74/0.67	0.85/0.78	–0.44/–0.04	–0.47/–0.16	–0.13/–0.38	–0.15/–0.25
Эстетичность	3.60/3.52		1.17/1.07		–0.53/–0.43		–0.69/–0.50	
Любознательность	3.69/3.38		0.91/0.82		–0.48/–0.14		–0.21/–0.17	
Творческое воображение	3.83/3.55		0.89/0.84		–0.62/–0.15		–0.02/–0.46	
Среднее значение (шкалы)	3.30/3.35	3.31/3.34	0.80/0.73	0.92/0.85	–0.20/–0.09	–0.23/0.14	–0.37/–0.37	–0.49/–0.43
Среднее значение (субшкалы)	3.30/3.35		1.03/0.93		–0.19/–0.14		–0.60/–0.51	

Примечание. Слева от косой черты — данные по Интернет-выборке ($N = 1787$), справа — по студенческой выборке ($N = 1024$).

Таблица 2. Критерий Колмогорова—Смирнова, α Кронбаха, ретестовая надежность и корреляции с полной методикой шкал и субшкал методик BFI-2-S и BFI-2-XS

	Критерий Колмогорова—Смирнова		α Кронбаха		Ретест*		Корреляции с полной BFI-2	
	BFI-2-S	BFI-2-XS	BFI-2-S	BFI-2-XS	BFI-2-S	BFI-2-XS	BFI-2-S	BFI-2-XS
Экстраверсия	**0.07/0.06**	**0.09/0.09**	0.75/0.76	0.57/0.60	0.81	0.77	0.96/0.95	0.89/0.88
Общительность	**0.10/0.11**		0.63/0.61		0.76		0.94/0.93	
Настойчивость	**0.13/0.11**		0.60/0.57		0.75		0.91/0.90	
Энергичность	**0.15/0.16**		0.74/0.72		0.66		0.92/0.91	
Доброжелательность	**0.05/0.06**	**0.09/0.10**	0.69/0.67	0.52/0.53	0.78	0.72	0.89/0.87	0.85/0.83
Сочувствие	**0.14/0.14**		0.47/0.41		0.63		0.68/0.65	
Уважительность	**0.15/0.15**		0.41/0.38		0.70		0.88/0.87	
Доверие	**0.11/0.12**		0.40/0.37		0.72		0.87/0.85	
Добросовестность	**0.06/0.07**	**0.11/0.10**	0.69/0.72	0.52/0.59	0.81	0.74	0.91/0.91	0.85/0.84
Организованность	**0.11/0.11**		0.54/0.52		0.75		0.90/0.89	
Продуктивность	**0.15/0.12**		0.48/0.52		0.73		0.90/0.90	
Ответственность	**0.14/0.16**		0.22/0.23		0.56		0.69/0.63	
Нейротизм	**0.05/0.05**	**0.09/0.10**	0.79/0.78	0.65/0.64	0.78	0.78	0.97/0.96	0.92/0.90
Тревожность	**0.14/0.14**		0.61/61		0.84		0.92/0.92	
Депрессивность	**0.10/0.12**		0.65/0.67		0.72		0.93/0.93	
Эмоциональная изменчивость	**0.11/0.11**		0.73/0.67		0.67		0.93/0.92	
Открытость	**0.08/0.07**	**0.10/0.09**	0.68/0.65	0.50/0.49	0.80	0.74	0.94/0.93	0.86/0.87
Эстетичность	**0.14/0.13**		0.74/0.68		0.75		0.92/0.91	
Любознательность	**0.14/0.12**		0.37/0.27		0.65		0.85/0.83	
Творческое воображение	**0.17/0.13**		0.57/0.55		0.75		0.93/0.91	
Среднее значение (шкалы)					0.80	0.75	0.93/0.92	0.87/0.86
Среднее значение (субшкалы)					0.71		0.88/0.86	

* Выборка в части проверки ретестовой надежности $n = 90$.

Примечание. Полужирным шрифтом выделены коэффициенты критерия Колмогорова—Смирнова со значимостью $p < 0.001$. Слева от косой черты — данные по интернет-выборке ($N = 1787$), справа — по студенческой выборке ($N = 1024$).

Таблица 3. Индексы пригодности по результатам RI-EFA

	$\chi^2(df)$	χ^2/df	CFI	TLI	RMSEA	BIC
BFI-2-S	662.81(279)/633.61(279)	2.38/2.27	0.971/0.952	0.955/0.925	0.028/0.035	160 959/87 368
BFI-2-XS	75.46(39)/81.96(39)	1.93/2.10	0.991/0.981	0.974/0.949	0.023/0.033	84 365/45 522

Примечание. Слева от косой черты — данные по интернет-выборке ($N = 1787$), справа — по студенческой выборке ($N = 1024$). $\chi^2(df)$ — значение статистики хи-квадрат со степенями свободы; χ^2/df — относительный хи-квадрат; CFI — сравнительный индекс соответствия; TLI — индекс Такера—Льюиса; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; BIC — байесовский информационный критерий.

Таблица 4. Корреляции между шкалами МФБП и BFI-2-S/BFI-2-XS

	BFI-2-S/BFI-2-XS				
	Э	Дж	Дс	Н	О
МФБП					
Экстраверсия	**0.80(0.64)/0.76(0.58)**	0.17(0.03)/0.18(0.03)	0.28(0.08)/0.29(0.08)	–0.27(0.07)/–0.26(0.07)	0.15(0.02)/0.20(0.04)
Уступчивость	0.27(0.07)/16(0.03)	**0.63(0.40)/0.62(0.38)**	0.26(0.07)/0.27(.07)	–0.04(0.00)/0.06(0.00)	0.10(0.01)/0.12(0.01)
Сознательность	0.38(0.14)/0.28(0.08)	0.27(0.07)/0.22(0.05)	**0.77(0.59)/0.69(0.48)**	–0.32(0.10)/–0.23(0.05)	0.04(0.00)/0.04(0.00)
Нейротизм	–0.30(09)/–0.25(0.06)	–0.19(0.04)/–0.15(0.02)	–0.28(0.08)/–0.25(0.06)	**0.82(0.67)/0.80(0.64)**	–0.01(0.00)/–0.05(0.00)
Интеллект	0.44(19)/0.39(0.15)	0.04(0.00)/0.05(0.00)	0.25(0.06)/0.24(0.06)	–0.17(0.03)/–0.16(0.03)	**0.65(0.42)/0.65(0.42)**

Примечание. Слева от косой черты — данные по BFI-2-S, справа — по BFI-2-XS. Студенческая выборка ($N = 1024$), приведен коэффициент корреляции, в скобках дан коэффициент детерминации (R^2). Э — экстраверсия; Дж — доброжелательность; Дс — добросовестность; Н — негативная эмоциональность; О — открытость опыту. Полужирным шрифтом выделены корреляции между соответствующими шкалами.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Целью данной работы являлась проверка психометрических свойств русскоязычных версий вопросников BFI-2-S и BFI-2-XS. По значениям критерия Колмогорова—Смирнова все шкалы и субшкалы методик имеют распределение, отличающееся от нормального. Это может быть связано с чрезмерной чувствительностью данного критерия, наблюдаемой на больших выборках [18, с. 144; 20; 28; и др.]. Это предположение подтверждается и тем, что по показателям асимметрии и эксцесса все шкалы и субшкалы BFI-2-S и BFI-2-XS продемонстрировали отличное или приемлемое соответствие нормальному распределению.

Оценка внутренней согласованности шкал показала, что α Кронбаха для шкал (черт) BFI-2-S варьировала от 0.65 до 0.79, для ее субшкал (фасетов) — от 0.22 до 0.74. По пяти субшкалам значения α Кронбаха на обеих выборках не достигали 0.50; по шкалам BFI-2-XS это значение находилось в диапазоне от 0.49 до 0.65. Таким образом, методики имеют хорошие и удовлетворительные показатели на уровне шкал. Согласованность же на уровне некоторых субшкал достаточно низкая. Вероятно, это связано с тенденцией α недооценивать надежность шкал с меньшим количеством пунктов [33], что относится и к данному случаю. Следует отметить, что сходная ситуация наблюдалась и в оригинальной англоязычной версии, и в немецкой адаптации. В английской версии значения α для шкал BFI-2-S варьировали от 0.74 до 0.84, для субшкал — от 0.42 до 0.79, четыре субшкалы со значениями ниже 0.50; для шкал BFI-2-XS — от 0.55 до 0.73 [39]. В немецкой версии значения α для шкал BFI-2-S варьировали от 0.65 до 0.80, для субшкал — от 0.21 до 0.69, при этом также четыре субшкалы со значением α Кронбаха ниже 0.50; для шкал BFI-2-XS — от 0.45 до 0.67 [34]. Оценка ретестовой надежности показала высокие результаты для шкал и субшкал BFI-2-S/BFI-2-XS.

Анализ факторной структуры вопросников, проведенный с помощью PCA и RI-EFA, показал отличное и хорошее соответствие теоретической структуры эмпирическим данным. Об этом говорят индексы пригодности и факторные нагрузки этих анализов. Согласно PCA, только один пункт шкалы "нейротизм" BFI-2-S ("*гармоничный и довольный жизнью*") — и только на студенческой выборке — с небольшим перевесом имел бóльшую нагрузку в "чужих" факторах — экстраверсии и доброжелательности. Согласно RI-EFA, только один пункт BFI-2-S — шкалы экстраверсии ("*предпочитающий, чтобы решения принимали другие*") на студенческой выборке с небольшим перевесом имел бóльшую нагрузку в "чужом" факторе — добросовестности. При этом на интернет-выборке оба пункта имели максимальную нагрузку в "своем" факторе. Все остальные пункты BFI-2-S/BFI-2-XS имели наибольшую нагрузку в "своем" факторе. Таким образом, для обеих методик была подтверждена пятифакторная структура. Обращают на себя внимание схожие результаты, полученные на двух

независимых выборках (интернет- и студенческая выборка), что говорит о высокой устойчивости получаемых с помощью BFI-2-S/BFI-2-XS результатов в сравнительно разных популяциях.

Наконец, корреляции шкал BFI-2-S/BFI-2-XS со шкалами МФБП позволяют говорить о достаточной конвергентной и дискриминантной валидности: шкалы BFI-2-S/BFI-2-XS сильно коррелировали со шкалами МФБП, измеряющими ту же черту, и слабо или умеренно коррелировали со шкалами МФБП, измеряющими другие черты. Схожие результаты были обнаружены при изучении корреляций шкал BFI-2-S/BFI-2-XS с советующими шкалами и субшкалами полной версии BFI-2.

ВЫВОДЫ

1. По критерию Колмогорова—Смирнова все шкалы и субшкалы BFI-2-S/BFI-2-XS имели распределение, отличающееся от нормального. По показателям асимметрии и эксцесса все шкалы и субшкалы имели нормальное распределение.

2. Шкалы методик продемонстрировали достаточную надежность.

3. Субшкалы BFI-2-S показали достаточную надежность. При этом некоторые субшкалы имели низкую внутреннюю согласованность, что важно учитывать при использовании методики.

4. Теоретическая структура BFI-2-S/BFI-2-XS соответствовала эмпирическим данным.

5. Подтвердилась конвергентная и дискриминантная валидность.

6. Русскоязычные адаптации краткой и сверхкраткой версий вопросника BFI-2 являются надежными и валидными и могут быть использованы в прикладных и фундаментальных исследованиях, в том числе кросскультурных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бериша Н.С.*, *Новиков А.Л.*, *Новикова И.А.*, *Шляхта Д.А.* Индивидуально-личностные факторы успешности освоения иностранного языка студентами-лингвистами // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 1. С. 4–15. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-1-4-15
2. *Егорова М.С.*, *Паршикова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5–10) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 45. С. 9.
3. *Калугин А.Ю.*, *Щебетенко С.А.*, *Мишкевич А.М.*, *Сото К.Дж.*, *Джон О.П.* Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33.
4. *Князев Г.Г.*, *Митрофанова Л.Г.*, *Бочаров А.В.* Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 100–110.
5. *Корнилова Т.В.*, *Чумакова М.А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.11.2020).
6. *Орел В.Е.*, *Сенин И.Г.* Личностный опросник NEO PI-R. Руководство по применению. Ярославль: НПЦ “Психодиагностика”, 2004.
7. *Осин Е.Н.*, *Рассказова Е.И.*, *Неяскина Ю.Ю.*, *Дорфман Л.Я.*, *Александрова Л.А.* Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // Психологическая диагностика. 2015. Т. 3. С. 80–104.
8. *Припорова Е.А.*, *Агадуллина Е.Р.* Социальные мотивы использования социальных сетей: анализ групп пользователей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 96–111. DOI: 10.17759/sps.2019100407
9. *Севрюгина А.Д.*, *Шевкова Е.В.* Личностные и саморегуляционные факторы обращаемости за медицинской помощью // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. С. 721–729.
10. *Сергеева А.С.*, *Кириллов Б.А.*, *Джумагулова А.Ф.* Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 138–154. DOI: 10.17759/exppsy.2016090311
11. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2000.
12. *Шмелев А.Г.* Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013.
13. *Aichholzer J.* Random intercept EFA of personality scales // Journal of Research in Personality. 2014. V. 53. P. 1–4. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.001
14. *Asparouhov T.*, *Muthén B.O.* Exploratory structural equation modeling // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 2009. V. 16. № 3. P. 397–438. DOI: 10.1080/10705510903008204
15. *Bentler P.M.*, *Bonnet D.C.* Significance tests and goodness of fit in the analysis of covariance structures // Psychological Bulletin. 1980. V. 88. № 3. P. 588–606.

16. *Cohen J.* Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1988.

17. *DeYoung C.*G. Cybernetic Big Five theory // Journal of Research in Personality. 2015. V. 56. P. 33–58. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.004

18. *Field A.* Discovering statistics using SPSS. 3rd ed. L.: SAGE Publications Ltd, 2009.

19. *George D.*, *Mallery P.* IBM SPSS statistics 23 step by step: A simple guide and reference. N.Y.: Routledge, 2016.

20. *Ghasemi A.*, *Zahediasl S.* Normality tests for statistical analysis: a guide for non-statisticians // International Journal of Endocrinology and Metabolism. 2012. V. 10. № 2. P. 486–489. DOI: 10.5812/ijem.3505

21. *Goldberg L.R.* An alternative "description of personality": The big-five factor structure // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59. № 6. P. 1216–1229.

22. *Goldberg L.R.* International Personality Items Pool, IPIP, 2001. URL: http://ipip.ori.org/

23. HBO Entertainment; co-executive producers, G.R.R. Martin, V. Gerardis, R. Vicinanza, G. Casady, C. Strauss; producers, M. Huffam, F. Doelger; executive producers D. Benioff, D.B. Weiss; created by D. Benioff, D.B. Weiss; Television 360; Grok! Television; Generator Entertainment; Bighead Littlehead. Game of thrones. The complete first season. N.Y.: HBO Home Entertainment. Burbank, CA: Warner Home Video, 2012. URL: https://search.library.wisc.edu/catalog/9910113676002121

24. *Hoorper D.*, *Coughlan J.*, *Mullen R.M.* Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit // Electronic Journal of Business Research Methods. 2008. V. 6. № 1. P. 53–60.

25. *John O.P.*, *Naumann L.P.*, *Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy // Handbook of personality: Theory and research / O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 114–158.

26. *John O.P.*, *Donahue E.M.*, *Kentle R.L.* The Big Five Inventory — Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.

27. *Jöreskog K.*, *Sörbom D.* LISREL 8: Structural equation modeling with the SIMPLIS command language. Chicago, IL: Scientific Software International Inc, 1993.

28. *Kim H.Y.* Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution (2) using skewness and kurtosis // Restorative Dentistry & Endodontics. 2013. V. 38. № 1. P. 52–54.

29. *Kohút M.*, *Halama P*, *Soto C.J.*, *John O.P.* Psychometric properties of Slovak short and extra-short forms of Big Five Inventory-2 (BFI-2) // Československa Psychologie. 2020. V. 64. № 5. P. 550–563.

30. *McCrae R.R.*, *Costa Jr. P.T.* The five-factor theory of personality // Handbook of personality: Theory and research / O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 159–181.

31. *McNeish D.* Thanks coefficient alpha, we'll take it from here // Psychological Methods. 2018. V. 23. № 3. P. 412–433. DOI: 10.1037/met0000144

32. *Mishra P.*, *Pandey C.M.*, *Singh U.*, *Gupta A.*, *Sahu C.*, *Keshri A.* Descriptive statistics and normality tests for statistical data // Annals of Cardiac Anaesthesia. 2019. V. 22. № 1. P. 67–72.

33. *Rammstedt B.*, *Beierlein C.* Can't we make it any shorter? The limits of personality assessment and ways to overcome them // Journal of Individual Differences. 2014. V. 35. P. 212–220. DOI: 10.1027/1614-0001/a000141

34. *Rammstedt B.*, *Danner D.*, *Soto C.J.*, *John O.P.* Validation of the short and extra-short forms of the Big Five Inventory-2 (BFI-2) and their German adaptations // European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 36. № 1. P. 149–161. DOI: 10.1027/1015-5759/a000481

35. *Revelle W.* An introduction to psychometric theory with applications in R. Personality Project, 2020. URL: http://www.personality-project.org/r/book/ (дата обращения: 15.11.2020).

36. *Schumacker R.E.*, *Lomax R.G.* A beginner's guide to structural equation modeling. N.Y.: Routledge, 2016.

37. *Shchebetenko S.* "The best man in the world": Attitudes toward personality traits // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 129–148.

38. *Shchebetenko S.*, *Kalugin A.Y.*, *Mishkevich A.M.*, *Soto C.J.*, *John O.P.* Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version // Assessment. 2020. V. 27. № 3. P. 472–486. DOI: 10.1177/1073191119860901

39. *Soto C.J.*, *John O.P.* Short and extra-short forms of the Big Five Inventory-2: The BFI-2-S and BFI-2-XS // Journal of Research in Personality. 2017. V. 68. P. 69–81. DOI: 10.1016/j.jrp.2017.02.004

40. *Soto C.J.*, *John O.P.* The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. V. 113. № 1. P. 117–143. DOI: 10.1037/pspp0000096

41. *Tabachnick B.G.*, *Fidell L.S.* Using multivariate statistics. 5th ed. N.Y.: Allyn and Bacon, 2007.

42. *Vedel A.*, *Wellnitz K.B.*, *Ludeke S.*, *Soto C.J.*, *John O.P.*, *Andersen S.C.* Development and validation of the Danish Big Five Inventory-2: Domain-and facet-level structure, construct validity, and reliability // European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 37. P. 42–51. DOI: 10.1027/1015-5759/a000570

THE SHORT AND EXTRA-SHORT FORMS OF THE RUSSIAN VERSION OF THE BIG FIVE INVENTORY-2: BFI-2-S AND BFI-2-XS[2]

A. M. Mishkevich[1,*], S. A. Shchebetenko[1,2,], A. Yu. Kalugin[3,***], C. J. Soto[4,****], O. P. John[5,*****]**

[1]*Perm State University*;
614990, *Perm*, *Bukireva str.*, *15*, *Russia*.
[2]*HSE University*;
101000, *Moscow*, *Myasnitskaya str.*, *20*, *Russia*.
[3]*Perm State Humanitarian Pedagogical University*;
614990, *Perm*, *Sibirskaya str.*, *24*, *Russia*.
[4]*Colby College*;
04901, *4000 Mayflower Hill*, *Waterville*, *ME*, *USA*.
[5]*University of California*, *Berkeley*, *94720*,
2227 Piedmont Avenue, *Berkeley*, *CA*, *USA*.
[*]*PhD*, *Associate Professor in the Department of Developmental Psychology*.
E-mail: *ArinaMishkevich@ya.ru*
[**]*DSc*, *Professor in the School of Psychology*.
E-mail: *sshchebetenko@hse.ru*
[***]*PhD*, *Head of the Department of Practical Psychology*.
E-mail: *kaluginau@yandex.ru*
[****]*PhD*, *Associate Professor in the Department of Psychology*.
E-mail: *christopher.soto@colby.edu*
[*****]*PhD*, *Professor in the Department of Psychology*.
E-mail: *o_johnx5@berkeley.edu*

Received 10.12.2020

Abstract. The paper is aimed to examine psychometric properties of short (BFI-2-S; 30 items) and extra-short (BFI-2-XS; 15 items) forms of the Russian version of the Big Five Inventory-2. Two samples were employed, which comprised Internet users ($N = 1787$) and students ($N = 1024$). Scores on the BFI-2-X/BFI-2-XS scales and subscales were distributed normally. The methods demonstrated adequate internal consistency and retest reliability ($n = 90$). The factor structure measured by the principal components analysis and the Random Intercept Exploratory Factor Analysis showed that BFI-2-X/BFI-2-XS's data reproduced the structure previously obtained in other cultures. The BFI-2-X/BFI-2-XS subscales correlated with the IPIP subscales, such that they supported convergent and discriminant validity. Therefore, the Russian BFI-2-X and BFI-2-XS represent psychometricaly solid instruments.

Keywords. personality, five-factor theory, psychometrics, reliability, validity, Big Five Inventory-2, short forms of questionnaires.

REFERENCES

1. *Berisha N.S.*, *Novikov A.L.*, *Novikova I.A.*, *Shlyahta D.A.* Individual'no-lichnostnye faktory uspeshnosti osvoeniya inostrannogo yazyka studentami-lingvistami. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2018. V. 7. № 1. P. 4–15. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-1-4-15 (In Russian)
2. *Egorova M.S.*, *Parshikova O.V.* Psihometricheskie harakteristiki Korotkogo portretnogo oprosnika Bol'shoj pyaterki (B5-10). Psihologicheskie Issledovaniya. 2016. V. 9. № 45. P. 9. (In Russian)
3. *Kalugin A.Yu.*, *Shchebetenko S.A.*, *Mishkevich A.M.*, *Soto C.J.*, *John O.P.* Psihometrika russkoyazychnoj versii Big Five Inventory-2. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. V. 18. № 1. P. 7–33. (In Russian).

[2] The publication was prepared in the course of research (No. 19-01-003) within the framework of the Program "Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)" in 2019–2020. and within the framework of state support for the leading universities of the Russian Federation "5–100".

4. *Knyazev G.G.*, *Mitrofanova L.G.*, *Bocharov A.V.* Validizaciya russkoyazychnoj versii oprosnika L. Goldberga «Markery faktorov "Bol'shoj pyaterki"». Psikhologicheskii zhurnal. 2010. V. 31. № 5. P. 100–110. (In Russian)

5. *Kornilova V.V.*, *Chumakova M.A.* Aprobaciya kratkogo oprosnika Bol'shoj pyaterki (TIPI, KOBT). Psihologicheskie Issledovaniya. 2016. V. 9. № 46. P. 5. URL: http://psystudy.ru (data obrashcheniya: 15.11.2020). (In Russian)

6. *Orel V.E.*, *Senin I.G.* Lichnostnyj oprosnik NEO PI-R. Rukovodstvo po primeneniyu. Yaroslavl': NPC "Psihodiagnostika", 2004. (In Russian)

7. *Osin E.N.*, *Rasskazova E.I.*, *Neyaskina Yu.Yu.*, *Dorfman L.Ya.*, *Aleksandrova L.A.* Operacionalizaciya pyatifaktornoj modeli lichnostnyh chert na rossijskoj vyborke. Psihologicheskaya Diagnostika. 2015. V. 3. P. 80–104. (In Russian)

8. *Priporova E.A.*, *Agadullina E.R.* Social'nye motivy ispol'zovaniya social'nyh setej: analiz grupp pol'zovatelej. Social'naya Psihologiya i Obshchestvo. 2019. V. 10. № 4. P. 96–111. DOI: 10.17759/sps.2019100407 (In Russian)

9. *Sevryugina A.D.*, *Shevkova E.V.* Lichnostnye i samoregulyacionnye faktory obrashchaemosti za medicinskoj pomoshch'yu. Social'nye i Gumanitarnye Nauki: Teoriya i Praktika. 2019. P. 721–729. (In Russian)

10. *Sergeeva A.S.*, *Kirillov B.A.*, *Dzhumagulova A.F.* Perevod i adaptaciya kratkogo pyatifaktornogo oprosnika lichnosti (TIPI-RU): ocenka konvergentnoj validnosti, vnutrennej soglasovannosti i test-retestovoj nadezhnosti. Eksperimental'naya Psihologiya. 2016. V 9. № 3. P. 138–154. DOI: 10.17759/exppsy.2016090311 (In Russian)

11. *Hromov A.B.* Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. (In Russian)

12. *Shmelev A.G.* Prakticheskaya testologiya. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoj psihologii i upravlenii personalom. Moscow: Maska, 2013. (In Russian)

13. *Aichholzer J.* Random intercept EFA of personality scales. Journal of Research in Personality. 2014. V. 53. P. 1–4. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.001

14. *Asparouhov T.*, *Muthén B.O.* Exploratory structural equation modeling. Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 2009. V. 16. № 3. P. 397–438. DOI: 10.1080/10705510903008204

15. *Bentler P.M.*, *Bonnet D.C.* Significance tests and goodness of fit in the analysis of covariance structures. Psychological Bulletin. 1980. V. 88. № 3. P. 588–606.

16. *Cohen J.* Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1988.

17. *DeYoung C.G.* Cybernetic Big Five theory. Journal of Research in Personality. 2015. V. 56. P. 33–58. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.004

18. *Field A.* Discovering statistics using SPSS. 3rd ed. L.: SAGE Publications Ltd, 2009.

19. *George D.*, *Mallery P.* IBM SPSS statistics 23 step by step: A simple guide and reference. N.Y.: Routledge, 2016.

20. *Ghasemi A.*, *Zahediasl S.* Normality tests for statistical analysis: a guide for non-statisticians. International Journal of Endocrinology and Metabolism. 2012. V. 10. № 2. P. 486–489. DOI: 10.5812/ijem.3505

21. *Goldberg L.R.* An alternative "description of personality": The big-five factor structure. Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59. № 6. P. 1216–1229.

22. *Goldberg L.R.* International Personality Items Pool, IPIP, 2001. URL: http://ipip.ori.org/

23. HBO Entertainment; co-executive producers, G.R.R. Martin, V. Gerardis, R. Vicinanza, G. Casady, C. Strauss; producers, M. Huffam, F. Doelger; executive producers D. Benioff, D.B. Weiss; created by D. Benioff, D.B. Weiss; Television 360; Grok! Television; Generator Entertainment; Bighead Littlehead. Game of thrones. The complete first season. New York: HBO Home Entertainment. Burbank, CA: Warner Home Video, 2012. URL: https://search.library.wisc.edu/catalog/9910113676002121

24. *Hoorper D.*, *Coughlan J.*, *Mullen R.M.* Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit. Electronic Journal of Business Research Methods. 2008. V. 6. № 1. P. 53–60.

25. *John O.P.*, *Naumann L.P.*, *Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy. Handbook of personality: Theory and research. O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 114–158.

26. *John O.P.*, *Donahue E.M.*, *Kentle R.L.* The Big Five Inventory — Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.

27. *Jöreskog K.*, *Sörbom D.* LISREL 8: Structural equation modeling with the SIMPLIS command language. Chicago, IL: Scientific Software International Inc, 1993.

28. *Kim H.Y.* Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution (2) using skewness and kurtosis. Restorative Dentistry & Endodontics. 2013. V. 38. № 1. P. 52–54.

29. *Kohút M.*, *Halama P*, *Soto C.J.*, *John O.*P. Psychometric properties of Slovak short and extra-short forms of Big Five Inventory-2 (BFI-2). Československa Psychologie. 2020. V. 64. № 5. P. 550–563.

30. *McCrae R.R.*, *Costa Jr. P.T.* The five-factor theory of personality. Handbook of personality: Theory and research. O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 159–181.

31. *McNeish D.* Thanks coefficient alpha, we'll take it from here. Psychological Methods. 2018. V. 23. № 3. P. 412–433. DOI: 10.1037/met0000144

32. *Mishra P.*, *Pandey C.M.*, *Singh U.*, *Gupta A.*, *Sahu C.*, *Keshri A.* Descriptive statistics and normality tests for

statistical data. Annals of Cardiac Anaesthesia. 2019. V. 22. № 1. P. 67–72.

33. *Rammstedt B.*, *Beierlein C.* Can't we make it any shorter? The limits of personality assessment and ways to overcome them. Journal of Individual Differences. 2014. V. 35. P. 212–220. DOI: 10.1027/1614-0001/a000141
34. *Rammstedt B.*, *Danner D.*, *Soto C.J.*, *Oliver O.P.* Validation of the short and extra-short forms of the Big Five Inventory-2 (BFI-2) and their German adaptations. European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 36. № 1. P. 149–161. DOI: 10.1027/1015-5759/a000481
35. *Revelle W.* An introduction to psychometric theory with applications in R. Personality Project, 2020. URL: http://www.personality-project.org/r/book/ (date of access: 15.11.2020).
36. *Schumacker R.E.*, *Lomax R.G.* A beginner's guide to structural equation modeling. New York: Routledge, 2016.
37. *Shchebetenko S.* 'The best man in the world': Attitudes toward personality traits. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. V. 11. № 3. P. 129–148.
38. *Shchebetenko S.*, *Kalugin A.Y.*, *Mishkevich A.M.*, *Soto C.J.*, *John O.P.* Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version. Assessment. 2020. V. 27. № 3. P. 472–486. DOI: 10.1177/1073191119860901
39. *Soto C.J.*, *John O.P.* Short and extra-short forms of the Big Five Inventory-2: The BFI-2-S and BFI-2-XS.. Journal of Research in Personality. 2017. V. 68. P. 69–81. DOI: 10.1016/j.jrp.2017.02.004
40. *Soto C.J.*, *John O.P.* The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power.. Journal of Personality and Social Psychology. 2017. V. 113. № 1. P. 117–143. DOI: 10.1037/pspp0000096
41. *Tabachnick B.G.*, *Fidell L.S.* Using multivariate statistics. 5th ed. N.Y.: Allyn and Bacon, 2007.
42. *Vedel A.*, *Wellnitz K.B.*, *Ludeke S.*, *Soto C.J.*, *John O.P.*, *Andersen S.C.* Development and validation of the Danish Big Five Inventory-2: Domain-and facet-level structure, construct validity, and reliability. European Journal of Psychological Assessment. 2020. DOI: https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000570

ПРИЛОЖЕНИЕ
КРАТКАЯ ВЕРСИЯ BIG FIVE INVENTORY-2 (BFI-2-S)

Ниже приведен список качеств, которые могут Вас характеризовать или не характеризовать. Например, Вы согласны с тем, что Вы — человек, которому нравится проводить время с другими людьми? Пожалуйста, отметьте одно число от 1 до 5 рядом с каждым утверждением, чтобы обозначить степень Вашего согласия или несогласия.

1	2	3	4	5
Совершенно не согласен	Немного не согласен	Нейтрально; нет мнения	Немного согласен	Совершенно согласен

Я — человек, который...

1	склонный быть молчаливым	1	2	3	4	5
2	сопереживающий и добросердечный	1	2	3	4	5
3	склонный быть неорганизованным	1	2	3	4	5
4	часто волнующийся, обо всем переживающий	1	2	3	4	5
5	увлеченный живописью, музыкой или литературой	1	2	3	4	5
6	доминирующий, ведущий себя по-лидерски	1	2	3	4	5
7	порой бывающий грубым с окружающими	1	2	3	4	5
8	с трудом приступающий к работе	1	2	3	4	5
9	склонный к печали, депрессии	1	2	3	4	5
10	мало интересующийся абстрактными идеями	1	2	3	4	5
11	полный энергии	1	2	3	4	5
12	склонный видеть в других людях только хорошее	1	2	3	4	5
13	надежный, на меня всегда можно рассчитывать	1	2	3	4	5
14	эмоционально стабильный, которого нелегко вывести из себя	1	2	3	4	5
15	генерирующий новые идеи, оригинально мыслящий	1	2	3	4	5
16	общительный, открытый	1	2	3	4	5

17	может быть холодным и равнодушным	1	2	3	4	5
18	прилежный и аккуратный	1	2	3	4	5
19	расслабленный, хорошо справляющийся со стрессом	1	2	3	4	5
20	мало интересующийся искусством	1	2	3	4	5
21	предпочитающий, чтобы решения принимали другие	1	2	3	4	5
22	относящийся к другим людям с уважением	1	2	3	4	5
23	настойчивый, доводящий дело до конца	1	2	3	4	5
24	гармоничный и довольный жизнью	1	2	3	4	5
25	сложный, глубоко мыслящий	1	2	3	4	5
26	пассивный, вялый	1	2	3	4	5
27	склонный искать ошибки в поступках других людей	1	2	3	4	5
28	бывает легкомысленным	1	2	3	4	5
29	эмоциональный, неуравновешенный	1	2	3	4	5
30	мыслящий шаблонно, стереотипно	1	2	3	4	5

Ключ

Ниже приведены номера пунктов шкал BFI-2-S, измеряющих черты личности и их аспекты. Реверсивные пункты обозначены буквой “R”.

Шкалы черт (областей)

Экстраверсия: 1R, 6, 11, 16, 21R, 26R

Доброжелательность (Склонность к согласию): 2, 7R, 12, 17R, 22, 27R

Добросовестность (Контроль импульсивности): 3R, 8R, 13, 18, 23, 28R

Негативная эмоциональность (Нейротизм): 4, 9, 14R, 19R, 24R, 29

Открытость опыту: 5, 10R, 15, 20R, 25, 30R

Шкалы аспектов (фасетов)

Общительность: 1R, 16

Настойчивость (Ассертивность): 6, 21R

Энергичность: 11, 26R

Сочувствие: 2, 17R

Уважительность: 7R, 22

Доверие: 12, 27R

Организованность: 3R, 18

Продуктивность: 8R, 23

Ответственность: 13, 28R

Тревожность: 4, 19R

Депрессивность: 9, 24R

Эмоциональная изменчивость (Эмоциональная волатильность): 14R, 29

Любознательность: 10R, 25

Эстетичность: 5, 20R

Творческое воображение (Личностная креативность): 15, 30R

Все права на BFI-2 принадлежат Кристоферу Дж. Сото и Оливеру П. Джону: Christopher J. Soto and Oliver P. John are copyright holders for the Big Five Inventory-2

СВЕРХКРАТКАЯ ВЕРСИЯ BIG FIVE INVENTORY-2 (BFI-2-XS)

Ниже приведен список качеств, которые могут Вас характеризовать или не характеризовать. Например, Вы согласны с тем, что Вы — человек, которому нравится проводить время с другими людьми? Пожалуйста, отметьте одно число от 1 до 5 рядом с каждым утверждением, чтобы обозначить степень Вашего согласия или несогласия.

1	2	3	4	5
Совершенно не согласен	Немного не согласен	Нейтрально; нет мнения	Немного согласен	Совершенно согласен

Я — человек, который...

1	склонный быть молчаливым	1	2	3	4	5
2	сопереживающий и добросердечный	1	2	3	4	5
3	склонный быть неорганизованным	1	2	3	4	5
4	часто волнующийся, обо всем переживающий	1	2	3	4	5

5	увлеченный живописью, музыкой или литературой	1	2	3	4	5
6	доминирующий, ведущий себя по-лидерски	1	2	3	4	5
7	порой бывающий грубым с окружающими	1	2	3	4	5
8	с трудом приступающий к работе	1	2	3	4	5
9	склонный к печали, депрессии	1	2	3	4	5
10	мало интересующийся абстрактными идеями	1	2	3	4	5
11	полный энергии	1	2	3	4	5
12	склонный видеть в других людях только хорошее	1	2	3	4	5
13	надежный, на меня всегда можно рассчитывать	1	2	3	4	5
14	эмоционально стабильный, которого нелегко вывести из себя	1	2	3	4	5
15	генерирующий новые идеи, оригинально мыслящий	1	2	3	4	5

Ключ

Ниже приведены номера пунктов шкал BFI-2-XS, измеряющих черты личности. Реверсивные пункты обозначены буквой “R”.

Шкалы черт (областей)

Экстраверсия: 1R, 6, 11

Доброжелательность (Склонность к согласию): 2, 7R, 12

Добросовестность (Контроль импульсивности): 3R, 8R, 13

Негативная эмоциональность (Нейротизм): 4, 9, 14R

Открытость опыту: 5, 10R, 15

Все права на BFI-2 принадлежат Кристоферу Дж. Сото и Оливеру П. Джону: Christopher J. Soto and Oliver P. John are copyright holders for the Big Five Inventory-2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 109–121

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

УДК 159.9.07

ВЕРИФИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ ОПРОСНИКА “ПРИЧИНЫ ДЛЯ ЖИЗНИ” НА КЛИНИЧЕСКОЙ ВЫБОРКЕ[1]

© 2022 г. Е. В. Пашнин[1,*], М. С. Зинчук[1,], А. Г. Герсамия[1,***], Н. И. Войнова[1,****], А. А. Яковлев[1,2,*****], А. С. Аведисова[1,3,******], А. Б. Гехт[1,4,*******]**

[1]ГБУЗ Научно-практический психоневрологический центр им. З.П. Соловьева Департамента здравоохранения Москвы (НПЦ им. З.П. Соловьева); 115419, г. Москва, ул. Донская, д. 43, Россия.

[2]ФГБУ Науки Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (ИВНДН РАН); 117485, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 5А, Россия.

[3]ФГБУ “НМИЦ психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского” Министерства здравоохранения Российской Федерации; 119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23, Россия.

[4]ФГАОУ ВО “Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова” Министерства здравоохранения Российской Федерации (РНИМУ); 117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1, Россия.

[*]Научный сотрудник кризисного (суицидологического) отдела НПЦ им. З.П. Соловьева.
E-mail: evg.ptic@gmail.com

[**]Кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник кризисного (суицидологического) отдела НПЦ им. З.П. Соловьева.
E-mail: mzinchuk@mail.ru

[***]Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, главный психолог НПЦ им. З.П. Соловьева.
E-mail: aanna187@gmail.com

[****]Младший научный сотрудник кризисного (суицидологического) отдела НПЦ им. З.П. Соловьева.
E-mail: nad.ig.voinova@gmail.com

[*****]Доктор биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории функциональной биохимии нервной системы, ведущий научный сотрудник НПЦ им. З.П. Соловьева.
E-mail: al_yakovlev@rambler.ru

[******]Доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник НПЦ им. З.П. Соловьева, руководитель отдела терапии психических и поведенческих расстройств НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского.
E-mail: alla.avedisova@gmail.com

[*******]Доктор медицинских наук, профессор, директор НПЦ им. З.П. Соловьева, профессор кафедры неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики ЛФ РНИМУ.
E-mail: guekht@gmail.com

Поступила 27.10.2020

Аннотация. По данным ВОЗ, около 800 тыс. человек умирают из-за суицида каждый год, и 79% самоубийств происходит в странах с низким и средним уровнем дохода. Тем не менее профилактические меры могут снизить вероятность самоубийства. Для программ профилактики очень важно определить не только факторы риска, связанные с самоубийством (социально-демографические данные, клинические переменные), но и факторы устойчивости, действующие как защита от попытки суицида. Один из инструментов для оценки и измерения таких факторов — это опросник “Причины для жизни” (RFLI) — 48 когнитивных причин (пунктов) не совершать суицид в случае возникновения таких мыслей. Цель данного исследования — верифицировать факторную структуру Опросника на российской клинической выборке. В исследовании участвовали 504 пациента с непсихотическими психическими расстройствами в возрасте от 18 до 82 лет (медианный возраст — 27 лет; межквартильный размах — 21; 305 женщин;

[1] Авторы выражают благодарность Антону Сергеевичу Рагузину и Софье Баяровне Поповой за помощь!

199 мужчин), находившихся на лечении в ГБУЗ НПЦ психоневрологии им. З.П. Соловьева. Метод главных компонент использовался в качестве статистического метода для выявления взаимосвязей между переменными. Результаты факторного анализа позволили выявить 7-факторную модель Опросника, которая объяснила 62.9% дисперсии — данная структура почти полностью соответствует исходной 6-факторной модели, за исключением подшкалы “страх самоубийства”, которая разделилась на две подшкалы — одну, напрямую связанную со страхом самоубийства, и еще одну, которую можно было бы назвать “страхом неудачи”, важность обособления которой требует дальнейшей оценки. Проведенное исследование показало согласованность и достоверность русскоязычной версии опросника “Причины для жизни” при его использовании у лиц с непсихотическими психическими расстройствами.

Ключевые слова: суицид, протективные факторы, факторный анализ, опросник “Причины для жизни”, непсихотические психические расстройства.

DOI: 10.31857/S020595920017745-5

По данным ВОЗ, в результате самоубийства ежегодно умирают почти 800 тыс. человек. Экономические потери, связанные с суицидальным поведением, велики и составляют 1,8% от общего бремени болезней в мире [54]. Распространенность самоубийств существенно разнится в зависимости от региона: самый низкий показатель смертности в результате самоубийства регистрируется в странах восточного средиземноморья, а наиболее высокий — в Европейском регионе. Межгосударственные различия внутри одного региона также могут быть значительными, что определяется как этно-культуральными особенностями населения, так и проводимыми кампаниями по превенции суицидального поведения. Более того, разница в частоте суицидов между регионами внутри большой страны может достигать 100-кратных значений [9]. Несмотря на наметившуюся в последнее десятилетие тенденцию к снижению числа самоубийств в Российской Федерации, показатель суицидальной смертности в расчете на 100 тыс. населения попрежнему остается выше среднего значения по Европейскому региону [53].

Суицид представляет собой полиэтиологичное явление, возникающее в результате взаимодействия антропологических, биологических, социальных, психологических и мировоззренческих факторов [4]. В большинстве исследований внимание уделяется изучению факторов риска суицида — как популяционных, так и индивидуальных [49]. К последним относятся психологические особенности (например, ощущение безнадежности); черты личности (например, перфекционизм); предыдущие попытки самоубийства; а также семейные (например, история самоубийств в семье), социальные (например, неудачи на учебе или работе), ситуационные (например, негативные жизненные события) факторы, несуицидальное самоповреждающее поведение [4] и, конечно, психические расстройства, прежде всего депрессия [37]. Кроме того, существенное влияние оказывает коморбидная соматоневрологическая патология, например эпилепсия [5].

Следует отметить, что, несмотря на значимость такого фактора, как депрессия, только 3,77–6,67% лиц с рекуррентным депрессивным расстройством совершают самоубийство [38]. Исследования последних лет позволили выявить ряд важных клинических и психологических просуицидальных факторов. Так, была доказана связь между суицидальным поведением и расстройствами личности кластеров A и B, злоупотреблением психоактивными веществами и курением на протяжении жизни, тревожным расстройством, безнадежностью, нарушением детско-материнских отношений и низкой социальной адаптацией [33]. В то же время большая часть вариативности в суицидальном поведении остается труднообъяснимой, что подтверждается тем, что даже у лиц, имеющих одновременно несколько факторов риска, чаще всего не развивается суицидальное поведение на протяжении жизни [21].

Одним из ключей к пониманию разрыва между факторами риска, полученными в крупномасштабных исследованиях, и вероятностью совершения суицидальной попытки конкретным человеком может стать выявление протективных — контрсуицидальных факторов. К таковым относятся переменные, оказывающие смягчающее воздействие на факторы риска, удерживая, таким образом, человека, находящегося в сложной ситуации, от совершения самоубийства.

Совокупность факторов резилиентности (“эластичности”, “упругости”) образует антисуицидальный потенциал личности, являясь одним из предикторов благоприятного исхода. Несмотря на то что факторы резилиентности к суициду скорее рассматриваются в качестве психологического конструкта [24] в рамках позитивной психологии [22], существуют убедительные данные о нейробиологических предпосылках их формирования. Так,

в исследованиях последних лет обсуждаются три главных нейробиологических компонента резилиентности: окситоциновую систему, биоповеденческую синхронию и “аффилиативный мозг” [19].

Концепция протективных факторов гармонично вписывается в современный подход, при котором происходит разделение лиц с суицидальностью на “идеаторов” (тех, у кого отмечаются лишь суицидальные мысли) и “аттемптеров” (тех, кто уже совершал попытку суицида), что позволяет изучить факторы риска и механизм перехода из первой группы во вторую [26]. Согласно данному подходу, движение от суицидальной идеации к поведению определяется наличием критического количества просуицидальных факторов при одновременном дефиците антисуицидальных (факторов резилиентности).

В то же время при анализе как факторов риска, так и факторов резилентности важно учитывать контекст, в котором находится конкретный человек, например, социальные обязательства по отношению к супругу защищают от суицида, но наличие высокого уровня конфликтности или насилия в отношениях значительно увеличивает его риск [35].

Исследования, основанные на “позитивном” психологическом подходе, убедительно продемонстрировали значение для прогнозирования суицидальной попытки таких установок, как надежда и наличие причины для жизни. Так, в ряде исследований была показана связь между удовлетворенностью межличностными отношениями, чувством полезности для семьи и друзей, ощущением, что жизнь имеет смысл, и более низкими суицидальным риском [25; 46]. Кроме того, Linehan с соавт. [28] обнаружили, что многие лица, пытавшиеся покончить с собой, испытывали недостаток веры к возможности адаптации и выживания в сравнении с общей популяцией. Примерами “позитивных” убеждений являются представления о том, что независимо от тягот и сложности жизненной ситуации существует возможность получать удовольствие, или что в будущем возможны перемены к лучшему. Эти жизненные цели и ожидания были концептуализированы авторами в качестве “причин для жизни”, а основанный на этой идее подход в дальнейшем был с успехом применен в исследованиях, проведенных на различных популяциях.

Для оценки “причин для жизни” в 1983 г. Linehan и соавт. был разработан специальный инструмент — опросник “Причины для жизни” (Reasons For Living Inventory, RFLI) [28], который зарекомендовал себя надежным инструментом оценки суицидального риска [52]. Инструмент был переведен и валидизирован на многих языках [12; 13; 17; 21; 27; 45], а также он стал основой для разработки ряда модификаций, адресованных специальным популяциям — военным ветеранам [16], студентам колледжей [52], а также коротких версий для подростков [40] и людей старшего возраста [30]. Данный опросник состоит из 48 пунктов, отражающих причины не совершать самоубийство в случае возникновения такой мысли. Каждый из пунктов оценивается по шестибалльной шкале Лайкерта. В оригинальном исследовании причины распределились на шесть блоков-факторов — “убеждения относительно выживания и совладания”, “ответственность перед семьей”, “забота о детях”, “страх самоубийства”, “страх социального осуждения” и “моральные запреты”.

После разработки опросника “Причины для жизни” был создан ряд других инструментов, направленных на оценку резилиентности, но ни один из них не затрагивает темы суицида напрямую [15; 43; 47].

Многочисленными исследованиями с использованием опросника “Причины для жизни”, проведенными в разных странах на клинических и неклинических выборках, было продемонстрировано, что причины для жизни могут играть протективную роль как в отношении перехода от суицидальных мыслей к попытке, так и в отношении появления суицидальных мыслей вообще [29; 31; 45] — это позволяет считать, что причины для жизни являются потенциально модифицируемым фактором со значительным терапевтическим потенциалом.

Важно отметить, что многие составляющие причин для жизни, в том числе ценности, религиозные и моральные убеждения, взгляды на себя и других, находятся под влиянием этнокультурных и социальных факторов, в связи с чем могут существенно отличаться в зависимости от конкретной страны [18]. Так, некоторые исследователи обнаружили этнокультурные различия в уровнях или факторной структуре опросника “Причины для жизни” между европейскими, американскими, афроамериканскими и азиатско-американскими студентами [14; 46; 51].

Наибольший психометрический потенциал для оценки суицидального риска имеет использование опросника “Причины для жизни” для сравнительного изучения в неклинической и клинической выборках одной этнокультуральной среды.

В Российской Федерации опросник впервые стал применяться под названием “Опросник антисуицидальных мотивов” и был включен в программный комплекс экспресс-оценки суицидального

риска “Сигнал” [7]. Однако адаптация опросника проводилась на смешанной выборке из 50 человек в возрасте от 20 до 83 лет [8], что могло стать ограничением для получения удовлетворительных психометрических свойств инструмента.

Дальнейшее исследование и валидизация были проведены под названием “Опросник причин для жизни” на неклинической популяции, состоявшей из 371 студента из вузов Москвы и Чебоксар [2; 11]. Факторный анализ распределил пункты опросника по трем факторам (в отличие от оригинальных шести), причем некоторые пункты пришлось вовсе исключить из расчетов. Также исследование причин для жизни проводилось на выборке аддиктов, госпитализированных в кризисные отделения после незавершенных суицидальных попыток [3].

Основная цель настоящего исследования состояла в верификации структуры оригинального опросника “Причины для жизни” на российской популяции пациентов, страдающих непсихотическими психическими расстройствами. Мы предположили, что у этих лиц факторы причин для жизни отрицательно коррелируют с показателями риска суицида и объясняют значительную вариативность в распространенности суицидальной идеации среди этой группы пациентов.

МЕТОДИКА

Мы использовали перевод оригинального опросника “Причины для жизни” на русский язык, сделанный для исследования К.А. Чистопольской [11] в соответствии со стандартными нормами языковой адаптации и валидизации [50].

Прозрачность и обоснованность процедуры перевода позволили нам выбрать уже адаптированную ранее на русском языке версию. Кроме того, использование идентичной версии русскоязычного опросника позволило напрямую изучить отличия нашей выборки от ранее исследованной.

Целями нашего исследования были верификация факторной структуры опросника “Причины для жизни” на российской клинической выборке и определение его внутренней согласованности. Критериями включения было наличие любого из непсихотических психических расстройств, возраст от 18 лет и старше. Мы не включали в исследование пациентов с психотическими симптомами (текущими и в анамнезе), а также пациентов с тяжелой соматоневрологической патологией. В результате 504 пациента с непсихотическими психическими расстройствами в возрасте от 18 до 82 лет (медианный возраст — 27 лет; межквартильный размах — 21; 305 женщин; 199 мужчин), находившихся на лечении в ГБУЗ НПЦ психоневрологии им. З.П. Соловьева ДЗМ, заполнили опросник “Причины для жизни”.

Структура опросника “Причины для жизни” определялась с помощью факторного анализа методом главных компонент с применением вращения осей Варимакс. В качестве меры надежности — согласованности шкал использовался коэффициент альфа Кронбаха (α). Статистическая обработка результатов исследования проводилась в программе SPSS22.0.

Исследование было одобрено локальным комитетом по научной этике.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Демографические характеристики выборки представлены в табл. 1, а в табл. 2 — сводные данные о психиатрических диагнозах среди пациентов выборки и показатели суицидальности.

Для выяснения структуры русскоязычной версии опросника “Причины для жизни” была проведена процедура факторного анализа полученных данных. Критерий Кайзера—Мейера—Олкина — 0.956 показал безусловную адекватность факторного анализа к данной выборке, как и критерий сферичности Бартлетта — $\chi^2 = 15\,851.285$; $df = 1128$; $p < 0.000$.

В результате факторного анализа с применением критерия Кайзера и использованием теста каменистой осыпи Кеттелла получено 7-факторное решение, объясняющее в сумме 62.94% дисперсии данных. Результаты факторизации представлены в табл. 3.

Полученные значения по опроснику “Причины для жизни” находились в диапазоне от 55 до 270 баллов. Средние значения — 161.4; σ — 45.7; медиана — 160.5; межквартильный размах — 71.8. Описательная статистика для Опросника представлена в табл. 4.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Важность положительных, поддерживающих жизнь убеждений как когнитивных переменных в суицидальном поведении была продемонстрирована во множестве исследований. Зарубежными авторами подтверждается как оригинальная 6-факторная модель [23; 39; 44], так и другие распределения факторов. Так, на неклинической выборке лесбиянок, геев и бисексуалов в штате Огайо (США) была продемонстрирована 13-факторая модель [34] опросника “Причины для жизни”,

Таблица 1. Демографические характеристики выборки

	Возраст, лет	
	27	21
	Медиана, *N*	Межквартильный размах, доля, %
Гендер		
Мужской	201	39.88
Женский	268	53.17
трансгендер Ж → М (без терапии)	1	0.20
агендер, биологический пол — ж	20	3.97
бигендер, биологический пол — ж	14	2.78
Образование		
Среднее и начальное школьное	27	5.36
Школьное полное	72	14.29
Среднее специальное	103	20.44
Неоконченное высшее	130	25.79
Высшее	170	33.73
Ученая степень	2	0.40
Занятость		
Полная	147	29.17
Неполная	75	14.88
Пенсия	11	2.18
Инвалидность	38	7.54
Декретный отпуск	2	0.40
Безработный	229	45.44
Неизвестно	2	0.40
Семейное положение		
Одинок	227	45.04
Официальный брак	115	22.82
Совместное проживание в незарегистрированном браке	68	13.49
Отношения без совместного проживания	77	15.28
Не имеет отношений после развода	17	3.37

Таблица 2: Психиатрические диагнозы и показатели суицидальности

Психиатрические диагнозы		
Органические расстройства	63	12.50%
Шизотипическое расстройство	71	14.09%
Биполярное аффективное расстройство без психотических симптомов	50	9.92%
Униполярная депрессия без психотических симптомов	86	17.06%
Невротические и связанные со стрессом расстройства	102	20.24%
Обсессивно-компульсивное расстройство	5	0.99%
Расстройства пищевого поведения	2	0.40%
Расстройства личности	81	16.07%
Сочетанные диагнозы (расстройство личности + любое аффективное расстройство)	43	8.53%
Суицидальность		
Суицидальные мысли в анамнезе	386	76.6%
Суицидальные попытки в анамнезе	156	31%

Таблица 3. Результаты факторного анализа опросника “Причины для жизни” (n = 504)

	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Фактор 1 –”Убеждения относительно выживания и совладания” (α Кронбаха — 0.963; % дисперсии — 27.104)							
32. Я верю, что любая ситуация может разрешиться к лучшему	0.799	0.171	0.168	0.134	0.026	0.016	0.011
22. Я верю, что могу найти другие решения своих проблем	0.793	0.182	0.049	–0.066	0.017	0.044	0.090
44. Я считаю, что могу найти цель в жизни, смысл, чтобы жить	0.774	0.163	0.004	0.067	0.079	0.016	0.100
14. Не важно, как мне погано, я знаю, что это пройдет	0.774	0.100	0.200	0.010	–0.011	0.006	0.055
13. У меня есть планы на будущее, и мне не терпится воплотить их в жизнь	0.763	0.013	0.057	–0.050	0.184	–0.032	0.048
24. Я люблю жизнь	0.748	0.178	0.198	0.126	0.161	–0.069	0.058
40. Я надеюсь, что ситуация улучшится и будущее окажется счастливым	0.739	0.135	0.013	0.091	0.015	–0.009	0.095
19. Я достаточно забочусь о себе, чтобы жить	0.733	0.133	0.211	0.115	0.081	0.034	0.052
4. У меня есть воля к жизни	0.733	0.056	0.141	0.076	0.131	–0.147	0.087
20. Жизнь слишком прекрасна и ценна, чтобы ее обрывать	0.730	0.169	0.238	0.161	0.222	–0.106	0.097
35. Мне еще многое надо сделать	0.726	0.168	0.078	0.142	0.190	–0.024	0.032
2. Я верю, что смогу научиться приспосабливаться или решать свои проблемы	0.722	0.161	0.029	–0.064	0.072	–0.025	0.082
12. Жизнь — это все, что у нас есть, и это лучше, чем ничего	0.721	0.066	0.146	0.197	0.152	–0.094	0.191
45. Я не вижу причин торопить смерть	0.700	0.071	0.280	0.134	0.114	–0.134	0.165
37. Я счастлив(-а) и доволен(-льна) жизнью	0.698	0.118	0.196	0.026	0.192	–0.043	–0.013
17. Я хочу испытать все, что предлагает мне жизнь, и есть многое, чего я еще не пробовал(-а)	0.694	0.146	–0.062	0.147	0.079	–0.012	–0.012
36. Мне хватает смелости смотреть жизни в лицо	0.675	0.157	0.200	0.203	0.054	0.022	–0.045
3. Я верю, что контролирую свою жизнь и судьбу	0.672	0.118	0.009	0.070	0.077	–0.013	0.016
10. Я не хочу умирать	0.646	0.044	0.159	0.157	0.128	–0.105	0.401
42. У меня силен инстинкт выживания	0.632	0.031	0.110	0.278	0.032	–0.030	–0.032
29. Мне любопытно узнать, что случится в будущем	0.607	0.150	–0.118	0.200	0.183	0.003	0.064
8. Я не верю, будто все может стать настолько плохо или безнадежно, что я предпочел(-ла) бы умереть	0.601	0.132	0.241	0.095	0.095	0.008	0.260
39. Я считаю, что самоубийством ничего не закончится и ничего не решится	0.479	0.185	0.383	0.199	0.027	0.020	0.144
25. Я слишком спокойный(-ая), чтобы убить себя	0.458	0.025	0.333	0.394	–0.035	0.157	0.046
Фактор 2 — “Ответственность перед семьей” (α Кронбаха — 0.890; % дисперсии — 9.618)							
30. Это слишком навредит моей семье, а я не хочу, чтобы они страдали	0.196	0.830	0.139	0.037	0.079	0.030	0.032
47. Я бы не хотел(–а), чтобы моя семья несла на себе бремя вины	0.150	0.810	0.086	0.127	–0.013	0.097	–0.012
1. Я ощущаю ответственность и обязательства перед своей семьей	0.168	0.786	0.123	0.001	0.110	–0.045	0.004
16. Я люблю свою семью слишком сильно и не смогу ее покинуть	0.294	0.723	0.101	0.049	0.217	–0.054	0.086
48. Я бы не хотел(-а), чтобы моя семья считала меня эгоистом(-кой) или трусом(-ихой)	0.245	0.656	0.123	0.390	0.079	0.043	0.003
9. Моя семья зависит от меня и нуждается во мне	0.273	0.643	0.173	0.023	0.242	–0.043	0.058
7. Моя семья может решить, что я не любил(-а) их	0.017	0.620	–0.011	0.291	0.050	0.053	0.220
Фактор 3 — “Моральные запреты” (α Кронбаха — 0.837; % дисперсии — 6.398)							
27. Мои религиозные убеждения это запрещают	0.211	0.183	0.811	0.139	0.145	0.073	0.043
23. Я боюсь попасть в ад	0.123	0.148	0.710	0.076	0.153	0.050	0.291
5. Я верю, что только бог имеет право прервать жизнь	0.308	0.234	0.709	0.123	0.181	–0.063	0.099
34. Я считаю это безнравственным	0.362	0.147	0.470	0.441	0.076	0.083	0.056
Фактор 4 — “Страх социального осуждения” (α Кронбаха — 0.825; % дисперсии — 5.692)							
41. Другие люди решат, что я слаб(-а) и себялюбив(-а)	0.126	0.198	0.145	0.740	0.156	0.181	0.160

Окончание табл. 3

	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
43. Я бы не хотел(-а), чтобы люди считали, будто я не контролирую свою жизнь	0.364	0.228	0.212	0.684	0.081	0.067	0.109
31. Меня беспокоит, что обо мне подумают другие	0.208	0.218	0.066	0.670	0.102	0.090	0.324
Фактор 5 — “Забота о детях” (α Кронбаха — 0.888; % дисперсии — 4,724)							
28. Это неблагоприятно повлияет на моих детей	0.291	0.275	0.235	0.133	0.753	0.074	–0.004
21. Было бы нечестно оставить детей на попечение другим людям	0.357	0.243	0.178	0.111	0.742	0.013	0.024
11. Я хочу увидеть, как растут мои дети	0.410	0.228	0.153	0.132	0.712	–0.084	0.091
Фактор 6 — “Страх неудачи” (α Кронбаха — 0.705; % дисперсии — 4.716)							
46. Я такой(-ая) неловкий(-ая), что мой метод самоубийства не сработает	–0.023	0.020	0.032	0.161	0.077	0.790	0.126
18. Я боюсь, что мой способ самоубийства не сработает	–0.215	0.070	–0.140	–0.147	0.029	0.757	0.058
33. Я не мог(-ла) решить, где, когда и как покончить с собой	–0.033	–0.051	0.106	0.190	–0.047	0.722	0.001
Фактор 7 — “Страх самоубийства” (α Кронбаха — 0.623; % дисперсии — 4.687)							
6. Я боюсь смерти	0.276	–0.008	0.140	0.093	0.081	0.020	0.752
15. Я боюсь неизвестности	0.121	0.126	0.030	0.137	0.080	0.023	0.663
26. Я трус, и у меня кишка тонка	–0.083	0.032	0.127	0.111	–0.161	0.433	0.529
38. Я боюсь непосредственно “акта” самоубийства (боли, крови, насилия)	0.127	0.093	0.227	0.108	–0.086	0.385	0.498

Общая α Кронбаха — 0.955.

Таблица 4. Описательная статистика по субшкалам опросника “Причины для жизни” (n = 504)

	Среднее	Медиана	*SD* (среднеквадратическое отклонение)	Межквартильный размах
Убеждения относительно выживания и совладания	79.98	81	26.26	42.75
Ответственность перед семьей	29.43	32	9.58	14
Моральные запреты	10.91	9	6.57	13
Страх социального осуждения	8.33	8	4.89	9
Забота о детях	11.18	13	5.88	12
Страх неудачи	7.61	7	4.26	8
Страх самоубийства	13.9	14	5.35	9

причем авторы подчеркивают, что такую модель крайне сложно интерпретировать и она не может отражать реальные причины для жизни. Другие исследования показывают меньшее число факторов, как, например, 3-факторная модель на выборке итальянских студентов [43]. В последнем исследовании авторы подчеркивают важность эмпирической оценки валидности опросника при использовании в разнородных популяциях.

В исследованиях на российской выборке, состоявшей из 371 студента четырех российских университетов [11], была выявлена 3-факторная модель опросника. Опросник также использовался на условно клинической выборке аддиктов [2], попавших в кризисное отделение после совершения суицидальной попытки, однако при этом не проводился факторный анализ, а для оценки использовались факторы, выделенные в оригинальном исследовании Linehan et al. [28].

До настоящего времени исследования, проведенные на российских клинических выборках, были выполнены на больных шизофренией (N = 40) [1] и пациентах с алкогольной и наркотической зависимостью (N = 52) [2] с суицидальным поведением и не затрагивали пациентов с непсихотическими психическими расстройствами. Восполнению этого пробела и посвящено настоящее исследование, целью которого являлось изучение психометричесих свойств опросника “Причины для жизни” на большой выборке пациентов с непсихотическими психическими расстройствами. По данным литературы именно эти психические нарушения, включающие депрессию, тревожные и связанные со стрессом расстройства, а также расстройства личности, являются одними из ведущих факторов риска суицида [36; 41], в то время как их психотерапевтическое и фармакологическое лечение может потенциировать резилиентность [50].

Результаты настоящего исследования показали, что структура российского варианта опросника “Причины для жизни” (по данным факторного анализа) совпадает с моделью M. Linehan и коллег в отношении большинства пунктов и их распределения по факторам-субшкалам: “убеждения о выживании и совладании” (24 пункта), “ответственность перед семьей” (7 пункта), “забота о детях” (3 пункта), “страх самоубийства” (4 пункта), “страх социального непринятия” (3 пункта) и “моральные запреты” (4 пункта). Новая дополнительная подшкала, названная нами “страх неудачи” (вопросы 18, 33 и 46), была выделена из подшкалы “страх самоубийств” оригинального распределения пунктов по факторам. Этот новый обособленный фактор отражает страх неудачи при попытке суицида. Таким образом, в первоначальном факторе “страх самоубийства” сохранилось 4 пункта из 7, а распределение пунктов по оставшимся 5 факторам было идентично полученным на взрослой выборке Linehan et al. (1983) [28].

К преимуществам данного исследования относится достаточно большая выборка (более 10 респондентов на вопрос), набранная сплошным методом, — всего 504 пациента. Базовые демографические и клинические характеристики выборки соответствует среднеожидаемым значениям для пациентов с непсихотическими психическими расстройствами, обращающимся за психиатрической помощью. У таких пациентов распространенность любого суицидального поведения выше, чем в общей популяции, поэтому выявление не только факторов риска, но и факторов устойчивости к суицидальному поведению с помощью опросника “Причины для жизни” может носить практический характер и способствовать определению терапевтической тактики и разработки программ по предотвращению суицидов.

В дальнейшем опросник “Причины для жизни” может быть использован для пациентов с непсихотическими психическими расстройствами как инструмент выявления факторов устойчивости (резилиентности) к суициду и их связи с переходом от суицидальной идеации к суицидальным попыткам.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало высокий уровень согласованности как отдельных пунктов, входящих в шкалу, так и пунктов в каждом факторе русскоязычной версии опросника “Причины для жизни” при его использовании у лиц с непсихотическими психическими расстройствами. Выявленная семифакторная структура опросника отличается от ранее полученной на российской выборке респондентов без психических расстройств, однако остается очень близка к оригинальному исследованию Linehan и соавт. (1983) [28]. От последнего русскоязычную версию опросника, использованную в нашем исследовании, отличает дополнительный фактор “страх неудачи”, значение которого для оценки риска совершения суицидальной попытки должно быть оценено в проспективном исследовании лиц с суицидальной идеацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Журавлева Т.В.*, *Дворянчиков Н.В.* Клинико-психологические аспекты суицидального поведения лиц с шизофренией // Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии. Москва, 2017. URL: http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=196.0
2. *Журавлева Т.В.*, *Ениколопов С.Н.*, *Зубарева О.В.*, *Черная М.И.* Клинико-психологические особенности аддиктов с незавершенными суицидальными попытками // Психология и право. 2015. Т. 5. № 4. С. 49–70.
3. *Журавлева Т.В.* Адаптация методик исследования суицидального потенциала личности: Курсовая работа. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2014. 40 с.
4. *Зинчук М.С.*, *Аведисова А.С.*, *Гехт А.Б.* Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 3. С. 108–119.
5. *Зинчук М.С.*, *Гехт А.Б.*, *Гуляева Н.В.*, *Аведисова А.С.*, *Акжигитов Р.Г.*, *Гришкина М.Н.* Биологические основы суицидального поведения // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2016. Т. 116. № 8. С. 94–101.
6. *Зинчук М.С.*, *Ридер Ф.К.*, *Кустов Г.В.*, *Пашнин Е.В.*, *Акжигитов Р.Г.*, *Гудкова А.А.*, *Гехт А.Б.* Суицидальность при эпилепсии: эпидемиологические аспекты и факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2018. № 118 (10). С. 45–52. DOI: 10.17116/jnevro201811810245
7. *Зотов М.В.*, *Петрукович В.М.*, *Сысоев В.Н.* Методика экспресс-диагностики суицидального риска “Сигнал”. СПб.: ГП “Иматон”, 2003.
8. *Лубсанова С.В.*, *Петрунько О.В.*, *Доржиева М.Ю.* Антисуицидальные мотивы подростков Бурятии, совершивших суицидальную попытку // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2019. Т. 3. № 104. С. 55–65.

9. *Положий Б.С.* Суицидальное поведение (клинико-эпидемиологические и этнокультуральные аспекты). М.: РИО “ФГУ ГНЦ ССП им. В.П. Сербского”, 2010. 232 с.

10. *Филатова О.В.*, *Литвинова Н.Ю.*, *Винарчик Е.А.* Современные методы психологической диагностики: практикум, 2011.

11. *Чистопольская К.А.*, *Журавлева Т.В.*, *Ениколопов С.Н.*, *Николаев Е.Л.* Адаптация методик исследования суицидальных аспектов личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 1. С. 61–87.

12. *Aishvarya S.*, *Maniam T.*, *Karuthan C.*, *Sidi H.*, *Ruzyanei N.*, *Oei T.* Psychometric properties and validation of the Reasons for Living Inventory in an outpatient clinical population in Malaysia // Comprehensive Psychiatry. 2014. V. 55. P. 107–113.

13. *Chan D.W.* Reasons for living among Chinese adolescents in Hong Kong // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1995. V. 25. № 3. P. 347–357.

14. *Choi J.*, *Rogers J.* Exploring the Validity of the College Student Reasons for Living Inventory Among Asian American College Students // Archives of Suicide Research. 2010. V. 14. № 3. P. 222–235.

15. *Connor K.*, *Davidson J.* Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // Depression and Anxiety. 2003. V. 18. № 2. P. 76–82.

16. *Deutsch A.*, *Lande R.* The Reasons for Living Scale — Military Version: Assessing Protective Factors Against Suicide in a Military Sample // Military Medicine. 2017. V. 182. № 7. P. 1681–1686.

17. *Dobrov E.*, *Thorell L.* “Reasons For Living” — translation, psychometric evaluation and relationships to suicidal behaviour in a Swedish random sample // Nordic Journal of Psychiatry. 2004. V. 58. № 4. P. 277–285.

18. *Ellis J.*, *Range L.* Differences Between Blacks and Whites, Women and Men, in Reasons for Living // Journal of Black Studies. 1991. V. 21. № 3. P. 341–347.

19. *Feldman R.* What is resilience: an affiliative neuroscience approach // World Psychiatry. 2020. V. 19. № 2. P. 132–150.

20. *Garza M.J.*, *Cramer R.J.* The Spanish Reasons for Living Inventory (SRFL–I): Factor structure and association with suicide risk among Spanish speaking Hispanics // Archives of Suicide Research. 2011. V. 15. № 4. P. 354–371.

21. *Gutierrez P.*, *Osman A.* Adolescent suicide // DeKalb, Illinios: Northern Illinois, 2008.

22. *Hirsch J.*, *Chang E.*, *KelliherRabon J.* A Positive Psychological Approach to Suicide // Advances in Mental Health and Addiction, 2018.

23. *Innamorati M.*, *Pompili M.*, *Ferrari V.*, *Cavedon G.*, *Soccorsi R.*, *Aiello S.*, *Lelli M.* Psychometric Properties of the Reasons for Living Inventory in Italian University Students. Individual Differences Research. 2006. V. 4 (1). P. 51–56.

24. *Johnson J.*, *Wood A.M.*, *Gooding P. et al.* Resilience to suicidality: The buffering hypothesis // Clinical Psychology Review. 2011. V. 31. № 4. P. 563–591.

25. *Kleiman E.*, *Beaver J.* A meaningful life is worth living: Meaning in life as a suicide resiliency factor // Psychiatry Research. 2013. V. 210. № 3. P. 934–939.

26. *Klonsky E.*, *Saffer B.*, *Bryan C.* Ideation-to-action theories of suicide: a conceptual and empirical update // Current Opinion in Psychology. 2018. V. 22. P. 38–43.

27. *Lee Y.*, *Oh K.* Validation of Reasons for Living and Their Relationship with Suicidal Ideation in Korean College Students // Death Studies. 2012. V. 36. № 8. P. 712–722.

28. *Linehan M.*, *Goodstein L.*, *Nielsen S.*, *Chiles J.* Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1983. V. 51. № 2. P. 276–286.

29. *Lizardi D.*, *Dervic K.*, *Grunebaum M.*, *Burke A.*, *Mann J.*, *Oquendo M.* The role of moral objections to suicide in the assessment of suicidal patients // Journal of Psychiatric Research. 2008. V. 42. № 10. P. 815–821.

30. *Lutz J.*, *Edelstein B.*, *Katz E.*, *Gallegos J.* A shortened version of the reasons for living — older adults scale for clinical and research utility. The Gerontologist. № 59 (4). P. e241–e247. A Shortened Version of the Reasons for Living — Older Adults Scale for Clinical and Research Utility // The Gerontologist. 2018. V. 59. № 4. P. 241–247.

31. *Malone K.*, *Oquendo M.*, *Haas G.*, *Ellis S.*, *Li S.*, *Mann J.* Protective Factors Against Suicidal Acts in Major Depression: Reasons for Living // American Journal of Psychiatry. 2000. V. 157. № 7. P. 1084–1088.

32. *May A.*, *Klonsky E.* What Distinguishes Suicide Attempters From Suicide Ideators? A Meta-Analysis of Potential Factors // Clinical Psychology: Science and Practice. 2016. V. 23. № 1. P. 5–20.

33. *May A.*, *Klonsky E.*, *Klein D.* Predicting future suicide attempts among depressed suicide ideators: A 10-year longitudinal study // Journal of Psychiatric Research. 2012. V. 46. № 7. P. 946–952.

34. *McBee-Strayer S.M.*, *Rogers J.R.* Lesbian, gay, and bisexual suicidal behavior: Testing a constructivist model // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2002. V. 32. № 3. P. 272–283.

35. *Menon V.* Suicide risk assessment and formulation: An update // Asian Journal of Psychiatry. 2013. V. 6. № 5. P. 430–435.

36. *Nepon J.*, *Belik S.L.*, *Bolton J.*, *Sareen J.* The relationship between anxiety disorders and suicide attempts: findings from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions // Depression and Anxiety. 2010. V. 27. № 9. P. 791–798.

37. *Nock M.*, *Borges G.*, *Bromet E. et al.* Cross-national prevalence and risk factors for suicidal ideation, plans and attempts // British Journal of Psychiatry. 2008. V. 192. № 2. P. 98–105.

38. *Nordentoft M.*, *Mortensen P.*, *Pedersen C.* Absolute Risk of Suicide After First Hospital Contact in Mental Disorder // Archives of General Psychiatry. 2011. V. 68. № 10. P. 1058.

39. *Osman A.*, *Gregg C.L.*, *Osman J.R.*, *Jones, K.* Factor Structure and Reliability of the Reasons for Living Inventory // Psychological Reports. 1992. V. 70. № 1. P. 107–112.

40. *Osman A.*, *Downs W.*, *Kopper B.*, *Barrios F.*, *Baker M.*, *Osman J.*, *Besett T.*, *Linehan M.* The reasons for living inventory for adolescents (RFL-A): Development and psychometric properties // Journal of Clinical Psychology. 1998. V. 54. № 8. P. 1063–1078.

41. *Phillips M.R.*, *Yang G.*, *Zhang Y.*, *Wang L.*, *Ji H.*, *Zhou M.* Risk factors for suicide in China: a national case-control psychological autopsy study // The Lancet. 2002. V. 360. № 9347. P. 1728–1736.

42. *Pinto A.*, *Whisman M.*, *Conwell Y.* Reasons for living in a clinical sample of adolescents // Journal of Adolescence. 1998. V. 21. № 4. P. 397–405.

43. *Pompili M.*, *Girardi P.*, *Tatarelli R.*, *Lester D.*, *Rogers J.* Reasons for Living Inventory: Cross-Cultural Construct Validity // Psychological Reports. 2007. V. 100. № 3. Suppl. P. 1259–1262.

44. *Range M.*, *Knott C.* Twenty suicide assessment instruments: evaluation and recommendations // Death Studies. 1997. V. 21. № 1. P. 25–58.

45. *Richardson-Vejlgaard R.*, *Sher L.*, *Oquendo M.*, *Lizardi D.*, *Stanley B.* Moral objections to suicide and suicidal ideation among mood disordered Whites, Blacks, and Hispanics // Journal of Psychiatric Research. 2009. V. 43. № 4. P. 360–365.

46. *Rogers J.R.*, *Hanlon P.J.* Psychometric Analysis of the College Student Reasons for Living Inventory // Measurement and Evaluation in Counseling and Development. 1996. V. 29. № 1. P. 13–24.

47. *Rowe J.*, *Conwell Y.*, *Schulberg H.*, *Bruce M.* Social Support and Suicidal Ideation in Older Adults Using Home Healthcare Services // The American Journal of Geriatric Psychiatry. 2006. V. 14. № 9. P. 758–766.

48. *Smith B.*, *Dalen J.*, *Wiggins K. et al.* The brief resilience scale: Assessing the ability to bounce back // International Journal of Behavioral Medicine. 2008. V. 15. № 3. P. 194–200.

49. *Turecki G.*, *Brent D.* Suicide and suicidal behaviour // The Lancet. 2016. V. 387. № 10024. P. 1227–1239.

50. *Van de Vijver F.*, *Hambleton R.* Translating Tests // European Psychologist. 1996. V. 1. № 2. P. 89–99.

51. *Westefeld J.*, *Badura A.*, *Kiel J.*, *Scheel K.* Development of the College Student Reasons for Living Inventory with African Americans // Journal of College Student Psychotherapy. 1996. V. 10. № 4. P. 61–65.

52. *Westefeld J.S.*, *Cardin D.*, *Deaton W.L.* Development of the college student reasons for living inventory // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1992. V. 22. № 4. P. 442–453.

53. World Health Organization. Global Health Observatory data repository. WHO, 2018. URL: https://www.who.int/gho/mental_health/suicide_rates/en

54. World Health Organization. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: WHO, 2014.

VERIFICATION OF REASONS FOR LIVING INVENTORY IN RUSSIAN CLINICAL SAMPLE[2]

E. V. Pashnin[1,*], M. S. Zinchuk[1,], A. G. Gersamia[1,***], N. I. Voinova[1,****], A. A. Yakovlev[1,2,*****], A. S. Avedisova[1,3,******], A. B. Guekht[1,4,*******]**

[1]Moscow Research and Clinical Center for Neuropsychiatry;
115419, Moscow, str. Donskaya, 43, Russia.
[2]Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology, Russian Academy of Sciences;
117485, Moscow, str. Butlerova, 5A, Russia.
[3]Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology;
119034, Moscow, Kropotkinskiy per., 23, Russia.
[4]Pirogov Russian National Research Medical University;
117997, Moscow, str. Ostrovityanova, 1, Russia.

Received 27.10.2020

[2] The authors are grateful to Anton Sergeevich Raguzin and Sofya Bayarovna Popova for their help!

Abstract. According to the WHO, about 800,000 people die from suicide each year, and 79% of suicides occur in low- and middle-income countries. However, suicide is a potentially preventable outcome. It is very important for prevention programs to identify not only risk factors associated with suicide (socio-demographic data, clinical variables), but also resilience factors that act as protection against suicide attempts. One of the tools for assessing such factors is the “Reasons for Living Inventory” — 48 cognitive reasons (items) not to commit suicide should such thoughts arise. The aim of this study is to determine and verify the factor structure of the Inventory in Russian clinical sample. The study involved 504 patients with non-psychotic mental disorders aged 18 to 82 years (median age — 27 years, interquartile range — 21, 305 women, 199 men) who were hospitalized at the Moscow Research and Clinical Centre For Neuropsychiatry. The principal component analysis was used as a statistical method to identify relationships between variables. Results of factor analysis allowed us to reveal a 7-factor model of the Inventory, which explained 62.9% of the variance — this structure is almost completely consistent with the original 6-factor model, with the exception of the “fear of suicide” subscale, divided into two subscales — one directly related to the fear of suicide, and another, which could be called “fear of failures”. The importance of isolating the latter requires further evaluation. The study showed the consistency and reliability of the Russian-language version of the RFLI when used in people with non-psychotic mental disorders.

Keywords: suicide, protective factors, factor analysis, reasons for living inventory, non-psychotic mental disorders.

REFERENCES

1. *Zhuravleva T.V. Dvorjanchikov N.V.* Kliniko-psihologicheskie aspekty suicidal’nogo povedenija lic s shizofreniej**.** Mezhvuzovskaja nauchno-prakticheskaja internet-konferencija po juridicheskoj psihologii. 2017. Moscow. URL: http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=196.0 (In Russian)
2. *Zhuravleva T.V.*, *Enikolopov S.N.*, *Zubareva O.V.*, *Chernaja M.I.* Kliniko-psihologicheskie osobennosti addiktov s nezavershennymi suicidal’nymi popytkami. Psihologija i pravo. 2015. V. 5. № 4. P. 49–70. (In Russian)
3. *Zhuravleva T.V.* Adaptacija metodik issledovanija suicidal’nogo potenciala lichnosti: Kursovaja rabota. Moscow: GBOU VPO MGPPU, 2014. 40 p. (In Russian)
4. *Zinchuk M.S.*, *Avedisova A.S.*, *Geht A.B.* Nesuicidal’noe samopovrezhdajushhee povedenie pri psihicheskih rasstrojstvah nepsihoticheskogo urovnja: jepidemiologija, social’nye i klinicheskie faktory riska**.** Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. C.C. Korsakova. 2019. V. 119. № 3. P. 108–119. (In Russian)
5. *Zinchuk M.S.*, *Geht A.B.*, *Guljaeva N.V. et al.* Biologicheskie osnovy suicidal’nogo povedenija. Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. C.C. Korsakova. 2016. V. 116. № 8. P. 94–101. (In Russian)
6. *Zinchuk M.S.*, *Rider F.K.*, *Kustov G.V. et al.* Suicidal’nost’ pri jepilepsii: jepidemiologicheskie aspekty i faktory riska**.** Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova. Specvypuski. 2018. № 118 (10). P. 45–52. DOI: 10.17116/jnevro201811810245 (In Russian)
7. *Zotov M.V.*, *Petrukovich V.M.*, *Sysoev V.N.* Metodika jekspress-diagnostiki suicidal’nogo riska “Signal”. St. Petersburg: GP “Imaton”, 2003. (In Russian)
8. *Lubsanova S.V.*, *Petrun’ko O.V.*, *Dorzhieva M.Ju.* Antisuicidal’nye motivy podrostkov Burjatii, sovershivshih suicidal’nuju popytku**.** Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii. 2019. V. 3. № 104. P. 55–65. (In Russian)
9. *Polozhiy B.S.* Suicidal’noe povedenie (clinico-epidemiologicheskie I etnokultural’nye aspecty). Moscow: RIO “FGU GNC SSP im. V.P. Serbskogo”, 2010. 232 p. (In Russian)
10. *Filatova O.V.*, *Litvinova N.Ju.*, *Vinarchik E.A.* Sovremennye metody psihologicheskoj diagnostiki: praktikum, 2011. (In Russian)
11. *Chistopol’skaja K.A.*, *Zhuravleva T.V.*, *Enikolopov S.N.*, *Nikolaev E.L.* Adaptacija metodik issledovanija suicidal’nyh aspektov lichnosti. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2017. V. 14. № 1. P. 61–87. (In Russian)
12. *Aishvarya S.*, *Maniam T.*, *Karuthan C. et al.* Psychometric properties and validation of the Reasons for Living Inventory in an outpatient clinical population in Malaysia**.** Comprehensive Psychiatry. 2014. V. 55. P. 107–113.
13. *Chan D.W.* Reasons for living among Chinese adolescents in Hong Kong. Suicide and Life-Threatening Behavior. 1995. V. 25. № 3. P. 347–357.
14. *Choi J.*, *Rogers J.* Exploring the Validity of the College Student Reasons for Living Inventory Among Asian American College Students. Archives of Suicide Research. 2010. V. 14. № 3. P. 222–235.
15. *Connor K.*, *Davidson J.* Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). Depression and Anxiety. 2003. V. 18. № 2. P. 76–82.
16. *Deutsch A.*, *Lande R.* The Reasons for Living Scale — Military Version: Assessing Protective Factors Against Suicide in a Military Sample. Military Medicine. 2017. V. 182. № 7. P. 1681–1686.
17. *Dobrov E.*, *Thorell L.* “Reasons For Living” — translation, psychometric evaluation and relationships to

suicidal behaviour in a Swedish random sample. Nordic Journal of Psychiatry. 2004. V. 58. № 4. P. 277–285.

18. *Ellis J.*, *Range L.* Differences Between Blacks and Whites, Women and Men, in Reasons for Living. Journal of Black Studies. 1991. V. 21. № 3. P. 341–347.
19. *Feldman R.* What is resilience: an affiliative neuroscience approach. World Psychiatry. 2020. V. 19. № 2. P. 132–150.
20. *Garza M.J.*, *Cramer R.J.* The Spanish Reasons for Living Inventory (SRFL–I): Factor structure and association with suicide risk among Spanish speaking Hispanics. Archives of Suicide Research. 2011. V. 15. № 4. P. 354–371.
21. *Gutierrez P.*, *Osman A.* Adolescent suicide. DeKalb, Illinios: Northern Illinois, 2008.
22. *Hirsch J.*, *Chang E.*, *KelliherRabon J.* A Positive Psychological Approach to Suicide. Advances in Mental Health and Addiction, 2018.
23. *Innamorati M.*, *Pompili M.*, *Ferrari V. et al.* Psychometric Properties of the Reasons for Living Inventory in Italian University Students. Individual Differences Research. 2006. V. 4 (1). P. 51–56.
24. *Johnson J.*, *Wood A.M.*, *Gooding P. et al.* Resilience to suicidality: The buffering hypothesis. Clinical Psychology Review. 2011. V. 31. № 4. P. 563–591.
25. *Kleiman E.*, *Beaver J.* A meaningful life is worth living: Meaning in life as a suicide resiliency factor. Psychiatry Research. 2013. V. 210. № 3. P. 934–939.
26. *Klonsky E.*, *Saffer B.*, *Bryan C.* Ideation-to-action theories of suicide: a conceptual and empirical update. Current Opinion in Psychology. 2018. V. 22. P. 38–43.
27. *Lee Y.*, *Oh K.* Validation of Reasons for Living and Their Relationship with Suicidal Ideation in Korean College Students. Death Studies. 2012. V. 36. № 8. P. 712–722.
28. *Linehan M.*, *Goodstein L.*, *Nielsen S.*, *Chiles J.* Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory. Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1983. V. 51. № 2. P. 276–286.
29. *Lizardi D.*, *Dervic K.*, *Grunebaum M. et al.* The role of moral objections to suicide in the assessment of suicidal patients. Journal of Psychiatric Research. 2008. V. 42. № 10. P. 815–821.
30. *Lutz J.*, *Edelstein B.*, *Katz E.*, *Gallegos J.* A shortened version of the reasons for living — older adults scale for clinical and research utility. The Gerontologist. № 59 (4). P. e241-e247. A Shortened Version of the Reasons for Living — Older Adults Scale for Clinical and Research Utility. The Gerontologist. 2018. V. 59. № 4. P. 241–247.
31. *Malone K.*, *Oquendo M.*, *Haas G. et al.* Protective Factors Against Suicidal Acts in Major Depression: Reasons for Living. American Journal of Psychiatry. 2000. V. 157. № 7. P. 1084–1088.
32. *May A.*, *Klonsky E.* What Distinguishes Suicide Attempters From Suicide Ideators? A Meta-Analysis of Potential Factors. Clinical Psychology: Science and Practice. 2016. V. 23. № 1. P. 5–20.
33. *May A.*, *Klonsky E.*, *Klein D.* Predicting future suicide attempts among depressed suicide ideators: A 10-year longitudinal study. Journal of Psychiatric Research. 2012. V. 46. № 7. P. 946–952.
34. *McBee-Strayer S.M.*, *Rogers J.R.* Lesbian, gay, and bisexual suicidal behavior: Testing a constructivist model. Suicide and Life-Threatening Behavior. 2002. V. 32. № 3. P. 272–283.
35. *Menon V.* Suicide risk assessment and formulation: An update. Asian Journal of Psychiatry. 2013. V. 6. № 5. P. 430–435.
36. *Nepon J.*, *Belik S.L.*, *Bolton J.*, *Sareen J.* The relationship between anxiety disorders and suicide attempts: findings from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions. Depression and Anxiety. 2010. V. 27. № 9. P. 791–798.
37. *Nock M.*, *Borges G.*, *Bromet E. et al.* Cross-national prevalence and risk factors for suicidal ideation, plans and attempts. British Journal of Psychiatry. 2008. V. 192. № 2. P. 98–105.
38. *Nordentoft M.*, *Mortensen P.*, *Pedersen C.* Absolute Risk of Suicide after First Hospital Contact in Mental Disorder. Archives of General Psychiatry. 2011. V. 68. № 10. P. 1058.
39. *Osman A.*, *Gregg C.L.*, *Osman J.R.*, *Jones K.* Factor Structure and Reliability of the Reasons for Living Inventory. Psychological Reports. 1992. V. 70. № 1. P. 107–112.
40. *Osman A.*, *Downs W.*, *Kopper B. et al.* The reasons for living inventory for adolescents (RFL-A): Development and psychometric properties. Journal of Clinical Psychology. 1998. V. 54. № 8. P. 1063–1078.
41. *Phillips M.R.*, *Yang G.*, *Zhang Y. et al.* Risk factors for suicide in China: a national case-control psychological autopsy study. The Lancet. 2002. V. 360. № 9347. P. 1728–1736.
42. *Pinto A.*, *Whisman M.*, *Conwell Y.* Reasons for living in a clinical sample of adolescents. Journal of Adolescence. 1998. V. 21. № 4. P. 397–405.
43. *Pompili M.*, *Girardi P.*, *Tatarelli R. et al.* Reasons for Living Inventory: Cross-Cultural Construct Validity. Psychological Reports. 2007. V. 100. № 3. Suppl. P. 1259–1262.
44. *Range M.*, *Knott C.* Twenty suicide assessment instruments: evaluation and recommendations. Death Studies. 1997. V. 21. № 1. P. 25–58.
45. *Richardson-Vejlgaard R.*, *Sher L.*, *Oquendo M. et al.* Moral objections to suicide and suicidal ideation among mood disordered Whites, Blacks, and Hispanics. Journal of Psychiatric Research. 2009. V. 43. № 4. P. 360–365.
46. *Rogers J.R.*, *Hanlon P.J.* Psychometric Analysis of the College Student Reasons for Living Inventory.

Measurement and Evaluation in Counseling and Development. 1996. V. 29. № 1. P. 13–24.

47. *Rowe J.*, *Conwell Y.*, *Schulberg H.*, *Bruce M.* Social Support and Suicidal Ideation in Older Adults Using Home Healthcare Services. The American Journal of Geriatric Psychiatry. 2006. V. 14. № 9. P. 758–766.
48. *Smith B.*, *Dalen J.*, *Wiggins K. et al.* The brief resilience scale: Assessing the ability to bounce back. International Journal of Behavioral Medicine. 2008. V. 15. № 3. P. 194–200.
49. *Turecki G.*, *Brent D.* Suicide and suicidal behaviour. The Lancet. 2016. V. 387. № 10024. P. 1227–1239.
50. *Van de Vijver F.*, *Hambleton R.* Translating Tests**.** European Psychologist. 1996. V. 1. № 2. P. 89–99.
51. *Westefeld J.*, *Badura A.*, *Kiel J.*, *Scheel K.* Development of the College Student Reasons for Living Inventory with African Americans. Journal of College Student Psychotherapy. 1996. V. 10. № 4. P. 61–65.
52. *Westefeld J.S.*, *Cardin D.*, *Deaton W.L.* Development of the college student reasons for living inventory. Suicide and Life-Threatening Behavior. 1992. V. 22. № 4. P. 442–453.
53. World Health Organization. Global Health Observatory data repository. WHO, 2018. URL: https://www.who.int/gho/mental_health/suicide_rates/en
54. World Health Organization. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: WHO, 2014.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 122-126

ДИСКУССИЯ

УДК 159.92

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФОКУС НА ТРАНСФОРМАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ИНДИВИДА[1]

© 2022 г. П. С. Сорокин

Институт образования Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики"; 101000, Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10, Россия.
Кандидат социологических наук, заведующий лабораторией исследований человеческого потенциала и образования.
E-mail: psorokin@hse.ru

Поступила 07.09.2020

Аннотация. Предлагается комментарий к статье И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева "Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека". Подчеркивается значение указанной публикации с позиции нового взгляда на современные разработки, касающиеся проблем биологического и социального в человеке в контексте продолжающейся глобализации. Предлагается несколько направлений для продолжения исследований и обсуждений с опорой на концептуальные основания отечественной научной традиции и учитывая характерные для современности широкие рамки трансформаций. Теоретически обосновываются и эмпирически иллюстрируются как "биологический", так и "социальный" векторы изменений сущности человека с точки зрения биосоциальной проблемы. Выдвигается тезис о том, что в обеих сферах происходят существенные изменения, выходящие за пределы традиционных взглядов как международного психологического мейнстрима, так и отечественных разработок. Отмечается, что в области биологии внимания заслуживают процессы расширения функциональных возможностей человека, связанные с современными технологиями, включая гаджеты (например, смартфоны). Говоря о влиянии социальной среды на человека, предлагается, опираясь на дискуссии в социологической литературе, использовать понятие "деструктурации" для обоснования существенного снижения детерминирующей силы воздействия внешних социальных факторов на индивидуальные действия. Показывается, что перед отечественной психологией, имеющей высокий потенциал и традиции в постановке и решении биосоциальной проблемы, нынешние реалии ставят принципиально новый вызов, связанный с тем, что в современную эпоху не природа или общество, а индивид является ключевым драйвером развития человечества. И на этот вызов науке еще предстоит ответить.

Ключевые слова: биосоциальная проблема, глобализация, индивид, социальная среда, деструктурация, технологическое развитие, платформы, гаджеты.

DOI: 10.31857/S020595920018772-5

Обсуждаемая статья И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева [3] органично и новаторски соединяет сразу несколько тем из области психологии и смежных дисциплин. Прежде всего это проблема радикальных изменений, происходящих в глобальной и динамичной среде обитания современного человека, влияющих на развитие как биологического, так и социального "компонента" его природы. Не менее важным представляется теоретико-методологический спор о базовых характеристиках психики, который связан с "вечным" противостоянием между полюсами универсализма, т.е. веры в существование единой и вечной человеческой природы, общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и релятивизма, рассматривающего человека как существо, детерминированное локальной культурой, с другой. Как показывают авторы, диалог указанных подходов и теорий требует критического пересмотра в связи с новыми реалиями.

Комплексность и диалектический взгляд авторов позволили им в емком и ясном виде представить сложное переплетение современных дискуссий

[1] В работе над статьей использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

по каждой из выделенных областей (ведущихся зачастую в отрыве друг от друга), связав их с традиционной для российской науки проблемой соотношения биологического и социального в человеке. Нельзя не согласиться с авторами, что потенциал отечественной психологической традиции (например, разработки отечественной школы субъектно-деятельностного подхода [5]) при постановке и раскрытии биосоциальной проблемы в современных условиях далеко не исчерпан. Более того, отдельные идеи представителей советской школы при ответе на новые теоретические и практические задачи, связанные со становлением глобального мира, сегодня звучат еще более актуально, чем когда-либо прежде.

ИЗМЕНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

В отношении происходящих изменений биологического начала в человеке авторы обоснованно аргументируют тезис о продолжающейся на современном этапе эволюции человека, в существенной степени движимой изменениями в технологических инструментах и средствах трудовой деятельности.

Вместе с тем, вероятно, взятые почти под полный контроль человека механизмы естественного отбора — не единственный "эффект" текущего этапа эволюции человека. Зоны, где потенциал "искусственных" интервенций резко вырастает, могут оказаться существенно шире, чем изменения, связанные с регулированием рождаемости. Например, один из важнейших векторов "вторжения" в биологическую природу касается трудовой сферы, исследования которой успешно проводились российскими психологами уже в середине XX в. Но в последние десятилетия появился принципиально новый и универсальный тренд. Смартфоны и планшеты фактически "взяли на себя" значительную часть базовых для человеческого сознания и психики функций, связанных с памятью и социальным взаимодействием, что открывает широкие возможности для повышения эффективности деятельности. Однако "оборотной стороной медали" при этом становится существенное усиление стресса, связанное с экспоненциальным ростом коммуникаций, частью которых (зачастую против своей воли) оказывается индивид, а также снижение ряда когнитивных способностей [7].

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Еще один тезис И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева, который имеет, на наш взгляд, не меньшее значение, но пока сформулирован авторами с меньшей детализацией, — это утверждение о качественных изменениях природы социальной реальности, включая резко возросшие технологические возможности и изменившиеся институциональные условия. С одной стороны, как справедливо указывают авторы, именно развитие материальных средств производства и появление более развитых социально-культурных форм привело к резким изменениям во всех областях человеческой жизни. С другой стороны, отмечая трансформирующуюся цивилизационную среду человека и рост "культурной изменчивости", авторы ставят вопрос о том, какие еще изменения в природе человека возникают в результате этих процессов.

Тезис о решающем значении в жизни как индивида, так и общества в целом, заранее "заданных" условий и социальных контекстов (среды) является традиционным, имплицитно принятым и крайне редко вызывающим сомнения в психологической литературе. Именно среда рассматривается как исходное начало в анализе процессов социализации, т.е. становления личности человека. Б.Г. Ананьев (подробнее о нем см. [2]) представляет социальный статус и связанную с ним систему социальных ролей как стартовую основу в становлении подструктуры личности в системе индивидуальности [1]. Аналогично классические теории, включая концепции Л.С. Выготского, З. Фрейда, К. Юнга, а также более современные разработки в рамках социальной психологии, психологии развития, кросскультурной психологии и др. (включая работы Дж. Берри, рассматриваемые в работе И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева), уделяют основное внимание именно вопросам влияния на индивида внешних "жестких", "пред-заданных" структур.

На этом пути удалось добиться важных открытий. Исследование того, как ребенок усваивает "готовые" паттерны поведения и связанные с ними смыслы, лежит в основе концепции Л.С. Выготского. Анализ процессов, через которые человек во многом вынужденно, "не по своей воле" перенимает культурные стандарты "цивилизованного общества", — в центре теории З. Фрейда. Изучение мигрантов, которые, оказавшись в новой культурной среде, стремятся к балансу между своим "старым" "культурным багажом"

и новыми требованиями к поведению, составляет фундамент разработок Дж. Берри.

В социологии для обозначения факторов социальной среды, ограничивающих и направляющих действия индивида, традиционно используется понятие “*структуры*” [4]. Отталкиваясь от этой категории, изменения, происходящие в современном социуме, мы обозначаем как “*деструктурацию*” [4; 6], понимая под этим не исчезновение или разрушение социального контекста (что соответствует ряду постмодернистких разработок), но радикальную трансформацию его качества, имея в виду снижение детерминирующей силы социального воздействия на индивида. Во всех ключевых сферах общественной жизни (труд, досуг, культура и т.п.) происходят процессы роста изменчивости контекстов, которые во все большей степени предполагают проактивную позицию к ним со стороны личности.

Например, в области экономики значимым и обсуждаемым сюжетом в академическом и экспертном сообществе является ключевая роль *проактивного действия* сотрудников компаний в повышении эффективности труда и внедрении новых технологий в трудовые процессы. Исследование международного бизнеса, проведенное WEF [8], показало, что корпорации осуществляют инвестиции преимущественно в тех сотрудников, которые предлагают собственные инициативы по улучшению бизнес-процессов. Иными словами, инновационное и проактивное поведение на рабочем месте все чаще становится частью неформальных “ожиданий” от сотрудников.

Другим трендом является продолжающийся переход значительной доли рабочей силы на нестандартные форматы занятости, в том числе в формате так называемого sidepreneurship — ведения собственного бизнеса с сохранением корпоративной занятости.

Пожалуй, наиболее ярким и общим примером деструктурации является массовый переход самых разных институтов (в сфере труда, досуга, здравоохранения, образования) на принципы *платформенной организации* [4]. Платформа как принципиально новый, “горизонтальный” тип социальной среды означает резкое расширение возможностей инициативной коммуникации “каждого с каждым” (причем в глобальном масштабе, как это массово происходит, например, в социальных сетях). В платформах нет “привычных” начальников или регламентов, ограничивающих возможности прямого контакта человека с человеком, вплоть до создания новых или изменения существующих сообществ, групп, форм деятельности и т.п.

Указанные тренды будут нарастать на фоне *глобальной пандемии*. Опыт дистанционной работы и учебы, который получили сотни миллионов людей по всему миру, безусловно, ускорит процессы поиска таких форм социальной организации, которые требуют меньших издержек с точки зрения расходов на контроль и координацию деятельности, а также позволяют экономить время. В этой ситуации расширение пространства инициативы и свободы для участников социально-экономических взаимодействий — наиболее очевидное решение, к которому уже прибегают многие компании, объявляющие о стратегическом переходе на удаленный формат работы в качестве основного.

Для психологии это означает нечто большее, чем просто актуализацию вопроса о том, как создаются новые (а не только усваиваются старые) социально-культурные стандарты и модели деятельности. Традиционные исследования в области креативности и инноваций в психологии базируются на предпосылке об относительно устойчивой среде (как минимум, предсказуемой), в которую индивид вносит отдельную, локальную инновацию. Но глобальная деструктурация означает, что изменения инициативно вносятся одновременно различными участниками, из разных центров. Эта ситуация создает существенное напряжение, что хорошо иллюстрируется, например, самим субъектом глобальной психологии, которого анализируют И.А. Мироненко и А.Л. Журавлев, — глобальным психологическим сообществом, организованным по сетевому принципу, со множественными центрами, без однозначной и жесткой иерархии (хотя и не без статусных различий между участниками, динамически изменяющимися).

Деструктурация предъявляет новые требования к природе человека, актуализирует новые стороны его натуры, которые могут быть связаны как с биологическим наследием, так и с социальным влиянием. Однако в еще большей степени деструктурация делает важным способность человека проактивно действовать по отношению к среде и самому себе, включая не просто формирование “субъективной реальности” (на чем делает акцент современная позитивная психология), но и эффективное участие в более объективных процессах (например, управление своей траекторией на рынке труда).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Качественные трансформации в области, с одной стороны, биологического, а с другой — социального означают снижение детерминирующего воздействия на человека как первого, заложенных

природой инстинктов и иного "биологического багажа", так и второго — всей совокупности внешних условий, заданных социальной средой. Тем самым появляется новый драйвер динамики развития человечества. На первый план выходит сам человек (как индивидуальность), который *благодаря сложившимся институциональным и технологическим условиям* все больше освобождается от детерминизма биологических и социальных контекстов. Точнее, он все более способен выбирать между ними, менять их, трансформировать, действуя, руководствуясь своей волей и сознанием.

Встает вопрос о том, что становится осевыми характеристиками "человечности" в этих условиях? На наш взгляд, стартовой основой для дискуссии по этому вопросу может стать содержание рассмотренной работы И.А Мироненко и А.Л. Журавлева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. 3-е изд. Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2016. 282 с.
2. *Головей Л.А.*, *Журавлев А.Л.*, *Тарабрина Н.В.* Б.Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
3. *Мироненко И.А.*, *Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
4. *Сорокин П.С.* Современная социологическая теория: вызовы и возможности для российской социологии // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 12–23.
5. Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009.
6. *Sorokin P.S.*, *Mironenko I.A.* Activity Theory for the De-Structuralized Modernity // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2020. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4 (in print)
7. *Ward A.F.*, *Duke K.*, *Gneezy A.*, *Bos M.W.* Brain drain: The mere presence of one's own smartphone reduces available cognitive capacity // Journal of the Association for Consumer Research. 2017. V. 2. № 2. P. 140–154.
8. World Economic Forum. The future of jobs report 2018. Geneva: World Economic Forum, 2018.

THE BIOSOCIAL PROBLEM IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL REALITY: THE FOCUS ON TRANSFORMATIVE POTENTIAL OF INDIVIDUAL[2]

P. S. Sorokin

Institute of Education, *National Research University Higher School of Economics*;
10100, *Moscow*, *Potapovsky per.*, *16/10*, *Russia*.
Candidate of Sociological Sciences; *Laboratory for Human Potential and Education Research*.
E-mail: *psorokin@hse.ru*

Received 27.09.2020

Abstract. The present paper aims to contribute to the discussion, initiated by A.L. Zhuravlev and I.A. Mironenko in their recent paper "The Biosocial Problem in the Context of Global Psychological Science: Concerning the "Universal" Human Psychology". We acknowledge the importance of the mentioned article in terms of novel view on contemporary elaborations around the issues of biological and social in a human being in the context of on-going globalization. We also outline several directions for continuing research and discussions on the conceptual grounds of Russian academic tradition and with fuller account of a broad framework of transformations, essential for contemporary world. This paper theoretically grounds and empirically illustrates vectors for transformations of human nature in regards of both "biological" and "social" sides of biosocial problem. Our central thesis is that in both spheres there are significant changes that go beyond traditionally analyzed trends in international psychological mainstream and in Russian research. In the area of biology, of interest are processes, which expand functional capacities of individual, connected with technological advancements, including gadgets (for instance, smartphones). In the "social" side of human nature, we refer to the notion of "de-structuration" to claim the decrease in deterministic power of social environments upon

[2] The study uses the results of the project carried out as part of the HSE Basic research program.

individual. By fully recognizing high potential of Russian tradition in formulating and addressing the biosocial problem, we demonstrate the principally novel challenge that it has to respond. This challenge refers to the new situation, when not a "nature" or "society" but individual becomes the core driver of human development.

Keywords: biosocial problem, globalization, individual, social environment, de-structuration, technological development, platforms, gadgets.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Chelovek kak predmet poznanija. 3-e izd. Sankt-Peterburg [i dr.]: Piter, 2016. 282 p. (In Russian)
2. *Golovej L.A.*, *Zhuravlev A.L.*, *Tarabrina N.V.* B.G. Anan'ev i mezhdisciplinarnye issledovanija v psihologii (k 110-letiju so dnja rozhdenija). Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 5. P. 108–117. (In Russian)
3. *Mironenko I.A.*, *Zhuravlev A.L.* Biosocial'naja problema v kontekste global'noj psihologicheskoj nauki: ob universal'nyh harakteristikah cheloveka. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 6. P. 87–98. (In Russian)
4. *Sorokin P.S.* Sovremennaja sociologicheskaja teorija: vyzovy i vozmozhnosti dlja rossijskoj sociologii. Sociologicheskie issledovanija. 2021. № 11. P. 12–23. (In Russian)
5. Sub'ektnyj podhod v psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)
6. *Sorokin P.S.*, *Mironenko I.*A. Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. Integrative Psychological and Behavioral Science. 2020. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4 (in print)
7. *Ward A.F.*, *Duke K.*, *Gneezy A.*, *Bos M.W.* Brain drain: The mere presence of one's own smartphone reduces available cognitive capacity. Journal of the Association for Consumer Research. 2017. V. 2. № 2. P. 140–154.
8. World Economic Forum. The future of jobs report 2018. Geneva: World Economic Forum, 2018.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 127-136

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9(091)

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. Ф. РУБАХИНА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)[1]

© 2022 г. А. Л. Журавлев*, А. А. Костригин**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
**Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru
***Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.*
E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 27.08.2021

Аннотация. На основе архивных материалов описывается жизненный путь и творческое наследие Владимира Федоровича Рубахина (1921–1984), заместителя директора Института психологии АН СССР по научной работе, специалиста в области инженерной психологии, психологии труда и психологии управления. Рассматриваются два периода — ленинградский и московский — его научной деятельности. Первый характеризуется интересом ученого к психологическому анализу процесса дешифрирования аэроснимков. Московский период связан с разработкой фундаментальных вопросов инженерной психологии. Анализируется вклад В.Ф. Рубахина в разработку указанных отраслей психологии, а также таких психологических проблем, как переработка информации человеком, принятие решений, особенности субъекта и объекта управления и др.

Ключевые слова: история психологии, В.Ф. Рубахин, Институт психологии АН СССР, персоналия, инженерная психология, психология управления, архивные материалы.

DOI: 10.31857/S020595920018773-6

5 сентября 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Федоровича Рубахина (1921–1984), одного из ведущих специалистов советского времени в области инженерной психологии, психологии труда и психологии управления. В.Ф. Рубахин стоял у истоков инженерной психологии в советской науке и, в частности, в Институте психологии АН СССР [10]. Современники высоко оценивали его вклад в разработку теоретико-методологических и прикладных основ инженерной психологии, обширную и плодотворную научно-организационную деятельность в сфере психологической науки, а также научно-редакционную деятельность ученого, под редакцией которого в 1970-е годы вышло в свет большое количество сборников научных трудов по актуальным проблемам психологии [12; 21; 40].

В.Ф. Рубахин оставил богатое психологическое наследие, однако оно недостаточно представлено в научной литературе. Целью данной работы является описание жизненного и творческого пути ученого, анализ его вклада в разработку как новых отраслей, так и отдельных проблем психологической науки.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В.Ф. РУБАХИНА

В.Ф. Рубахин родился 5 сентября 1921 г. в Ленинграде. Его отец — Федор Иванович (1873–1935) — до революции 1917 г. работал конторским служащим, в советское время занимал должность административно-хозяйственного служащего. Мать — Екатерина Федоровна (1888–1958) — до революции работала мастерицей художественной вышивки, после служила регистратором поликлиники [25].

Владимир Федорович учился в школе № 12 Октябрьского района Ленинграда (сейчас — средняя образовательная школа № 238 в Санкт-Петербурге) и с отличием ее окончил в 1940 г. Параллельно с учебой в школе он начал и трудовую деятельность — с 1938 г. работал сначала коллектором,

[1] Работа выполнена в соответствии с госзаданием № 0138-2022-0001.

а затем старшим коллектором в системе Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ) Комитета по делам геологии при СНК СССР.

В этот период своей жизни будущий ученый очень интересовался геологией и в сентябре 1940 г. подал заявление для поступления в Ленинградский горный институт (ЛГИ) на геолого-разведочный факультет, в котором написал: “Я закончил трехгодичную геологическую группу Дворца пионеров. Два года работал на Южном Урале с Д.В. Наливкиным и один год в Топливной группе ВСЕГЕИ с Г.А. Ивановым, с которым ездил летом 1939 г. в Караганду” [41, л. 1]. Тогда же Д.В. Наливкин (1889–1982), выдающийся советский геолог и палеонтолог, специалист в области стратиграфии и палеогеографии палеозоя, региональной геологии и полезных ископаемых Урала, Средней Азии и Восточно-Европейской платформы, написал положительный отзыв о будущем студенте: “В. Рубахин работал очень хорошо, и Г.А. Иванов[2] также дал о нем очень хороший отзыв. Для института он будет ценным пополнением приема этого года” [там же, л. 2–2об.]. У Владимира Рубахина имелись и грамоты геологического кружка Отдела науки Ленинградского Дворца пионеров [Там же, л. 3]. Однако среди обстоятельств поступления в ЛГИ была не только тяга к научным и прикладным геологическим исследованиям, но и жизненные трудности. Как указывал сам В.Ф. Рубахин, в этот период для него сложились достаточно тяжелые условия существования (после смерти отца в 1935 г.) [Там же, л. 1, 5], поэтому зачисление в институт было связано еще и с получением места в общежитии.

В итоге в начале октября 1940 г. В.Ф. Рубахин поступил в ЛГИ на специальность “Геологическая съемка и поиски полезных ископаемых” [Там же, л. 7, 8]. Первый курс он проучился успешно (имел только одну “четверку”, все остальные “пятерки”), но в связи с подготовкой СССР к войне не смог окончить обучение. 1 июня 1941 г. он был зачислен в Печорскую экспедицию Комитета по делам геологии при СНК СССР, с которой отбыл 15 июня 1941 г. в Воркуту (Коми АССР). Здесь он проработал до августа 1941 г., а после ликвидации экспедиции занял должность старшего коллектора в геолого-разведочном отделе Воркутстроя НКВД [25, л. 6, 9].

20 февраля 1943 г. В.Ф. Рубахин был призван в ряды Советской армии и направлен в Пуховичское военное училище (г. Великий Устюг, Вологодская область), которое окончил в июле 1944 г. Здесь он остался работать командиром взвода курсантов до весны 1945 г. В марте 1945 г. он был переведен в Петрозаводск и преподавал специальные дисциплины в Петрозаводском пехотном училище до мая 1947 г. [Там же, л. 6].

С сентября 1947 г. В.Ф. Рубахин продолжил обучение в Военном педагогическом институте Советской армии, который находился в пос. Хлебниково Московской области. В 1950 г. он окончил институт с отличием и получил квалификацию “преподаватель топографии военного училища” [16, л. 11]. К сожалению, об этом периоде его обучения дополнительной информации не обнаружено. После завершения обучения он был назначен преподавателем в в/ч № 75031, где проработал до весны 1951 г. В апреле 1951 г. В.Ф. Рубахин вернулся в Военный педагогический институт и поступил на должность адъюнкта кафедры военной педагогики и психологии, где проучился до расформирования института осенью 1953 г. Как указано в его личном листке, здесь он получил квалификацию “военный психолог” [25, л. 5].

Осенью 1953 г. В.Ф. Рубахин вернулся в Ленинград. С ноября 1953 по сентябрь 1954 г. он работал преподавателем кафедры специальных дисциплин Высшего военно-педагогического института им. М.И. Калинина. В ноябре 1954 г. он был назначен младшим преподавателем кафедры “Инженерная геодезия” Ленинградской военно-воздушной инженерной академии (впоследствии получившей имя А.Ф. Можайского). Здесь он проработал до января 1973 г., занимая последовательно должности преподавателя (1959–1967), старшего научного сотрудника (1967–1968) и начальника (1968–1973) кафедры. В.Ф. Рубахин читал курсы по военной и военно-инженерной психологии и педагогике для слушателей академии, а также спецкурс по психологии труда в ЛГУ им. А.А. Жданова. В эти годы В.Ф. Рубахин защитил кандидатскую диссертацию на тему “Психологические особенности процесса специального дешифрирования аэроснимков (экспериментальное исследование)” (1957) и докторскую диссертацию на тему “Инженерно-психологические аспекты теории обработки специальной информации” (1970). В 1960 г. он получил звание доцента, а в 1972 г. — профессора [16, л. 5].

Защита докторской диссертации и получение звания профессора стали высоким научным и педагогическим признанием В.Ф. Рубахина как ученого. Н.А. Крылов, начальник факультета аэродромного строительства Ленинградской военной инженерной Краснознаменной академии

[2] Иванов Григорий Александрович (1896–1979) — советский геолог, специалист в области геологии угольных месторождений, основоположник учения об угленосных формациях.

им. А.Ф. Можайского, в служебной характеристике по поводу получения звания профессора так писал о Рубахине: “Доктор психологических наук, доцент, полковник Рубахин В.Ф. является специалистом в области геодезического обеспечения войск, аэрометодов и инженерной психологии. В течение 16 лет он успешно ведет педагогическую работу по основным курсам руководимой им кафедры. Хорошо владеет методикой обучения и воспитания слушателей” [Там же, л. 10].

С начала 1973 г. для В.Ф. Рубахина предстал новый период его жизненного и научного пути. В январе 1973 г. он был уволен в запас по болезни в воинском звании полковника. Затем он переехал в Москву и по приглашению Президиума АН СССР [25, л. 33] с 1 февраля 1973 г. начал работать в Институте психологии АН СССР заведующим отделом инженерной психологии и психологии труда [Там же, л. 22]. Одновременно с этим В.Ф. Рубахин исполнял функции заместителя директора Института психологии, Б.Ф. Ломова, по научной работе. Еще в одной характеристике уже для трудоустройства в Институт указывается: “Тов. Рубахин В.Ф. является специалистом в области общей и инженерной психологии, обработки специальной информации и аэрометодов. Им выполнены, в качестве научного руководителя и ответственного исполнителя, разделы ряда крупных комплексных научно-исследовательских тем, получивших реализацию в военной практике и народном хозяйстве” [Там же, л. 1]. В.Ф. Рубахин проработал в Институте психологии до конца своей жизни, осуществляя с 1976 г. в связи с болезнью деятельность научного консультанта отдела инженерной психологии и психологии труда [6, л. 69; 25, л. 33–34].

Кроме того, В.Ф. Рубахин состоял в центральном совете Общества психологов СССР, координационных научно-технических советах по военно-инженерной психологии, научном совете по комплексной проблеме “Кибернетика” при Президиуме АН СССР (секция “Психология и кибернетика”), научно-техническом совете Министерства высшего и среднего специального образования СССР (секция “Психология”), межведомственной комиссии по аэро- и космической съемкам при АН СССР, был председателем секции “Человек в системах контроля и управления” НТО Приборпром, секции “Военная и военно-инженерная психология” военно-научного общества Ленинградского военного округа и др. [25, л. 11–12, 18–19].

Такая насыщенная жизнь В.Ф. Рубахина отразилась в ярких результатах его научно-исследовательской деятельности. Занимаясь сначала военным образованием, он приходит к проблемам военной педагогики и психологии, инженерной психологии, психологии труда и психологии управления.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА В.Ф. РУБАХИНА (1954–1972)

Научную работу В.Ф. Рубахин начал с конца 1954 г., когда занял должность младшего преподавателя Ленинградской военно-воздушной инженерной академии им. А.Ф. Можайского. Здесь он занимался педагогической работой в области инженерной геодезии и обратился к психологическим особенностям процесса дешифрирования аэроснимков, что и стало темой его кандидатской диссертации [27].

В середине XX в. в различных областях промышленности, сельского хозяйства и военного дела активно использовалась аэрофотосъемка. Успешность применения получаемых при аэрофотосъемке сведений зависела от умения осуществлять дешифрирование аэроснимков, которое заключалось в опознавании и определении характеристик объектов местности по их изображениям, сделанным с разной высоты. Обращаясь к применению дешифрирования аэроснимков в военном деле, В.Ф. Рубахин отмечал необходимость учета психофизиологических особенностей человека, занимавшегося дешифровкой, и применения достижений психологии восприятия и мышления [26, с. 4]. В ходе нескольких экспериментов ученый проанализировал психологическое содержание дешифровочного процесса и определил основные психологические механизмы осуществления деятельности дешифрирования.

Поскольку опознавание объектов по аэроснимку включает в себя восприятие как всего фотоизображения, так и отдельных его частей, В.Ф. Рубахин выделил общие характеристики процесса восприятия в рамках дешифрирования: опосредованный характер отображения объектов; направленность на выделение незначительных по своим размерам и по своему яркостному контрасту объектов из окружающего фона; активная дифференцировка сходных между собой изображений многих объектов на аэроснимке; подвижность процесса отражения, связанная с частым изменением основных характеристик объектов на снимке; высокая степень системности и обобщенности [Там же, с. 5]. После обработки перцептивной информации осуществлялась мыслительная деятельность по обобщению наглядного материала и по оценке

содержания снимка. Таким образом, процесс дешифрирования аэроснимков включает в себя перцепцию и мышление и имеет “аналитико-синтетический характер” [Там же, с. 14].

В.Ф. Рубахин проанализировал психологические особенности различных этапов дешифрирования аэроснимков. Психологическими задачами ознакомительного этапа являются формирование общего образа изображенной на аэроснимке местности, составление на этой основе плана и выбор приемов детального дешифрирования. В ходе этапа детального дешифрирования осуществляется подробное изучение всех элементов аэроснимка и определение их количественной и качественной характеристик. Последний этап заключительного контроля направлен на проверку и уточнение опознанных объектов, а также выявление пропусков в дешифрировании [27, с. 5].

Среди других психологических вопросов дешифрирования, которыми занимался В.Ф. Рубахин, можно отметить: характеристики функционирования зрительного анализатора в данной деятельности [28], профессионально-важные качества дешифровщика [Там же], роль пространственных представлений (специального их вида — топографических представлений) в процессе дешифрирования (совместно с М.В. Гамезо) [14], активность памяти и воображения при получении, переработке, сохранении и дальнейшем использовании информации дешифровщиком [30] и др.

Начиная со второй половины 1960-х годов, исследования В.Ф. Рубахина в области военно-инженерного дешифрирования продолжились в виде разработки более общих и фундаментальных вопросов психологии — психических процессов переработки информации. Решая отдельные проблемы восприятия и анализа аэроснимка, он предлагает рассматривать дешифровочный процесс как информационный и строит его концептуальную модель [29]. Получение информации и оперирование ею при дешифрировании происходит на уровнях планирования операций, информационного поиска, переработки информации и ее оценки [Там же, с. 246].

В докторской диссертации и ряде работ 1970–1971 гг. В.Ф. Рубахин формулирует *структурно-эвристическую концепцию* обработки первичной информации [31; 32]. Данная концепция включает следующие позиции: 1) процесс обработки первичной информации имеет иерархическую структуру, состоящую из ряда уровней и этапов, которые связаны между собой прямыми и обратными связями, образуя несколько локальных систем; 2) в основе сложной иерархической структуры обработки первичной информации лежат процессы смыслового восприятия, имеющие слойно-ступенчатую природу; 3) функционирование слойно-ступенчатой модели процесса восприятия первичной информации опирается на комплекс перцептивных действий, неоднородных по своему составу и имеющих собственную внутреннюю структуру; 4) восприятие первичной информационной модели определяется, с одной стороны, решаемой перцептивной задачей, а с другой — информативностью воспринимаемых стимулов [32].

Одновременно с проблематикой психологии восприятия и переработки информации результаты исследований В.Ф. Рубахина были связаны с прикладными вопросами инженерной и военно-инженерной психологии. Он изучал деятельность дешифровщика аэроснимков, его взаимодействие с технической информацией, устройствами, приборами, наконец, сложными автоматизированными системами. Вместе с этим В.Ф. Рубахин обсуждал возможности моделирования и автоматизации деятельности самого оператора-дешифровщика [29]. Все это имело направленность на разработку и оптимизацию психологических проблем системы “человек—машина”, “человек—ЭВМ”. В 1960–1970-х годах В.Ф. Рубахин совместно с ведущими специалистами в области инженерной психологии (А.А. Васильевым, И.В. Еременко, Б.Ф. Ломовым, В.И. Николаевым) отмечал переход данной психологической отрасли на новый этап развития, связанный с проблематикой автоматизированных систем управления, и выделял наиболее перспективные методологические проблемы, а именно: выявление роли и места человека в управлении современным производством; определение классификации систем “человек—машина”; разработка оптимального математического аппарата для инженерно-психологических исследований; решение задач моделирования психических процессов и систем “человек—машина”; разработка принципов и методов использования данных инженерной психологии в проектировании и эксплуатации техники и др. [11, с. 10].

Ленинградский период научной деятельности В.Ф. Рубахина характеризуется его глубоким интересом к проблематике военно-инженерной и общей инженерной психологии, всесторонним психофизиологическим, собственно психологическим и инженерно-психологическим анализом процесса дешифрирования аэроснимков и обобщением результатов исследования в виде построения информационной модели переработки первичной информации.

МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Ф. РУБАХИНА (1973–1984)

Следующий период жизни и творчества В.Ф. Рубахина связан с его работой в Институте психологии АН СССР. С 1973 по 1984 г., т.е. до конца своей жизни, ученый выполнял функции заместителя директора института, Б.Ф. Ломова, по научной работе, руководителя и научного консультанта отдела инженерной психологии и психологии труда, в который входили лаборатория математических моделей поведения (руководитель В.Ю. Крылов), лаборатория автоматизации умственного труда (руководитель О.К. Тихомиров) и лаборатория специальных прикладных проблем (руководитель В.А. Попов).

В рамках инженерно-психологических исследований в разные годы В.Ф. Рубахин осуществлял в Институте психологии научное руководство по следующим темам: “Теоретические основы инженерной психологии” (1973–1975), “Психологические проблемы управления общественным производством” (1973–1975), “Автоматизация психофизиологических и психологических исследований с использованием средств вычислительной техники” (1974), “Проблема принятия решения” (1974, 1975), “Современное состояние и тенденции развития инженерной психологии” (1974, 1975), “Теоретические и прикладные проблемы управления” (1976–1978), а также консультировал по теме “Методологические и теоретические основы психологии труда и инженерной психологии” (1976–1978) [2, л. 9; 3, л. 8, 14–15, 18; 4, л. 7–8, 14–15, 17; 5, л. 12–13, 18–19; 7, л. 9, 15; 8, л. 8, 13]. Кроме того, до 1978 г. включительно ученый руководил методологическим семинаром ИП АН СССР “Психология и технический прогресс” (в 1973–1976 гг. — индивидуально, в 1977 г. — совместно с В.Ф. Вендой, а в 1978 г. — совместно с В.Ф. Вендой и Ю.М. Забродиным).

В начале своей работы в Институте психологии В.Ф. Рубахин опубликовал программную статью о перспективах развития психологии управления, тем самым обозначив еще одно направление своих исследований [33]. Оно непосредственно вытекало из его предыдущей работы над проблемами инженерной психологии, взаимодействия человека и техники, а также управления сложными автоматизированными системами. К ключевым аспектам исследования управленческой деятельности им были отнесены обработка и анализ поступающей информации, принятие на ее основе решений, поиск проблем и постановка задач, оптимизация организационной деятельности (в том числе ее автоматизация). Важным ему представлялось изучение и управленческого мышления как специфического феномена. Эти направления психологии управления в дальнейшем и стал развивать В.Ф. Рубахин.

Многие проблемы психологии управления В.Ф. Рубахин разрабатывал совместно с другими специалистами. Так, по результатам совместных с А.В. Филипповым исследований им было установлено, что специфика управленческой деятельности выражается в учете качеств личности управляющего и управляемого [39]. Совместно с Б.Ф. Ломовым В.Ф. Рубахин выделил управленческие аспекты оптимизации трудовой деятельности человека: рациональная организация режима труда, эффективная мотивация, выстраивание взаимоотношений внутри коллектива, использование коллективных (совместных) форм труда [24]. А.Л. Журавлев и В.Ф. Рубахин определили основные разделы психологии управления по субъект-объектным основаниям: психология деятельности и личности руководителя как субъекта управления, психология деятельности и личности руководимого как объекта управления, психология коллектива как объекта управления, психология коллектива как субъекта управления, психология взаимодействия субъекта управления с его объектом [18]. Ими было предложено и новое обозначение всей проблематики психологии управления — организационная психология [Там же, с. 24]. Более частными вопросами психологии управления, которыми интересовался В.Ф. Рубахин, являлись индивидуальный стиль руководства (совместно с А.Л. Журавлевым) [17] и особенности взаимодействия в системе “лидер—последователи” (совместно с В.Е. Лепским и М.А. Новиковым) [22].

Наряду с проблематикой психологии управления, В.Ф. Рубахин продолжал разработку ключевых вопросов инженерной психологии. Он обозначил принципы системного подхода и комплексности исследований в инженерной психологии с опорой на идеи Б.Г. Ананьева и Б.Ф. Ломова [1; 9; 23]. «Дело в том, что человек-оператор, будучи сам специфической сложной системой, функционирует в системе, состоящей из ряда подсистем, со сложными взаимосвязями между ними <...>. Действительно, процессы, протекающие в системах “человек—машина”, представляют собой многомерные и многоуровневые образования» [35, с. 10]. К комплексным аспектам инженерно-психологических исследований В.Ф. Рубахин относил необходимость развития междисциплинарных связей с другими науками: социальной психологией, психологией

управления, эргономикой, кибернетикой и др. Помимо этого, к тенденциям развития инженерной психологии он добавлял применение математического аппарата, инженерно-психологическое проектирование и разработку “языковых” систем взаимодействия человека с техникой. Все эти тенденции и принципы отразились в исследованиях В.Ф. Рубахина по проблемам переработки информации и принятия решения.

В своем обобщающем труде “Психологические основы переработки первичной информации” (1974) В.Ф. Рубахин признает восприятие и опознавание информации системно-структурными процессами: “перцептивный образ <...> есть сложная иерархическая система, характеризующаяся множеством упорядоченных элементов разного ранга и связей между ними” [34, с. 76]. Также и решение перцептивно-опознавательной задачи включает в себя системно-структурные компоненты (слойно-ступенчатая содержательная модель процессов восприятия и опознания первичной информации) [Там же, с. 80–81]. Наконец, принятие решения характеризуется эвристическими и эстраполяционными механизмами, которые опираются на систему аналитических и синтетических процедур.

Эти общие принципы протекания процессов переработки информации и выработки на ее основе решения были применены им для исследования решения задач человеком при обработке полимодальных сигналов (совместно с М.И. Полтораком) [37], описания особенностей принятия решения на перцептивно-опознавательном и речемыслительном уровнях (совместно с Д.Н. Завалишиной и Б.Ф. Ломовым) [19], постановки задач моделирования и проектирования процесса принятия решения для “искусственного интеллекта” (ЭВМ и других машин) [36].

В последние годы своей жизни В.Ф. Рубахин занимался проблемами психологической семиотики и знаковых систем в деятельности человека (совместно с М.В. Гамезо) [15], взаимодействия сенсорных систем (совместно с Ф.Е. Ивановым) [20], формализации и автоматизации описания экспериментальных данных (совместно в В.Б. Рябовым) [38] и др.

Отдельно надо уделить внимание достаточно большому количеству работ В.Ф. Рубахина, подготовленных им вместе со своими учениками, аспирантами и соискателями: А.Л. Журавлевым, Ф.Е. Ивановым, В.Е. Лепским, М.И. Полтораком, В.Б. Рябовым и др. Многие из них продолжили разработку начатых совместно с В.Ф. Рубахиным психологических проблем.

Московский период научной деятельности В.Ф. Рубахина отличался широким спектром изучавшихся им психологических вопросов. Некоторые из них (теоретические проблемы инженерной психологии, механизмы переработки информации) являлись продолжением исследований ленинградского периода, другие же (психология управления, принятие решения, математическая психология, психологическая семиотика) выделились в самостоятельные темы. На позднем этапе своего творчества В.Ф. Рубахин обобщал результаты прошлых разработок и формулировал новые перспективные задачи будущих исследований в инженерной психологии, психологии управления, психологии восприятия и опознавания информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что жизнь В.Ф. Рубахина изначально была связана с военной службой, его научно-исследовательская и научно-организационная деятельность охватывала достаточно широкий спектр проблем, а его вклад в разработку различных вопросов психологии являлся очень весомым. Начав с прикладных аспектов изучения деятельности оператора-дешифровщика, за три десятилетия своего научного творчества В.Ф. Рубахин прошел путь до самых фундаментальных проблем психологии: восприятия, опознавания, переработки информации, принятия решения, управления техникой и коллективом и др.

Основной сферой научных интересов ученого была инженерная психология и психология труда, что объяснялось логикой развития психологического знания и условиями технического прогресса того времени. Психологи, изучая взаимодействие человека с техникой, машинами, ЭВМ и другими автоматизированными системами в промышленности, сельском хозяйстве, военном деле и, наконец, в науке, обнаружили специфику функционирования психических процессов человека и впоследствии сформулировали комплексные и системные принципы взаимодействия и управления в системах “человек—машина”. Включившись в передовую для его времени научную область психологии, В.Ф. Рубахин предложил оригинальные концепции переработки информации и показал особенности деятельности оператора с учетом и под влиянием поступающей информации.

Особенно необходимо отметить вклад В.Ф. Рубахина в работу Института психологии АН СССР. Будучи заместителем директора по научной работе, руководителем и консультантом отдела инженерной психологии и психологии труда, ведущим

специалистом по данной проблематике, он организовывал выполнение научно-исследовательских программ и прикладных работ, выступал экспертом по готовящимся диссертациям, участвовал в подготовке научных трудов института и, безусловно, являлся и остается одним из выдающихся ученых Института психологии РАН [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968.
2. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 5.
3. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 13.
4. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 23.
5. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 30.
6. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 31.
7. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 42.
8. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 54.
9. *Белопольский В.И.*, *Журавлев А.Л.*, *Костригин А.А.* Зарождение системного подхода в Институте психологии АН СССР в 1972–1973 гг. // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 36–45.
10. *Бодров В.А.*, *Дикая Л.Г.*, *Журавлев А.Л.* Основные направления и результаты инженерно-психологических исследований в Институте психологии РАН // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 15–34.
11. *Васильев А.А.*, *Еременко И.В.*, *Ломов Б.Ф.*, *Николаев В.И.*, *Рубахин В.Ф.* О разработке теоретических основ инженерной психологии // Проблемы военно-инженерной психологии. Вып. 1. Методологические и психофизиологические проблемы военно-инженерной психологии / Под общ. ред. В.И. Николаева, В.Ф. Рубахина. М.: Министерство обороны СССР, 1970. С. 5–36.
12. Владимир Федорович Рубахин (некролог) // Вопросы психологии. 1984. № 6. С. 167.
13. Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / Под ред. А.Л. Журавлева; сост. А.Л. Журавлев, В.И. Белопольский. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
14. *Гамезо М.В.*, *Рубахин В.Ф.* О роли пространственных представлений при чтении топографической карты и дешифрировании аэрофотоснимков // Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений / Под ред. Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова. М.: АПН РСФСР, 1961. С. 171–178.
15. *Гамезо М.В.*, *Рубахин В.Ф.* Психологическая семиотика: методология, проблемы, результаты исследования // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 6. С. 22–34.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р9506. Оп. 105. Д. 90.
17. *Журавлев А.Л.*, *Рубахин В.Ф.* Индивидуальный стиль руководства коллективом // Психология управления. Вып. 2 / Под общ. ред. Б.Ф. Ломова. М.: Знание, 1976. С. 17–32.
18. *Журавлев А.Л.*, *Рубахин В.Ф.* Психология управления как отрасль психологической науки // Психологические концепции совершенствования управления производственной организацией. Тарту, 1977. С. 24–27.
19. *Завалишина Д.Н.*, *Ломов Б.Ф.*, *Рубахин В.Ф.* Уровни и этапы принятия решения // Проблемы принятия решения / Отв. ред. П.К. Анохин, В.Ф. Рубахин. М.: Наука, 1976. С. 16–32.
20. *Иванов Ф.Е.*, *Рубахин В.Ф.* Методологические принципы исследования влияния взаимодействия сенсорных систем на психические процессы // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 89–98.
21. *Кольцова В.А.* Рубахин Владимир Федорович // История психологии в лицах. Персоналии / Под ред. Л.А. Карпенко. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 405.
22. *Лепский В.Е.*, *Новиков М.А.*, *Рубахин В.Ф.* О влиянии структур “лидер—последователи” на эффективность групповой деятельности // Проблемы инженерной психологии: Материалы Всесоюзной конференции по инженерной психологии (г. Ленинград, октябрь 1979 г.). Вып. 3 / Под общ. ред. Б.Ф. Ломова, А.А. Крылова, Ю.М. Забродина, В.Ф. Венды, В.Д. Шадрикова. Ярославль, 1979. С. 130–131.
23. *Ломов Б.Ф.* О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
24. *Ломов Б.Ф.*, *Рубахин В.Ф.* Психология и управление // Психология управления. Вып 1 / Под общ. ред. Б.Ф. Ломова. М.: Знание, 1976. С. 5–26.
25. Научный архив Института психологии РАН (НА ИП РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 85.
26. *Рубахин В.Ф.* К вопросу о психологических особенностях процесса военного дешифрирования аэроснимков // Труды Ленинградской Краснознаменной военно-воздушной инженерной академии им. А.Ф. Можайского. Вып. 175 / Отв. ред. П.Я. Райзер. Л.: ЛКВВИА им. А.Ф. Можайского, 1957. С. 3–29.
27. *Рубахин В.Ф.* Психологические особенности процесса специального дешифрирования аэроснимков (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1957.
28. *Рубахин В.Ф.* Некоторые психологические вопросы дешифрирования // Материалы Ленинградской зональной психологической конференции, 16–20 мая 1958 г. / Под ред. Ю.А. Самарина, А.Л. Шнирмана, А.В. Ярмоленко. Л., 1958. С. 71–72.

29. *Рубахин В.Ф.* Психологический анализ возможностей автоматизации дешифровочного процесса // Проблемы инженерной психологии.Вып. 4 / Под ред. Б.Ф. Ломова. Л., 1966. С. 244–251.

30. *Рубахин В.Ф.* Физиологические и психологические основы дешифрирования аэроснимков // Теория и практика дешифрирования аэроснимков / Отв. ред. Г.Г. Самойлович. М.-Л.: Наука, 1966. С. 35–44.

31. *Рубахин В.Ф.* Деятельность оператора-дешифровщика в системе обработки информации // Военная инженерная психология / Под ред. Б.Ф. Ломова, А.А. Васильева, В.В. Офицерова, В.Ф. Рубахина. М.: Воениздат, 1970. С. 323–361.

32. *Рубахин В.Ф.* Структурно-эвристическая концепция обработки первичной информации // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов (Тбилиси, 21–24 июня 1971 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 601–602.

33. *Рубахин В.Ф.* Технический прогресс и психологические проблемы управления // Вопросы психологии. 1973. № 4. С. 3–16.

34. *Рубахин В.Ф.* Психологические основы переработки первичной информации. Л.: Наука, 1974.

35. *Рубахин В.Ф.* Состояние и тенденции развития инженерной психологии // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, В.Ф. Рубахин, В.Ф. Венда. М.: Наука, 1977. С. 5–31.

36. *Рубахин В.Ф.* “Искусственный интеллект” и принятие решений // Интеллект человека и программы ЭВМ / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1979. С. 214–219.

37. *Рубахин В.Ф.*, *Полторак М.И.* Исследование переработки человеком полимодальных сигналов // Вопросы психологии. 1974. № 5. С. 71–80.

38. *Рубахин В.Ф.*, *Рябов В.Б.* Вопросы формализованного описания лабораторного психологического эксперимента // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 2. С. 128–141.

39. *Рубахин В.Ф.*, *Филиппов А.В.* Психологические аспекты управления. М.: Знание, 1973.

40. Рубахин Владимир Федорович // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 1. С. 168.

41. Центральный городской архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-8811. Оп. 25–4. Д. 8018.

THE PSYCHOLOGICAL HERITAGE OF V. F. RUBAKHIN (TO THE 100-th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)[3]

A. L. Zhuravlev*, A. A. Kostrigin**

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
**Academic of RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru
***Candidate of Psychological Sciences, Research Associate, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*
E-mail: artdzen@gmail.com

Received 27.08.2021

Abstract. The authors refer to the creative heritage of Vladimir Fedorovich Rubakhin (1921–1984), a deputy director of the Institute of Psychology of the Soviet Academy of Sciences, specialist in the field of engineering psychology, labor psychology and psychology of management. On the basis of archival materials, the life path of V.F. Rubakhin is considered. The scientific activity of the scientist in the Leningrad and Moscow periods is analyzed. The first of them is characterized by the scientist's interest in the psychological analysis of the process of deciphering aerial photographs. The Moscow period is associated with the development of fundamental issues of engineering psychology. The contribution of V.F. Rubakhin to the development of various branches of psychology (engineering psychology, labor psychology, psychology of management) and psychological problems (processing of information by a person, decision-making, characteristics of the subject and object of management, etc.) is also defined.

Keywords: history of psychology, V.F. Rubakhin, Institute of Psychology of the Soviet Academy of Sciences, personality, engineering psychology, psychology of management, archival materials.

[3] The research was carried out according to the state assignments № 0138-2022-0001.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Chelovek kak predmet poznanija. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1968. (In Russian)
2. Arhiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN). F. 2097. Op. 1. D. 5. (In Russian)
3. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 13. (In Russian)
4. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 23. (In Russian)
5. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 30. (In Russian)
6. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 31. (In Russian)
7. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 42. (In Russian)
8. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 54. (In Russian)
9. *Belopol'skij V.I.*, *Zhuravlev A.L.*, *Kostrigin A.A.* Zarozhdenie sistemnogo podhoda v Institute psihologii AN SSSR v 1972–1973 gg. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 1. P. 36–45. (In Russian)
10. *Bodrov V.A.*, *Dikaja L.G.*, *Zhuravlev A.L.* Osnovnye napravlenija i rezul'taty inzhenerno-psihologicheskih issledovanij v Institute psihologii RAN. Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i jergonomiki. Vyp. 2. Ed. V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2011. P. 15–34. (In Russian)
11. *Vasil'ev A.A.*, *Eremenko I.V.*, *Lomov B.F.*, *Nikolaev V.I.*, *Rubahin V.F.* O razrabotke teoreticheskih osnov inzhenernoj psihologii. Problemy voenno-inzhenernoj psihologii. Vyp. 1. Metodologicheskie i psihofiziologicheskie problemy voenno-inzhenernoj psihologii. Pod obshh. red. V.I. Nikolaeva, V.F. Rubahina. Moscow: Ministerstvo oborony SSSR, 1970. P. 5–36. (In Russian)
12. Vladimir Fedorovich Rubahin (nekrolog). Voprosy psihologii. 1984. № 6. P. 167. (In Russian)
13. Vydajushhiesja uchenye Instituta psihologii RAN: Biograficheskie ocherki. Ed. A.L. Zhuravlev; sost. A.L. Zhuravlev, V.I. Belopol'skij. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
14. *Gamezo M.V.*, *Rubahin V.F.* O roli prostranstvennyh predstavlenij pri chtenii topograficheskoj karty i deshifrirovanii ajerofotosnimkov. Problemy vosprijatija prostranstva i prostranstvennyh predstavlenij. Ed. B.G. Anan'ev, B.F. Lomov. Moscow: APN RSFSR, 1961. P. 171–178. (In Russian)
15. *Gamezo M.V.*, *Rubahin V.F.* Psihologicheskaja semiotika: metodologija, problemy, rezul'taty issledovanija. Psikhologicheskii zhurnal. 1982. V. 3. № 6. P. 22–34. (In Russian)
16. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R9506. Op. 105. D. 90. (In Russian)
17. *Zhuravlev A.L.*, *Rubahin V.F.* Individual'nyj stil' rukovodstva kollektivom. Psihologija upravlenija. Vyp. 2. Pod obshh. red. B.F. Lomov. Moscow: Znanie, 1976. P. 17–32. (In Russian)
18. *Zhuravlev A.L.*, *Rubahin V.F.* Psihologija upravlenija kak otrasl' psihologicheskoj nauki. Psihologicheskie koncepcii sovershenstvovanija upravlenija proizvodstvennoj organizaciej. Tartu, 1977. P. 24–27. (In Russian)
19. *Zavalishina D.N.*, *Lomov B.F.*, *Rubahin V.F.* Urovni i jetapy prinjatija reshenija. Problemy prinjatija reshenija. Ed. P.K. Anohin, V.F. Rubahin. Moscow: Nauka, 1976. P. 16–32. (In Russian)
20. *Ivanov F.E.*, *Rubahin V.F.* Metodologicheskie principy issledovanija vlijanija vzaimodejstvija sensornyh sistem na psihicheskie processy. Psikhologicheskii zhurnal. 1983. V. 4. № 1. P. 89–98. (In Russian)
21. *Kol'cova V.*A. Rubahin Vladimir Fedorovich. Istorija psihologii v licah. Personalii. Ed. L.A. Karpenko. Moscow: PER SJe, 2005. P. 405. (In Russian)
22. *Lepskij V.E.*, *Novikov M.A.*, *Rubahin V.F.* O vlijanii struktur "lider—posledovateli" na jeffektivnost' gruppovoj dejatel'nosti. Problemy inzhenernoj psihologii: materialy Vsesojuznoj konferencii po inzhenernoj psihologii (g. Leningrad, oktjabr' 1979 g.). Vyp. 3. Pod obshh. red. B.F. Lomov, A.A. Krylov, Ju.M. Zabrodin, V.F. Vendy, V.D. Shadrikov. Jaroslavl', 1979. P. 130–131. (In Russian)
23. *Lomov B.F.* O sistemnom podhode v psihologii. Voprosy psihologii. 1975. № 2. P. 31–45. (In Russian)
24. *Lomov B.F.*, *Rubahin V.F.* Psihologija i upravlenie. Psihologija upravlenija. Vyp 1. Pod obshh. red. B.F. Lomova. Moscow: Znanie, 1976. P. 5–26. (In Russian)
25. Nauchnyj arhiv Instituta psihologii RAN (NA IP RAN). F. 1. Op. 2. D. 85. (In Russian)
26. *Rubahin V.F.* K voprosu o psihologicheskih osobennostjah processa voennogo deshifrirovanija ajerosnimkov. Trudy Leningradskoj Krasnoznamennoj voenno-vozdushnoj inzhenernoj akademii im. A.F. Mozhajskogo. Vyp. 175. Ed.P. Ja. Rajzer. L.: LKVVIA im. A.F. Mozhajskogo, 1957. P. 3–29. (In Russian)
27. *Rubahin V.F.* Psihologicheskie osobennosti processa special'nogo deshifrirovanija ajerosnimkov (jeksperimental'noe issledovanie): Avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk (po psihologii). Moscow, 1957. (In Russian)
28. *Rubahin V.F.* Nekotorye psihologicheskie voprosy deshifrirovanija. Materialy Leningradskoj zonal'noj psihologicheskoj konferencii, 16–20 maja 1958 g. Ed. Ju.A. Samarin, A.L. Shnirman, A.V. Jarmolenko. L., 1958. P. 71–72. (In Russian)
29. *Rubahin V.F.* Psihologicheskij analiz vozmozhnostej avtomatizacii deshifrovochnogo processa. Problemy inzhenernoj psihologii.Vyp. 4. Ed. B.F. Lomov. L., 1966. P. 244–251. (In Russian)
30. *Rubahin V.F.* Fiziologicheskie i psihologicheskie osnovy deshifrirovanija ajerosnimkov. Teorija i praktika deshifrirovanija ajerosnimkov. Ed. G.G. Samojlovich. Moscow-L.: Nauka, 1966. P. 35–44. (In Russian)
31. *Rubahin V.F.* Dejatel'nost' operatora-deshifrovshhika v sisteme obrabotki informacii. Voennaja inzhenernaja psihologija. Ed. B.F. Lomov, A.A. Vasil'ev, V.V. Oficerov,

V.F. Rubahin. Moscow: Voenizdat, 1970. P. 323–361. (In Russian)

32. *Rubahin V.F.* Strukturno-jevristicheskaja koncepcija obrabotki pervichnoj informacii. Materialy IV Vsesojuznogo s''ezda Obshhestva psihologov (Tbilisi, 21–24 ijunja 1971 g.). Tbilisi: Mecniereba, 1971. P. 601–602. (In Russian)
33. *Rubahin V.F.* Tehnicheskij progress i psihologicheskie problemy upravlenija. Voprosy psihologii. 1973. № 4. P. 3–16. (In Russian)
34. *Rubahin V.F.* Psihologicheskie osnovy pererabotki pervichnoj informacii. L.: Nauka, 1974. (In Russian)
35. *Rubahin V.F.* Sostojanie i tendencii razvitija inzhenernoj psihologii. Inzhenernaja psihologija: teorija, metodologija, prakticheskoe primenenie. Ed. B.F. Lomov, V.F. Rubahin, V.F. Venda. Moscow: Nauka, 1977. P. 5–31. (In Russian)
36. *Rubahin V.F.* "Iskusstvennyj intellekt" i prinjatie reshenij. Intellekt cheloveka i programmy JeVM. Ed. O.K. Tihomirov. Moscow: Nauka, 1979. P. 214–219. (In Russian)
37. *Rubahin V.F.*, *Poltorak M.I.* Issledovanie pererabotki chelovekom polimodal'nyh signalov. Voprosy psihologii. 1974. № 5. P. 71–80. (In Russian)
38. *Rubahin V.F.*, *Rjabov V.B.* Voprosy formalizovannogo opisanija laboratornogo psihologicheskogo jeksperimenta. Psikhologicheskii zhurnal. 1983. V. 4. № 2. P. 128–141. (In Russian)
39. *Rubahin V.F.*, *Filippov A.V.* Psihologicheskie aspekty upravlenija. Moscow: Znanie, 1973. (In Russian)
40. Rubahin Vladimir Fedorovich. Psikhologicheskii zhurnal. 1985. V. 6. № 1. P. 168. (In Russian)
41. Central'nyj gorodskoj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb). F. R-8811. Op. 25–4. D. 8018. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 137-142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 159.9:061.2/.3

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

© 2022 г. С. В. Сарычев[1,*], Г. Н. Ларина[1,], К. М. Гайдар[2,***]**

[1]ФГБОУ ВО "Курский государственный университет";
305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, Россия.
[2]ФГБОУ ВО "Воронежский государственный университет";
394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1, Россия.
[*]Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии.
E-mail: kursk-psychol@narod.ru
[**]Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии.
E-mail: galka.larina@yandex.ru
[***]Доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии.
E-mail: gaydar@phipsy.vsu.ru

Поступила 10.01.2022

Аннотация. Всероссийская научно-практическая конференция "Социальная психология личности и группы в трансформирующейся России" собрала социальных психологов и психологов-практиков из многих регионов страны для обсуждения проблем группы и личности в современных условиях. Конференция была организована кафедрой психологии Курского государственного университета, Курским региональным отделением Российского психологического общества, Курским региональным отделением Федерации психологов образования России и проводилась в онлайн-формате. По итогам работы конференции был опубликован сборник материалов, раскрывающий многогранную палитру исследований современных психологов в области социальной психологии личности и группы.

Ключевые слова: социальная психология, личность, группа, история социальной психологии, курская научная школа в социальной психологии.

DOI: 10.31857/S020595920018774-7

16–17 декабря 2021 г. на базе Курского государственного университета проходила Всероссийская научно-практическая конференция "Социальная психология личности и группы в трансформирующейся России". Конференция проводилась в ознаменование 100-летия со дня рождения Льва Ильича Уманского, 85-летия со дня рождения Алексея Сергеевича Чернышева, 60-летия Областной школы молодежных лидеров "Комсорг" и 50-летия кафедры психологии Курского государственного университета. В работе конференции, организованной в онлайн-формате на платформе Google Meet, приняли участие более 100 исследователей, преподавателей, психологов-практиков и студентов из Белгорода, Борисоглебска, Воронежа, Курска, Кызыла, Липецка, Москвы, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Тюмени. Модерацию докладов и круглых столов осуществляли заведующий кафедрой психологии КГУ профессор С.В. Сарычев, профессора той же кафедры Т.А. Антопольская и С.Г. Елизаров, доценты Н.А. Галкина и Ю.Л. Лобков.

На пленарном заседании [2] в докладе *С.В. Сарычева* (Курск) в связи со 100-летием со дня рождения видного отечественного социального психолога, первого заведующего кафедрой психологии Курского государственного университета, создателя курской социально-психологической школы Льва Ильича Уманского были проанализированы документы для подготовки научной биографии, хранящиеся в архиве КГУ. Корпус документов позволяет уточнить хронологию его научно-педагогической деятельности, оценить вклад ученого в развитие социально-психологической теории, в институциональное оформление психологии в Курском государственном педагогическом

институте, в становление научной школы в области социальной психологии малых групп и коллективов. Одна из основных идей доклада заключалась в том, что идеи о малой группе, закономерностях ее становления и развития, влияния на личность, сформулированные Л.И. Уманским в 60–70-е годы XX в., обладали значительным научным потенциалом и составили мощную базу для продуктивного развития научной школы в течение многих десятилетий, имеющей сегодня статус одной из ведущих в области социальной психологии групп.

Доклад *А.В. Сидоренкова* (Ростов-на-Дону) был посвящен системному анализу уровней малой группы и их взаимосвязи. Были конкретизированы теоретические положения авторской микрогрупповой теории, представлены результаты экспериментальных исследований трех уровней групповой активности — индивида, неформальной подгруппы в группе, малой группы. Докладчиком отмечено, что социально-психологический анализ ограничен, как правило, одним или двумя уровнями. Было показано, что включение в анализ всех уровней и их связей позволит расширить аналитические рамки исследования малой группы, ее явлений и процессов.

В докладе *С.Г. Елизарова* (Курск) были представлены итоги многолетнего исследования мотивационно-ценностной включенности малой учебной группы во взаимодействие и взаимоотношения с социальной средой и условия формирования включенности. Согласно данным исследования, интергрупповая активность малой учебной группы распространяется не только на взаимодействие и взаимоотношения с другими малыми группами, выступающими в качестве элементов социальной среды, в которую входит данная группа, но и с самой социальной средой, понимаемой докладчиком в качестве социальной системы или системы малых групп. Малые группы, вступая в многоуровневую и многокатегориальную систему отношений между собой и формируя новые социальные среды, выстраивают свои взаимоотношения с ними в континууме “принятие — непринятие малой группой социальной среды, неотъемлемой составляющей которой она является”.

В выступлении *Т.А. Антопольской* (Курск) по результатам исследования, осуществленного на основе экопсихологического подхода В.И. Панова, были выделены стадии развития субъектности подростков в социально обогащенной среде дополнительного образования: наблюдатель, подмастерье, ученик, мастер. Было рассказано о реализации проекта “Социальный полигон для подростков поколения Z” как психолого-педагогическом условии развития субъектности в дополнительном образовании.

В докладе *К.М. Гайдар* (Воронеж) было раскрыто поэтапное становление и развитие нового научного направления — социальной психологии группового субъекта, прослежены взаимосвязи с параметрической теорией групп и коллективов Л.И. Уманского — А.С. Чернышева, определены перспективные линии его дальнейшей разработки: разработка понятийного аппарата, исследование различных сфер активности группового субъекта, разработка типологии социальных ситуаций жизнедеятельности группового субъекта, построение психологической типологии групповых субъектов, исследование динамики генезиса и развития различных групповых субъектов, выявление факторов, способствующих и препятствующих развитию группы в естественных условиях жизнедеятельности. Был обоснован вывод о том, что социальная психология группового субъекта обладает широкими эвристическими возможностями и способна обеспечить определенный “прорыв” в разработке групповой проблематики.

А.В. Капцов (Самара) и *В.И. Панов* (Москва) на основе осуществленного ими исследования предложили трехуровневую экопсихологическую модель становления группового субъекта учебной деятельности обучающихся вузов и формализованную схему ее описания, согласно которой развитие способности стать субъектом конкретного действия в онтологическом плане представляет собой процесс из семи базовых стадий. В докладе, вызвавшем заинтересованную дискуссию среди участников конференции, было предложено рассматривать становление субъектности обучающихся в зависимости от этапа развития учебной группы как группового субъекта, оказывающего на каждого студента психолого-педагогическое воздействие.

На заседании ***секции “Социальная психология коллективного субъекта”*** в докладе *А.Л. Бубнова* (Воронеж) была рассмотрена проблема социально-психологического статуса студенческой группы как группового субъекта, выделены компоненты этого статуса: престиж, авторитет, репутация, уважение. По данным авторского исследования, определенное сочетание этих компонентов может определять разную степень выраженности социально-психологического статуса группового субъекта.

Доклад *Е.И. Гамовой* (Курск) был посвящен изучению выработки ориентировочной основы совместной деятельности малых молодежных групп. По итогам эмпирического исследования докладчиком были выделены типы ориентировочной основы совместной деятельности группового субъекта

(дефицитарный, переходный и адекватный), определена роль лидерства в реализации данных типов ориентировки в совместной деятельности.

В докладе *А.А. Алдашевой* и *О.А. Первачевой* (Москва) были изложены результаты исследования взаимосвязи результативности пожарных смен с уровнем доверия себе и другому, а также стилями группового взаимодействия и выбором личных стратегий в осуществлении совместной деятельности. Получены новые научные данные о том, что ценностно-смысловые регуляторы (доверие себе и доверие/недоверие другому) могут выступать предикторами готовности и надежности профессионального взаимодействия в деятельности специалистов рискоопасных профессий.

С.В. Тарасов и *Т.В. Дробышева* (Москва) в своем докладе проанализировали проблему групповой рефлексивности учебных групп разного типа (полузакрытых и открытых), сравнили уровни выраженности рефлексивности и их предикторы. Выявлено, что учебные группы полузакрытого типа обладают более высоким уровнем готовности к анализу смысла групповой деятельности, оценке ресурсов и возможностей, осознанию опыта совместной деятельности, чем группы открытого типа. Эти особенности групп полузакрытого типа авторы доклада связали со специфической социальной ситуацией развития, в которой находятся такие группы.

В докладе *Е.В. Битюцкой* (Москва) рассматривалась проблема имитационного моделирования при изучении группового копинга, для изучения которого была разработана имитационная игра, в процессе которой группа из трех человек решает трудную задачу-головоломку. Были представлены результаты анализа ролей игроков и факторов эффективности группового копинга, предложено описание четырех групповых способов копинга (стратегический копинг, драйв, конфронтация, уход от решения задачи).

Активная дискуссия, состоявшаяся на заседании секции, показала, что социальная психология коллективного субъекта в настоящее время интенсивно развивается в российской психологии, живо откликаясь на современные запросы общества, охватывая разные виды малых групп и разнообразные сферы их совместной жизнедеятельности.

На заседании ***секции "Развитие субъектности личности и группы в современных социокультурных условиях"*** в докладе *О.Л. Балашова* (Курск) центральным вопросом стал педагогический потенциал творческого сетевого сообщества в развитии субъектности современных подростков. Творческое сетевое сообщество было проанализировано как коллективный субъект творческой деятельности, осуществляемой в среде дополнительного образования, способствующей обогащению субъектного опыта участников сетевой группы и удовлетворяющей потребности современных подростков в самореализации.

В докладе *Е.Л. Башмановой* (Курск) были обозначены объяснительные принципы субъектности подростков (исторической обусловленности становления субъектности, изучения субъектности подростков в естественных средах, априорности созидательной сущности субъектности, уравновешивания объективных и конъюнктурных компонентов субъектности, "ненасильственности" трансфера из детской субъектности во взрослую) и раскрыты противоречия между ними, обусловленные современной социальной ситуацией развития личности подростка.

В.Н. Гирявая (Белгород) рассмотрела подходы отечественных и зарубежных психологов к соотношению понятий "стресс" и "стрессоустойчивость", предложив психологический анализ компонентов стрессоустойчивости.

М.Ю. Сокол (Курск) посвятила свое выступление организационной культуре университета как социально-экономической категории и связанным с ней понятиям, предложила рекомендации по педагогическому согласованию целевой модели организационной культуры университета с корпоративной культурой организаций-работодателей.

В докладе *О.В. Соловьевой* (Москва) был представлен анализ роли межличностной обратной связи в повышении субъектности личности, приведены результаты эмпирического исследования на материале дистанционного и очного обучения в школе. Было обосновано положение о том, что в условиях дистанционного обучения лишь позитивная межличностная обратная связь ведет к повышению субъектности адресатов, а негативная обратная связь приводит к ухудшению отношений адресата с коммуникатором и, в определенном смысле, к снятию первым с себя ответственности за происходящее.

В целом материалы, представленные участниками секции, позволяют сделать вывод о том, что в современных условиях становление молодого поколения в России происходит под влиянием ряда новых факторов, не имевших место ранее, в то же время некоторые традиционные факторы претерпевают сегодня значительные трансформации. Эти проблемы и составляют предмет исследовательского интереса социальных психологов.

На заседании ***секции "Проектирование психологической помощи подросткам и юношам в личностном развитии"*** в докладе *Ю.Л. Лобкова* (Курск) была дана оценка методик социально-психологической поддержки современной молодежи в личностном самоопределении в условиях деятельности Областной школы молодежных лидеров "Комсорг" (создания ситуации успеха, регуляции эмоционального настроя, формирования межгруппового сотрудничества, формирования надежности группы, развития способности личности к социальной интеграции). Были приведены критерии и примеры эффективности применения указанных методик в условиях "социального оазиса" как социально обогащенной развивающей среды.

Т.И. Богачева (Орел) рассказала о результатах эмпирического исследования личностных характеристик лидеров-добровольцев, представила психологический портрет личности лидера молодежных добровольческих групп. Ею установлено, что типичный лидер-доброволец ориентирован на достижение успеха, сочетает высокий уровень развития мотива "стремление к людям" с низким уровнем развития мотива "боязнь быть отвергнутым", обладает смешанным типом личностной установки "альтруизм–эгоизм", к наиболее значимым относит семейные и социальные ценности, обладает средним уровнем развития волевых характеристик, уровнем развития стрессоустойчивости выше среднего, умеренным уровнем развития склонности манипулировать другими людьми в межличностных отношениях, а также высоким уровнем развития коммуникативных и организаторских склонностей.

В докладе *О.Б. Мазкиной* и *В.С. Хатунцевой* (Воронеж) были рассмотрены вопросы, связанные с изучением особенностей стресс-менеджмента в педагогическом процессе, раскрыты различные подходы к формированию стрессоустойчивости субъектов профессионального высшего образования.

А.В. Чеканова (Московская обл.) охарактеризовала методики оказания психолого-педагогической помощи в адаптации к обучению в русскоязычной школе мигрантов подросткового возраста посредством психодиагностики, коррекционно-развивающей работы и психологического консультирования.

На основании прозвучавших на секции докладов и их обсуждения был сделан вывод о том, что современная социальная психология обладает существенным потенциалом практического оказания психологической помощи подрастающему поколению в социальном и личностном развитии.

На заседании ***секции "Личность, группа, социальная среда: проблемы взаимоотношений и взаимодействия"*** в докладе *Е.В. Беляевой* и *Н.А. Галкиной* (Курск) были изложены результаты исследования влияния лидерства на формирование направленности группы, показана ведущая роль лидеров молодежных групп в формировании духовности, общественных оценок, в формулировании норм и правил группового поведения.

В докладе *Н.В. Борисовой* (Москва) была поднята проблема модификации социальных связей в процессе истории. Проанализировав разработку этой проблемы в наследии европейских мыслителей первой половины XX в., автор обратила внимание слушателей на то, что в нынешних условиях непосредственные контакты людей под влиянием факторов сугубо материального порядка вытесняются искусственными формами социальной коммуникации, что грозит серьезным нарушением естественных форм человеческого общения.

М.И. Логвинова (Курск) в своем выступлении привела результаты эмпирического исследования различных аспектов социального самочувствия молодежи в условиях пандемии коронавируса. Часть молодежи использовала появившееся свободное время для саморазвития, достижения целей, реализации планов, другая часть испытывала состояние апатии, с трудом перестраивалась на новый режим жизнедеятельности. В целом молодежь оптимистично настроена относительно своего физического состояния. Характеризуя эмоциональное состояние респондентов, докладчик резюмировал, что молодежь в большей степени испытывала серьезное психологическое давление, нежели реальное ухудшение самочувствия.

М.М. Домхоков (Курск) проанализировал специфический элемент монетизации мобильных видеоигр (лутбокс), выявив его сходство с традиционными азартными играми, и, оценив возможное формирование игровой зависимости, предложил меры по психологической профилактике зависимости.

А.С. Олешицкая (Курск) рассмотрела социально-психологические детерминанты формирования нарушений пищевого поведения и негативного образа тела, к числу которых ею отнесены паттерны пищевого поведения в семье, воздействие ближайшего социального окружения (сверстников, школьной среды, масс-медиа и социальных сетей).

В докладе *Т.Л. Худяковой* и *А.Н. Севрюковой* (Воронеж) были рассмотрены подходы к развитию коммуникативной компетентности в процессе социального обучения, дана оценка эффективности

разработанной авторами программы развития коммуникативной компетентности в юношеском возрасте, реализованной в группах старшеклассников. Критериями эффективности выступали повышение уровня сплоченности и интегрированности групп; снижение доминирования негативных эмоций в процессе общения; повышение критичности и требовательности к себе членов групп; повышение точности самовосприятия в процессе общения.

В итоге секционного заседания был сделан совместный вывод о том, что проблемы взаимоотношений личности, группы и социальной среды попрежнему остаются актуальными и требуют дальнейшей разработки с учетом современной социальной ситуации развития молодежи.

На заседании ***секции "Мироощущение и социальное самоопределение молодежи в изменяющейся России"*** в докладе *Л.С. Маринова* (Курск) были представлены результаты эмпирического исследования мироощущения и социального самоопределения современной российской молодежи, ее социальные представления о свободе и идеале. Автором установлено, что мироощущение и социальное самоопределение современной учащейся молодежи отличаются проявлением прагматизма, индивидуализма и снижением социальной активности, особенно у городских школьников. В структуре мироощущения современных подростков и юношей не просматривается осознанной связи между жизненной перспективой и собственными возможностями для ее реализации.

В докладе *Т.Р. Березки* и *Г.Н. Лариной* (Курск) были рассмотрены особенности профессионального самоопределения юношей и девушек, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования. Эмпирически установлено, что на разных этапах обучения самоопределение студентов отражает их интересы, на которые могут влиять психолого-педагогические условия.

К.И. Клюева (Курск) рассказала о результатах эмпирического исследования эмоциональной сферы молодежи в условиях пандемии COVID-19, выделив такие составляющие, как чувство одиночества, тревожность и субъективное благополучие. У значительного числа респондентов обнаружены признаки психологического дискомфорта в эмоциональной сфере: высокий уровень ситуативной тревожности, высокий уровень одиночества, низкий уровень субъективного благополучия.

Таким образом, эмпирическими данными участников указанной секции подтверждается вывод о том, что трансформация разнообразных социально-экономических, социокультурных и социально-психологических условий, в которых сегодня оказалось население России, в том числе молодежь, сказывается на социальном самочувствии людей, вызывая разнонаправленные психологические тенденции.

На заседании ***круглого стола "85 лет А.С. Чернышеву: Ученый, Учитель, Человек"*** [1] была предпринята попытка описать и оценить вклад в развитие социально-психологической теории, преподавание психологии в вузе, подготовку и переподготовку профессиональных психологов и становление психологической службы Курской области многолетнего заведующего кафедрой психологии КГУ и лидера курской научной школы в области социальной психологии Алексея Сергеевича Чернышева. Участники круглого стола были едины во мнении, что Алексей Сергеевич не только развил идеи своего учителя Льва Ильича Уманского, но и значительно обогатил их, что позволило ему совместно со своими коллегами и последователями выделить ряд новых и перспективных направлений в социальной психологии групп, стать признанным авторитетом в психологическом сообществе не только Центрально-Черноземного региона, но и всей страны.

Круглый стол «Молодежные лидеры и организаторская деятельность — 60 лет успеха ОШМЛ "Комсорг"» подвел итоги многолетнего формирующего социально-психологического эксперимента курских психологов по подготовке молодежных лидеров и психологической помощи подросткам и юношам в личностном развитии, у истоков которого стояли Л.И. Уманский, А.С. Чернышев, А.Н. Лутошкин, Е.А. Шанин, Л.И. Акатов, А.С. Крикунов, Е.И. Дымов, Е.И. Тимощук. Данный эксперимент есть реальное подтверждение того, как могут продуктивно сочетаться научная теория, эмпирические исследования и психологическая практика.

По итогам работы конференции был опубликован сборник материалов, раскрывающих многогранную палитру исследований современных психологов в области социальной психологии личности и группы [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Круглый стол "85 лет А.С. Чернышеву: Ученый, Учитель, Человек" 17 декабря 2021 г. URL: https://youtu.be/IomWY6JItsU

2. Пленарное заседание конференции по социальной психологии в КГУ 16 декабря 2021 г. URL: https://youtu.be/9mWMeWEFx5w
3. Социальная психология личности и группы в трансформирующейся России: Материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции (Курск, 16–17 декабря 2021 г.) / Отв. ред. проф. С.В. Сарычев. Курск: Университетская книга, 2021. 267 с.

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "SOCIAL PSYCHOLOGY PF PERSONALITY AND GROUP IN TRANSFORMING RUSSIA"

S. V. Sarychev[1,*], G. N. Larina[1,], K. M. Gaidar[2,***]**

[1]FSFEE "Kursk State University",
305000, Kursk, Radischev str., 33, Russia.
[2]FSFEE "Voronezh State University",
394018, Voronezh, Universitetskaya square, 1, Russia.
[*]ScD (Psychology), Professor, Head of Psychology Chair.
E-mail: kursk-psychol@narod.ru
[**]PhD, Associate Professor, Psychology Chair.
E-mail: galka.larina@yandex.ru
[***]ScD (Psychology), Associate Professor, Head of General and Social Psychology Chair.
E-mail: gaydar@phipsy.vsu.ru

Received 10.01.2022

Abstract. The All-Russian Scientific and Practical Conference "Social Psychology of the Person and the Group in Transforming Russia" brought together researchers in the field of social psychology and practicing psychologists to discuss the problems of studying the group and personality in modern conditions. The conference was organized by the Department of Psychology of Kursk State University, the Kursk Regional Branch of the Russian Psychological Society, the Kursk Regional Branch of the Federation of Educational Psychologists of Russia and was held online. As a result of the conference, a compendium of materials was published, revealing the multifaceted palette of research of modern psychologists in the field of social psychology of personality and group.

Keywords: social psychology, personality, group, history of social psychology, Kursk scientific school in social psychology.

REFERENCES

1. Kruglyy stol "85 let A.S. Chernyshevu: Uchenyy, Uchitel', Chelovek" 17 dekabrya 2021 g. URL: https://youtu.be/IomWY6JItsU (In Russian)
2. Plenarnoye zasedaniye konferentsii po sotsial'noy psikhologii v KGU16 dekabrya 2021 g. URL: https://youtu.be/9mWMeWEFx5w (In Russian)
3. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti i gruppy v transformiruyushcheysya Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy online-konferentsii (Kursk, 16–17 dekabrya 2021 g.) / Ed. prof. S.V. Sarychev. Kursk: Universitetskaya kniga, 2021. 267 p. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 1, с. 143–144

* * *

ЗАБРОДИН ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

8 декабря 2021 г. не стало Юрия Михайловича Забродина — классика отечественной и мировой психофизики. Его имя в науке прочно связано с Институтом психологии РАН (АН СССР). Первая в стране лаборатория психофизики, которую в институте возглавлял и вдохновлял Ю.М. Забродин на протяжении всех 15 лет ее существования, внесла решающий вклад в создание отечественной школы психофизики и развитие этой научной дисциплины в России на современном уровне. Это стало одним из важнейших научных достижений института. Под руководством Юрия Михайловича были разработаны новаторские с точки зрения мировой психофизики идеи, сформировалась нетрадиционная для нее исследовательская парадигма. Ее ключевая и конструктивная идея: существуют не чистые ощущения, а *сенсорные задачи субъекта*. С позиций системной методологии психологических исследований, обоснованной Б.Ф. Ломовым, Юрий Михайлович дал современное определение психофизики как науки не только об измерении ощущений, но как разветвленной области психологии, изучающей законы чувственного отражения, поведение и деятельность человека при восприятии и оценке сигналов внешней среды. Он разработал *концепцию внутренней структуры сенсорного пространства*, теоретически описав его топологию, метрику, их взаимосвязь и в целом — *системно-динамический подход к анализу сенсорных процессов*, на базе которого — *основы общей теории психофизики*, пока не имеющей аналогов в мировой науке. Теория объединила четыре основных раздела психофизики: сенсорной чувствительности, принятия решения, субъективного шкалирования и психофизических законов. Сопоставление результатов классических и современных психофизических методов позволило найти функции перехода между введенными в них показателями, что позволило объединить эти методы в общую систему. Выведен *обобщенный психофизический закон*, описывающий не только известные логарифмическую и степенную формы связи между величинами стимула и ощущения, но и *любую* функцию, промежуточную между ними. Тем самым выполнена важнейшая в теоретическом отношении работа по *интеграции психофизического знания*. Теория Ю.М. Забродина в лаборатории многосторонне обоснована экспериментально — прежде всего при изучении *динамики* сенсорно-перцептивного процесса, *взаимосвязи* его сенсорной и решенческой составляющих, их интер- и интраиндивидуальных механизмов. Современная психофизическая парадигма исследования системно объединилась с деятельностной, дифференциально-психологической и изучением функциональных состояний. Последние два направления как специальные были выделены Ю.М. Забродиным.

Итогами работы лаборатории стали 9 книг, более 20 кандидатских диссертаций и 2 докторские (Ю.М. Забродина и К.В. Бардина). Ее достижения Забродин и его соратники широко представляли не только в России, но и в Международном обществе по психофизике. В Берлине под редакцией

Забродина и др. вышли в свет два англоязычных сборника статей выдающихся представителей отечественной и мировой психофизики (Advances in Psychophysics, 1976; Psychophysical judgment and the Process of Perception, 1982).

Безмерный фундаментальный вклад Забродина в отечественную и мировую психофизику невозможно переоценить. В настоящее время его наследие продолжает развиваться учениками и последователями (и пока далеко не все оно реализовано в эксперименте и практике). Ю.М. Забродин стал истинным генератором идей в сфере психофизики, классиком мировой психологической науки.

Светлая память нашему дорогому коллеге и Учителю!

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

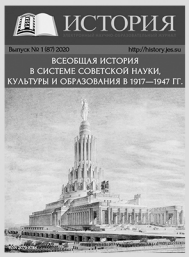
- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Психология

МАГИСТРАТУРА

Психология личности

Психологическое консультирование

АСПИРАНТУРА

Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).